Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 3 15 ФЕВРАЛЯ № 3

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 9
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА“

Главлит № А—26566. Тираж 70.000 экз.
Типография газеты „Правда“, Тверская, 48.

Перевыборы советов.

Идущие сейчас перевыборы советов являются первыми перевыборами органов диктатуры пролетариата в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Партия выступает в этой кампании с развернутой программой социалистического строительства как в городе, так и в деревне. Неуклонное проведение индустриализации страны, рост и укрепление социалистических элементов в сельском хозяйстве, дальнейшее проведение кооперирования и коллективизации, увязываемое с поднятием индивидуального крестьянского бедняцкого и середняцкого хозяйства, улучшение всего государственного аппарата, активное преодоление хозяйственных затруднений, дальнейшее наступление на капиталистические элементы, укрепление союза рабочего класса с крестьянством под руководством пролетариата, — вот лозунги партии на этих перевыборах. Являясь нашей основной политической кампанией, охватывающей десятки миллионов трудящихся, перевыборы советов выявляют расстановку классовых сил в данный период, дают проверку на опыте миллионов людей правильности политики партии, вскрывают все слабые места нашей работы. Советы являются «аппаратом», посредством которого авангард угнетенных классов может поднимать, воспитать, обучать и вести за собой всю гигантскую массу этих классов» (Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 229). Перевыборы советов и должны ответить на вопрос, насколько хорошо выполняет авангард эту свою ведущую роль, должны показать, как обстоит дело с союзом рабочего класса с многомиллионными массами крестьянства и пролетарским руководством в этом союзе.

Задачи социалистической реорганизации всего народного хозяйства не могут быть разрешены без укрепления и качественного улучшения ведущей, руководящей роли пролетариата и его авангарда—нашей партии. Кто сейчас, говоря о союзе рабочего класса с крестьянством, не подчеркивает вопроса о пролетарском руководстве в этом союзе,— тот неминуемо скатывается к оппортунизму, сколько бы он ни кричал о борьбе с правой опасностью и примиренчеством. Ведь наше социалистическое строительство есть продолжение в особых формах, особыми методами классовой борьбы с капитализмом. Это ленинское определение нэпа особенно важно помнить сейчас, когда мы ведем наступление на капиталистические элементы. Всячески укрепляя свой союз с многомиллионными массами крестьянства, пролетариат должен улучшать

(а тем самым усиливать) свое руководство этими массами. Для этого он должен подтянуть в одну шеренгу с собой пролетарские элементы деревни (батрачество) и опираться на ее организованные полупролетарские элементы (беднота). Уметь вести за собой основные массы крестьянства, середняков, уметь направлять их против кулаков, — в этом и заключается руководство пролетариата.

Перевыборы советов идут в обстановке обострения классовой борьбы. Капиталистические элементы города и деревни активно сопротивляются развертыванию социалистического строительства, пытаются отбивать наше наступление, а кое-где переходить и в контрнаступление, ударяя по слабым участкам нашего фронта (религия, антисемитизм и т. д.) и используя наши трудности. Кулацкая активность в эти перевыборы, несомненно, выше и проявляется ярче и острее, чем на перевыборах 1927 г. Нужно прямо сказать, что в целом ряде мест кулаки начали подготовку к выборам раньше, чем наши партийные и советские организации. В некоторых селениях им удалось проникнуть даже в состав избиркомов. Кулаки вели активную борьбу за право голоса, всячески стараясь не попасть в число лишенцев. Это вызывается не только желанием голосовать или пролезть в советы, но и тем, что состояние в «лишенцах» влечет за собой целый ряд неприятностей.

Основная установка кулаков на перевыборах очень хорошо выражена в следующих словах одного активного кулака (Проскуровский округ): «Нам, зажиточным хозяевам,—говорит он,—нужно во что бы то ни стало привлечь на свою сторону середняков, которые также были обижены в этом году налогами. Если мы сумеем сообща с ними выступить, то мы будем гарантированы, что ни один голодранец в сельсовет не попадет». Для достижения этой цели кулаки идут на все, начиная с подкупа и спаивания бедноты и кончая террором. Этот террор носит не характер личной мести за лишение прав голоса и т. п., а служит именно целям устрашения батрачества, бедноты и середняков. Активную помощь кулакам в ряде мест оказывали попы, муллы, сектанты. Во главе кулаков часто шли всякие «бывшие люди», имеющиеся в деревне: бывшие полицейские, помещики, белогвардейцы. Рост кулацкой активности вызывается и тем, что классовая линия, несмотря на ряд недочетов, проводится все же более твердо и четко, чем в прошлые перевыборы.

Перевыборы подтверждают наличие в наших деревенских партийных организациях не только коммунистов, не желающих бороться с кулаком, но и элементов, явно окулачившихся и идущих вместе с кулаками против бедноты. В партии нашлись коммунисты, которые по всем нашим законам попали в «лишенцы». Настроение мирного сожительства с кулаком, стремление уклониться от борьбы с ним, нежелание вести работу с беднотой, «чтоб не раскалывать деревню», замазывание своего местного кулака при «принципиальном» признании необходимости борьбы с кулачеством вообще — все это имеется у значительной прослойки деревенских партийцев. На ряду с решительной чисткой своих рядов от явно переродившихся элементов партия должна усиленной воспитательной работой преодолеть такого рода настроения. Перевыборы показывают, что партийные решения о работе среди бедноты проводятся в жизнь все еще слабо. Еще хуже обстоит дело с батрачеством. Тут мы совсем почти не сдвинулись с мертвой точки. Имеется масса жалоб бедноты на то, что ее собирают только раз в два года—на перевыборы. Между тем, организованность бедноты, ее подготовка к выборам, ее дружное выступление на самих перевыборах определенно влияют на поведение середняков. Правильно поставленная, постоянная работа с беднотой и с батрачеством не только не ослабляет союза рабочего класса с середняками, но, наоборот, укрепляет этот союз, воздействуя на середняков, заставляя их считаться с беднотой как с организованной противостоящей кулаку силой.

В процессе перевыборов, особенно в их начале, обнаружилось в отдельных местах и искривление партийной линии в отношении середняка. Это выразилось в недопущении активистов-середняков на бедняцкие собрания, в лишении избирательных прав отдельных середняков, в чрезвычайно низком проценте середняков в некоторых новых советах. Что такая «политика» только помогает кулаку в его стремлении перетянуть на свою сторону середняка, ясно само собой. Середняк является основной массой деревни, и он должен занять должное место в сельсоветах. Проводить линию партии на увеличение влияния и представительства батрачества и бедноты в сельсоветах так, чтобы сельсоветы превращались в комитеты бедноты, может только тот, кто ничего не понимает в деревенской политике партии.

В эти перевыборы мы имеем в ряде мест применение новых форм руководства рабочего класса крестьянством. На многих предприятиях рабочие по своей инициативе выделяли представителей для посылки в деревню на перевыборы советов. При этом посылка происходила за счет самих рабочих. Это есть реальная помощь пролетариата бедняцко-середняцким массам деревни и нашей партии. Самое важное в этой посылке — проявление инициативы самих рабочих. Кто помнит, какое значение Ленин придавал шефству рабочих над деревней и непосредственной связи между рабочими заводов и крестьянством, тот поймет важность посылки рабочих бригад. Партия должна тщательно изучить эту новую форму связи рабочего класса с крестьянством, развить ее, сделать постоянной, не ограничивая ее только связью во время перевыборов.

Каков же основной вывод? Уже имеющиеся данные о ходе перевыборов позволяют сказать, что, несмотря на возросшую кулацкую активность, несмотря на все наши трудности, основная масса деревни— беднота и середняки—пошла вместе с пролетариатом, вместе с его партией. Неправильно было бы утверждать, что у отдельных слоев середнячества (да и бедноты) нет недовольства по тому или

иному вопросу. Но политика партии по отношению к бедноте и середняку показала свою правильность, несмотря на все трудности переживаемого периода, основная бедняцко-середняцкая масса деревни идет за рабочим классом, идет за его партией, поддерживает проводимую ею политику. Это—главное. Намеченные партией мероприятия по поднятию урожайности индивидуального бедняцко-середняцкого хозяйства, составляющие органическую часть проводимого партией общего плана поднятия и социалистической реконструкции сельского хозяйства, изменение сельскохозяйственного налога в виде облегчения обложения середняцких хозяйств (ноябрьский пленум признал задачу хозяйственного стимулирования индивидуального бедняцко-середняцкого хозяйства одной из центральных задач партии), решительная борьба с извращениями партийной линии в отношении середняка (на ряду с проведением четкой классовой политики по отношению к кулаку) еще больше сплотят вокруг партии основные массы деревни.

Крупнейшее значение для создания в деревне условий, благоприятствующих развитию бедняцко-середняцких хозяйств, так же, как для роста активности бедноты и для борьбы с кулаком, имеет строгое соблюдение революционной законности и прочное внедрение ее в деревенскую жизнь. Твердое проведение советского закона по отношению к кулаку, сплошь и рядом нарушающему этот закон, пользуясь слабостью и засоренностью нашего советского аппарата на местах; борьба с явлениями и традициями «административного произвола», бьющего часто по середняку и отражающегося вредоносным образом на хозяйствах, должны составлять одну из важных задач кампании по перевыборам советов.

Внимание рабочих на развертывающихся перевыборах городских советов, на ряду с вопросами индустриализации, необходимо сосредоточить на вопросах борьбы с бюрократизмом, улучшения всего государственного аппарата и большего вовлечения рабочих в дело управления страной. Без решительного сдвига в этих вопросах нельзя разрешить стоящие перед партией сложнейшие задачи. У нас есть люди, которые вместо конкретной работы по борьбе с бюрократизмом занимаются одними хорошими разговорами. Ленин самыми резкими словами клеймил такого рода «теоретиков». «Самый худший у нас внутренний враг,—писал он,—это коммунист, который сидит на ответственном (а затем и на неответственном) советском посту и который, пользуясь всеобщим уважением, как человек добросовестный, не научился бороться с волокитой, не умеет бороться с ней, ее прикрывает». (Т. XVIII, ч. 2, стр. 15). Государственный аппарат должен быть построен сейчас так, чтобы он мог без перебоев обслуживать нужды периода социалистической реконструкции. А сейчас дело с этим обслуживанием обстоит из рук вон скверно. Только сосредоточив на этом вопросе внимание и усилия миллионов рабочих, только обратясь к массам, только выуживая оттуда и ставя на государственную работу тысячи новых организаторов,—мы улучшим наш госаппарат.

Руководящая роль пролетариата на перевыборах горсоветов должна сказаться также в том, чтобы втянуть в перевыборы новые слои рабочего класса, пришедшие из деревни. Необходимо переломить крестьянские настроения этих слоев, чувствующих еще себя временными гостями наших фабрик, заводов и городов. Надо суметь показать им, что они вместе со всем пролетариатом несут ответственность за дело социалистического строительства. Основные кадры рабочего класса, его передовая часть должны дать отпор на перевыборах мелкобуржуазному влиянию, идущему через эти слои. Враждебные нам элементы будут пытаться, играя на наших затруднениях, использовать непролетарские трудящиеся массы города. Мы должны ответить на это улучшением и усилением пролетарского руководства этими массами. Мы должны, наконец, повысить участие в горсоветах рабочих с производства. Нельзя признать нормальным положение, когда в советах наших крупнейших городов рабочие с производства составляют 30—35%.

В этой серьезнейшей политической кампании партия не может обойти вопрос об уклонах. Разоблачение контрреволюционной сущности нынешнего троцкизма должно сопровождаться беспощадным отпором возможным на перевыборах вылазкам троцкистов. Политику партии нельзя сейчас раз'яснять рабочим, не раз'ясняя антиленинской сущности правого открыто-оппортунистического уклона и примиренческого отношения к нему. Правый уклон осужден всей партией, осужден партийными решениями. Выступая как единое целое перед всем рабочим классом, партия должна раз'яснять рабочим корни, сущность и опасность правого уклона в партии. Это тем более необходимо, что правый уклон коренится в отсталости нашей страны, в распыленности мелкого хозяйства, в буржуазном и мелкобуржуазном давлении на пролетариат и его партию.

Перевыборы горсоветов должны проходить в обстановке развертывания пролетарской самокритики и пролетарской демократии. Нельзя сказать, чтобы с самокритикой в наших советах дело обстояло хорошо. Вскрытие ряда гнойников выявило слабость контроля рабочих депутатов над работой советских верхушек. Слабость контроля рабочих над своими депутатами подтверждается отсутствием широкой практики досрочного отзыва депутатов. Партийное руководство перевыборами должно обеспечить возможность широкой критики рабочими работы советов и избрание в советы лучших передовых рабочих.

Перевыборы советов должны послужить исходным пунктом для усиления работы по оживлению советов. Несмотря на ряд достижений за последние годы, роль советов, как массовых организаций, еще недостаточна. Сельсоветы еще не стали руководителями всей хозяйственной и культурной жизни деревни. Они не являются еще застрельщиками новых, социалистических мероприятий в деревне. Вопросы поднятия сельского хозяйства, его кооперирования не стоят еще в центре

внимания сельсоветов. Сельсоветы все еще выполняют главным образом административно-налоговые функции. Работа сельсоветов в большинстве случаев сводится к работе председателя и секретаря. В идущей в деревне классовой борьбе значительная часть сельсоветов пытается занять нейтральную позицию, быть представителями «всей деревни». Это сводится на деле к защите кулаков. Мы уже не говорим о тех сельсоветах, где проводится явно кулацкая политика.

Мы должны организовать работу новых сельсоветов так, чтобы в ней принимали активное участие все члены совета. Советы должны стать культурно-хозяйственными центрами деревни. На работе в сельсоветах должны выковываться новые государственные работники из среды крестьянства. Надо наметить ряд мероприятий по улучшению руководства сельскими советами. Предстоящая чистка партии освободит наши деревенские организации от окулачившихся и пляшущих под музыку кулака. Результатом чистки должно быть улучшение партийного руководства сельсоветами и лучшее проведение в их работе классовой линии. Сельсоветы должны стать инициаторами в деле улучшения сельского хозяйства и его кооперирования. Имеющиеся колхозы и другие об'единения должны получать большую, чем сейчас, помощь и поддержку со стороны сельсоветов.

Проблема поднятия урожайности не может быть разрешена без улучшения работы сельсоветов и руководства ими.

Городские советы должны сосредоточить сейчас свою работу на вопросах улучшения государственного аппарата, выдвижения на государственную работу новых слоев рабочих и большего вовлечения рабочих в дело управления. Между тем, именно эти вопросы не стоят сейчас в центре внимания горсоветов. Достаточно сказать, что роль советов в деле выдвижения рабочих на государственную работу сейчас очень низка. А ведь советы—школа управления для миллионов трудящихся. На почве развернувшейся в ряде советов работы секций создался хороший советский актив. Но мы не умеем еще приспособить его к серьезной работе в нашем государственном аппарате. Этот актив должен послужить резервом для замены негодных, чуждых и враждебных нам элементов госаппарата. За подготовку советского актива для этой работы надо взяться теперь же. «Организаторских талантов в «народе»,—писал Ленин в 1918 г.,—т.-е. среди рабочих и не эксплоатирующих чужого труда крестьян, масса; их тысячами давил, губил, выбрасывал вон капитал, их не умеем еще найти, ободрить, поставить на ноги, выдвинуть мы» (XV, стр. 212). Несмотря на то, что за это десятилетие десятки тысяч организаторов выдвинулись из среды рабочих и крестьян, это положение Ленина правильно и сейчас. В условиях диктатуры пролетариата растет культурность рабочих и крестьян, растет их политический, хозяйственный и организационный опыт. С проведением индустриализации растет численность рабочего класса. Подросло новое молодое поколение пролетариата. Мы держим, якобы, из-за незаменимости в нашем аппарате людей, проштрафовавшихся, потерявших всякое классовое чутье, ставших чиновниками, не видя новых людей, выросших и растущих в условиях диктатуры пролетариата. Советы рабочих депутатов на ряду с профсоюзами и должны стать основным каналом выдвижения новых рабочих на государственную работу.

Задача большего вовлечения рабочих в дело управления требует внесения ряда изменений в практику работы советов. Должна быть повышена решающая роль пленумов советов путем постановки ряда основных вопросов на решение пленумов. Сейчас во многих советах вся работа сосредоточена в президиуме, а члены совета либо занимаются обследованиями, либо выполняют различные поручения отделов совета. Надо привлекать депутатов совета (в первую очередь актив) к выполнению отдельных заданий по управлению. Надо повысить роль, значение и ответственность рядовых депутатов в работе всего совета. Президиумы советов должны быть не только руководителями жизни города, но и организаторами работы и участия в управлении всех депутатов. Работа отдельных депутатов совета должна быть органически связана с работой президиума совета. Депутаты в совет от данного предприятия должны быть действительно представителями совета на предприятии. «Дальнейшее развитие советской организации государства должно состоять в том, чтобы каждый член совета обязательно нес постоянную работу по управлению государством, на ряду с участием в собраниях совета...» (Ленин, т. XV, стр. 161). Конечно, решающий сдвиг в этом вопросе можеть быть сделан тогда, когда нам удастся упростить функции госаппарата. Но это упрощение само по себе не придет. За него надо приниматься. И именно советы, их депутаты должны сыграть здесь решающую роль.

«Социалистический переворот,—говорил Ленин на II с'езде профсоюзов в 1919 г.,—может быть сделан только при активном, непосредственном, практическом участии в управлении государством десятков миллионов. Мы к этому пошли, но мы до этого не дошли». В период социалистической реконструкции всего народного хозяйства мы должны сделать дальнейшие шаги по этому пути.

Шемятовский.

Топливо и индустриализация страны.

I.

На ряду с металлом, топливная проблема занимает одно из центральных мест в деле индустриализации страны. Еще в начале нэпа при составлении плана (ГОЭЛРО) под непосредственным руководством Ленина, наша партия отмечала, что реконструкция народного хозяйства, коренная индустриальная перестройка его мыслима на основе реконструкции его энергетической базы вообще и топливной в частности. Новой энергетической базой является электрификация, как один из технически совершенных и экономически рациональных путей использования энергии. Но электрификация, открывая экономный метод использования топлива, перерабатывая его в электроэнергию, не исчерпывает собой топливной проблемы, как таковой. Так как электроэнергия потребляется в производстве исключительно на механическо-световые нужды, то на нее падает около 34% общего количества потребляемого топлива, а остальные 66% расхода топлива в промышленности идут на технические процессы и частью на хозяйственные нужды.

Вот сейчас, например, центр внимания всех наших хозорганов и советской общественности прикован к металлу, металл становится своего рода регулятором в нашей хозяйственной системе, он определяет темпы и характер развития отдельных отраслей хозяйства.

Но не надо забывать, что, если мы первое слово, первые наши труды и заботы отдаем металлу, то вслед за ним наше внимание к промышленности должно остановиться на топливе. Надо себе ясно представить, что индустриализация страны в первую очередь определяет более интенсивное развитие отраслей промышленности, производящих средства производства, как: металл, химия, стройматериалы и друг., т.-е. тех отраслей промышленности, которые пред'являют колоссальнейший спрос на топливо. Например, четыре отрасли промышленности: металлическая, химическая, стройматериалы [1]) и топливная по стоимости ко всей промышленности занимают в 1928—29 году—30% в то время, как по расходу топлива ко всей промышленности их вес выражается около 70% или 42% ко всему расходу топлива по СССР, составляющему в 1928—29 году—59,7 млн. тонн условного топлива. Уже из приведенных показателей видно, что перед страной стоит большой ответственности задача, заключающаяся в том, чтобы топливо, как энергетическая база экономики Союза, не являлось ограничивающим фактором в общем плане развития социалистической индустрии.

---

[1]) Без лесной.

В какой мере топливная база нашей страны подготовлена к тому, чтобы не стать тормозом, ограничивающим развитие народного хозяйства, идет ли ее рост в ногу с общим темпом роста народного хозяйства?

Подгоняемая бурным ростом народного хозяйства, топливная промышленность проделала труднейший путь развития, который можно иллюстрировать такими показателями:

Виды топлива	1913 г.	Удельн. вес в % ко всей добыче	1928—29 г.	Удельн. вес в % ко всей добыче	1928—29 г. в % к 1913 г.
Добыча:					
I. Древесное топливо тыс. куб. метров . .	64.400	24,6	57.150	16,5	89,0
II. Торф в тыс. тонн	1.700	1,5	7.790	5,4	460,0
III. Каменный уголь в тыс. тонн	29.700	56,2	40.830	58,0	138,0
IV. Нефть сырая, тыс. тонн	9.215		13.300	—	144,5
V. В т. ч. выход нефтетоплива, тыс. тонн .	6.300	17,7	9.070	21,1	145,0
Всего 7000-калорийн. условн. топлива в тыс. тонн §§ I + II + III + V . .	49.123	100	64.870	100	132,0

При этом расход условного топлива внутри страны по линии промышленно-технической группы потребителей достиг в 1928—29 году 59.730 тонн против 50.594 тонн 1913 года, или 132%.

О чем говорят приведенные показатели добычи топлива? Кроме того, что топливная промышленность далеко оставила позади по добыче довоенный уровень, на самое важное это сдвиги, происшедшие в добывном топливном балансе, изменение структуры баланса, т.-е. вытеснение дров, колоссальное увеличение роли торфа, каменного угля и нефти, качественное улучшение баланса. Как положительное явление надо отметить особо бурный рост каменноугольных бассейнов, игравших до войны второстепенное значение. Например: добыча угля возросла с 1913 года по 1928—29 г.:

По Уралу	с	1.195	тыс. тонн до	2.210	или на	85,0%
„ Подмосковному басс. . .	„	300	„ „ „	1.475	„ „	382,0%
„ Кузбассу	„	853	„ „ „	2.865	„ „	236,0%
„ Средазуглю	„	138	„ „ „	295	„ „	114,0%
Против средней по СССР .	„	29.700	„ „ „	40.830	„ „	38,0%

Уже сейчас можно отметить, что промышленная география нашей страны выдвигает новые энергетические центры в связи с общепромышленным ростом отдельных районов и в особенности районов Востока, которым принадлежит большое будущее.

Несмотря на приведенные вполне удовлетворительные показатели, необходимо все-таки констатировать, что топливоснабжение страны уже с 1925—26 года протекает в условиях определенного напряжения. Это напряжение не только не смягчилось теперь, но еще более чувствуется и, надо полагать, будет чувствоваться в ближайшие годы.

Общие противоречия на топливном фронте можно бы было выразить следующими характерными цифрами:

	1925—26 г.	1926—27 г.	1927—28 г.	1928—29 год	
				I вар.	II вар.
I. Темп роста промышлен. в %% к пред. году	+42,5	+19,6	+23,0	+21,0	—
II. В т. ч. топливная в %%	+40,0	+24,0	+4,5	+12,8	+9,6
III. Расход топлива в %%	+35,0	+11,0	+13,5	+12,5	+12,5
IV. Фактич. запасы в тыс. тонн условного топлива	17.291	17.040	22.710	24.400	—
V. Нормально необход. запасы в тыс. тонн условн. топлива	19 291	21.200	25.000	27.000	—
VI. Превышение или дефицит ∓ в запасах от нормальн. тыс. тн	—2.000	—4.160	—2.290	—2.600	—

Все последние годы страна ведет свое хозяйство с запасами, далеко не достигающими необходимого нормального уровня. В особенности 1927—28 год вносит резкие ухудшения в наше топливное положение. Всем известно, что добыча условного топлива составила в 1927—28 году—94,7% от программы, дав увеличение к предыдущему году на 4,5%, в то время как расход дал прирост на 13,5%, т.-е. расходная часть баланса далеко превысила доходную. Недовыполнение плана коснулось всех видов топлива и в особенности ударило по каменному углю и древесному топливу.

Такое положение, несомненно, сказалось и на общем снижении запасов, главным же образом, на каменноугольных, обеспеченность таковыми потребителей снизилась с 2,5 месяца на 1/X—27 года до 2,2 месяца на 1/X—28 года вместо 3,2 месяца, нормально необходимых. Наступивший 1928—29 год при самых благоприятных условиях должен дать прирост добычи условного топлива на 12,8%, хотя есть много оснований за то, что прирост добычи выразится в 9,6% при расходе топлива на 12,5% к предыдущему году.

Надо полагать, что 1928—29 год в лучшем случае стабилизирует создавшееся положение, провал 1927—28 года в текущем году выправлен не будет.

Уже из приведенных довольно общих данных мы могли бы дать предварительный ответ на поставленный выше вопрос, что топливный фронт обнаруживает явное отставание от общего темпа развития народного хозяйства, а главное промышленности, что это отставание носит характер некоторой органической болезни, а не зависит от причин скоропреходящего порядка. Между тем, существует бесспорное положение, что от топливной экономики (в особенности это относится к каменноугольной промышленности) требуется несколько опережающий темп развития по отношению к другим отраслям народного хозяйства.

Как понять создавшуюся топливную ситуацию, каковы ее ближайшие перспективы, и где здесь основные звенья, за которые необходимо ухватиться сейчас же?

Мы не будем останавливаться на факторах, хотя и тормозящих производство, но относящихся к второстепенному порядку, как, например, всякого рода организационно-технические неполадки, труддисциплина и т. д., которые в той или другой мере и в разных местах особенно проявились в закончившемся году и на устранение которых сейчас обращено необходимое внимание.

Мы остановимся на основных установках и линиях нашей хозяйственно-топливной политики и практики за последние годы.

II.

Еще в 1926 году было более или менее ясно, что наше топливное хозяйство вступает в полосу особого производственного напряжения. В целом топливная промышленность заканчивала свой восстановительный период в 1925—1926 году, достигнув 92% довоенного уровня и определив общий темп восстановления народного хозяйства.

Если мы возьмем наш основной энергетический центр—Донбасс, то он в 1925—1926 году уже работал почти на пределе использования своей производственно-технической мощности. А поскольку у нас каменноугольное топливо является основным видом в добывном балансе, составляя около 60%, то тогда же, в 1926 году, нашими планово-регулирующими органами был поставлен конкретно вопрос о перспективах и основных путях развития каменноугольной промышленности и в первую очередь Донбасса. Был представлен и утвержден СТО план развития Донбасса на пять лет, и взята была основная ставка на новый Донбасс, т.-е. на крупное шахтное строительство, с высоким уровнем техники, с полной механизацией цикла производственных процессов.

Мы приводим данные, говорящие о том, что Донбасс за последующие годы отклонился от этого пути.

В тысячах тонн	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
I. Развитие старых основных шахт (старый Донбасс):					
а) план	14.500	15.800	17.500	19.400	**19.400**
б) фактич.	14.500	16.800	19.200	20.200[1])	**20.200[1])**
II. Новые крупные шахты:					
а) план	—	230	1.210	2.700	**5.500**
б) фактич.	—	—	100	600[1])	**2.100[1])**
III. Средние и мелкие шахты:					
а) план	1.100	3.800	6.000	6.000	**6.000**
б) фактич.	600	1.900	2.900	4.000[1])	**5.500[1])**
Всего:					
а) план	15.600	19.830	24.710	28.100	**30.900**
б) фактич.	15.100	18 700	22.200	24.800	**27.800**

Приводимые цифры с достаточной убедительностью говорят о том, что старый Донбасс, в лице его основных шахт, как видно, себя исчерпал, а наличие нового резерва почти не чувствуется, т.-е. роль новых крупных шахт в добыче далеко отстала от плановых расчетов. Несколько удовлетворительнее обстоит дело с мелкими и средними шахтами, с которыми мы примирились в известной мере, как с временной необходимостью, но их роль остается вспомогательной и ограниченной. А в целом, как мы видим, Донуголь отстает и от плановых расчетов и еще более от реальной необходимости, выражающейся в действительном спросе на донецкое топливо. Если до сих пор Донуголь выравнивал топливный фронт через максимальное

[1]) По графе фактич. 1928—29 г. показан по плану уже утвержденному, 1929—30 г., принят предположительно.

форсирование старого фонда шахт, то теперь, как видно, этого сделать уже нельзя без коренного их переоборудования: они в основном исчерпаны.

Хроническое отставание в развитии нового крупного строительства выражалось не только в медленности строительства шахт, но и в свертывании их количества. Например, в 1925—1926 г. было намечено к проходке 28 крупных шахт, в 1926—1927 г. их оставалось уже 20 единиц, в 1927—1928 г., всего 17 единиц, и только теперь пришлось приостановить их падение. За три последние годы израсходовано на крупные шахты на 35,0 млн. руб. меньше, чем предполагалось по утвержденному плану, в то время как на старые шахты израсходовано больше, чем предполагалось, на 56,0 млн. рублей.

Таким образом, становится понятно, что над Донбассом довлела злоба дня, его политика была несколько одностороння, он был охвачен более одной мыслью—удовлетворить бурный спрос на его топливо, чинил, подправлял шахты, чтобы получить из них сколько-нибудь дополнительной добычи. Другая же, не менее важная задача подготовить новую производственную мощность бассейна на ближайшие годы была недостаточно оценена. Навряд ли сейчас у кого есть большое сомнение в том, что мы с Донбассом несколько запоздали.

Можем ли мы заменить недостающее донецкое топливо другим топливом? Это почти совсем невозможно. Единственное богатое и высококачественное угольное месторождение, могущее заменить донецкое топливо, это—Кузбасс в Сибири. Но географическое его расположение делает проблему неразрешимой, ибо единственные районы, где бы можно заменить донтопливо, это Ленинградский и ЦПО, но они отстоят от Кузбасса на таком расстоянии, которое непреодолимо и экономически и технически. Да к тому же Кузбасс, при всем желании, не может дать лишней добычи помимо той, которой он снабжает далекий и дефицитный в топливе Урал и самоё Сибирь.

Кузбасс в смысле своей подготовленности сейчас находится тоже не в лучших условиях, чем Донбасс, и характерно, что закладка шахт в Кузбассе будет предшествовать разработке проектов этих шахт, чтобы не потерять время для строительства.

Урал был, есть и останется за конец пятилетия дефицитным районом в топливе. Таким образом, и географическое расположение угольных центров и их производственно-техническая неподготовленность приводят к ясному выводу, что заменить донецкое топливо другими углями мы не можем.

Правда, у нас есть еще один мощный бассейн, это—Подмосковный. Подмосковный бассейн географически занимает чрезвычайно выгодное место—ЦПО, т.-е. тот район, где основным видом топлива является дальнепривозный донецкий уголь. Казалось бы, что это удачное сочетание дает некоторый выход из положения; так, по крайней мере, принципиально стоял и стоит вопрос. Но практически здесь дело обстоит не совсем так. Создавшееся отношение к подмосковному углю со стороны потребителя и топливорегулирующих органов не совсем ясно и конкретно. Потребители до сих пор игнорируют это топливо, ссылаясь, как и всегда, на тот старый мотив, что они не переоборудовали свое паросиловое хозяйство к сжиганию подмосковного угля, несмотря на то, что проблема сжигания подмосковного угля технически блестяще разрешена и экономически выгодна. Эти мотивы игнорирования подмосковного угля пока господствуют в создавшемся положении и определяют собой неправильный путь развития этого бассейна. Достаточно отметить, что при современном топливном напряжении в текущем 1928—1929 году мы имеем факт свертывания программы Подмосковного бассейна на 100.000 тонн угля из-за отказа от него потребителей. Этот факт далеко выходит за пределы нормального явления. Несмотря на то, что Подмосковный бассейн сейчас достиг уровня добычи в 1928—1929 г. 482% от довоенного,—его уровень добычи должен быть гораздо выше, и технически эта проблема может быть разрешена без особых затруднений. Этим самым мы в известной мере разгрузили бы ЦПО от донецкого топлива. Мы несколько забываем ту роль, которую Подмосковный бассейн сыграл в военное время. Оставаясь по своему географическому положению внутренней мобилизационной базой на случай обороны страны, этот бассейн заслуживает того, чтобы ему были обеспечены экономически и технически пути развития.

Такова в основных чертах картина с каменноугольной промышленностью. Она напрашивается на такой вывод, что мы несколько запоздали в темпе развития каменноугольной индустрии и, главное, в подготовке ее производственных резервов. Можно было бы с некоторой оговоркой сказать, что каменноугольная промышленность обслуживает возросший спрос на топливо нашей бурно развивающейся промышленности, транспорта, электрификации, старыми производственными резервами, форсированными до максимума производственно-технического напряжения. Новые производственные единицы еще не играют особой роли и главное в основном центре, Донбассе.

Правда, указанная диспропорция не требовала бы такого заострения внимания на ней, если бы создание производственных резервов в каменноугольной промышленности, постройка крупных шахт, не требовала такого продолжительного срока, как 4—5 лет.

Необходимо все-таки отметить две причины, которые оказали свое влияние на развитие основной нашей топливной базы—каменного угля—и в частности Донецкого бассейна:

1) История развития советского хозяйства приводит к выводу, что наша планово-регулирующая мысль страдает еще достаточным консерватизмом и, как правило, далеко отстает от реальной жизни, от хозяйственной действительности. Все наши планы—пятилетние, генеральные,—по ряду отраслей промышленного хозяйства страдали недооценкой возможностей и темпов, жизнь опрокидывала их в сторону значительного превышения. Взять хотя бы для примера проектировку промтехнического потребления топлива по генеральному плану на 1940—41 г. в 100,0 млн. тонн условного топлива. Это было год назад, в 1927 г. Теперь к концу 1928 г. мы уже имеем тот расчет, что в 1932—33 г. расход топлива выразится в сумме около 80,0 млн. тонн, т.-е. 80% от генплана. Теперь уже ясно, насколько будет превзойден этот генплан к 1940—41 г. А ведь таких уродливых планов было сколько угодно, и все они давили на нашу работу, и не бесследно.

Это относится и к каменноугольной промышленности. Намечая в 1926 г. перспективы развития Донбасса и других районов, мы естественно недооценили того бурного темпа роста промышленности и других отраслей народного хозяйства, а, следовательно, и того спроса на топливо, который они в действительности пред'явили. Поэтому те темпы роста Донбасса и других районов, которые мы тогда проектировали, оказались сами по себе уже преуменьшенными.

2) Но это было бы еще полбеды, если бы мы с каменноугольной промышленностью перевооружились, перестроились на ходу, увеличили размер строительства и т. д., но получилось обратное: мы далеко не выполнили и того минимального плана, который мы намечали.

III.

Несмотря на то, что СССР по последним геологическим данным располагает около 11% мировых запасов энергии, особенно выделяясь по нефти (на первом месте, 37,5% от мирового запаса) и по торфу (около 80% всех мировых запасов); несколько ниже мы стоим по углю (около 8% мировых

запасов), но и этого вполне достаточно для нашего развития, рассчитывая на сотни лет. Все-таки надо констатировать, что географическое расположение энергетических ресурсов находится в значительном противоречии с исторически сложившимися промышленными центрами. Три основных энергетических базы—Донбасс, Кузбасс и нефть на Кавказе—расположены на далеких окраинах, в то время как такие высокоразвитые промышленные центры, как Северо-Запад и ЦПО, не имеют своей топливной базы почти совсем; с большим дефицитом сводит свой энергетический баланс и Урал. Все эти дефицитные районы питаются в основном дальнепривозным дорогим топливом и к тому же, как мы видели выше, дефицитным.

Казалось бы, что в связи с недостатком угля и отдаленным расположением основных энергетических центров от ряда промышленных районов, проблема торфа, запасы которого неограничены, должна бы сыграть решающее значение. В особенности удачно эта проблема разрешалась в развитии электрификации страны. Такая установка не может быть кем-либо принципиально опровергнута. При этом основные торфяные массивы расположены как раз в тех районах, которые питаются дальнепривозным топливом,—ЦПО, Ленинград, Запад и Урал. Идя таким путем, мы достигли колоссальных результатов в добыче и использовании торфа, превысив довоенный уровень в обоих случаях почти в пять раз.

Несмотря на это прогрессирующее движение, и торфяное дело уперлось в тупик, сообщенная ему инерция начинает заметно затухать.

Возьмем такие факты. План добычи торфа в 1927—28 г. недовыполнен на 6%, а добыча на 28—29 год запроектирована в приросте всего на 8,2%, т.-е. гораздо ниже общего прироста добычи топлива. А ведь до 1928—29 г. прирост добычи торфа ниже 26% не составлял, а в отдельные годы достигал 40%. В чем же дело, почему при ухудшающемся положении с углем и позиции торфяного топлива резко колеблются? Закончившийся 27—28 г. и здесь дает некоторое раз'яснение. Добыча торфа стремительно падает только потому, что падает его потребление, например, в 27—28 г. потребление торфа составляло 88% от плана. Промышленный потребитель в ряде мест и случаев игнорирует торфяное топливо, отказывается от его добычи и т. д. Почему это получается, когда проблема сжигания торфа технически разрешена со значительным хозяйственным эффектом? Торфяная промышленность организационно не получила оформления в самостоятельную отрасль народного хозяйства, у нас нет торфяного треста, нет хозяина, который бы выдвинул торфяную промышленность на должную высоту, разрешил бы ее технические и экономические проблемы и устранил бы узкие места, в частности, проблему себестоимости, к чему уже имеются необходимые технико-экономические предпосылки.

Возьмем основного потребителя и заготовителя торфа—нашу промышленность, оставляя в стороне электроцентрали, работающие на торфу, и посмотрим, как ведет наша промышленность торфяное хозяйство. Большинство наших трестов и отдельных предприятий смотрят на торфяное хозяйство, как на лишнее, навязанное им бремя. Вкладывать капиталы в торфяное дело в необходимом размере они не решаются и не хотят, а отсюда и технику торфяного дела поднять на должную высоту не могут, торф благодаря этому получается дорогой и не высокого качества. Бывают случаи, при благоприятной местной топливной кон'юнктуре и других обстоятельствах, когда отдельные заготовители совсем свертывают торфяные разработки.

Не случайно, что такое нездоровое явление в торфяном деле нашло свое отражение в проектируемых теперь районами пятилетних планах в части топливного баланса, например, такие районы, как ЦПО и Северо-Западный, потребляющие 85—88% торфа от общей цифры по СССР, намечают потребление торфа к концу пятилетия в таком об'еме, который сохраняет его удельный вес в общем топливном балансе этих районов почти на уровне 28—29 г. с едва заметным повышением. И это относится к тем районам, которые, кроме торфа и дров, не имеют своего другого топлива и живут за счет дальнепривозного, дорогого и дефицитного топлива. Такова уродливая картина с торфяным топливом и именно с тем топливом, роль которого в реконструкции энергетической базы нашей страны мы когда-то рисовали и ожидали гораздо выше.

Наша торфяная промышленность имеет организационные болезни. Темп и характер развития торфяного хозяйства значительно перерос ее организационные формы, как подсобного хозяйства, и эти формы становятся уже препятствием в дальнейшем пути развития торфа.

Мы не будем здесь останавливаться на другом виде местного топлива—дровяном. Несмотря на значительную роль дровяного топлива в общем балансе (около 17%), все-таки основная установка должна быть на дальнейшее снижение удельного веса этого вида топлива. Лесные массивы, которые доступны для разработок и для потребления, уже достаточно истощены как в предыдущие мирные годы, так в особенности в военные годы и в годы разрухи. Дальнейшее форсирование их разработки на нужды топлива не может быть допустимо, а те колоссальные ресурсы, которые мы не разрабатываем, территориально и технически останутся на долгие годы еще недоступными.

Единственно, чего необходимо добиться, это большей устойчивости в дровозаготовках. Колебания на этом участке чрезвычайно резки и в настоящих условиях очень чувствительны, например, в 27—28 году программа дровозаготовок была выполнена на 87%, в текущем году есть основания ждать, что недозаготовка опять выразится в том же об'еме.

Мы здесь не касались нефтяной промышленности из тех соображений, что в основном мы на нефтяную промышленность смотрим, не как на топливную базу, а как на отрасль промышленности, перерабатывающую нефть в светлые высокосортные продукты, составляющие основу нашего экспорта.

IV.

Таковы основные черты положения на нашем топливном фронте. Настоящий момент особенно ответственен с точки зрения того, как мы поймем его и какие меры и пути наметим. Нам надо больше активизировать нашу топливную политику. Итти по линии рутины и самотека в топливном хозяйстве больше нельзя. Мы вступаем в новое пятилетие грандиозного индустриального развития,—достаточно упомянуть об одной цифре, освещающей наш путь и размах—это 10,0 млн. тонн металла к концу пятилетия, что в свою очередь значит, учитывая и дальнейшую стадию переработки металла, потребность в 23,0 мил. тонн угля высокого качества (а там—химия и т. д.).

Перед этими ответственными задачами энергетический фронт должен более, чем когда-либо, быть готовым и способным удовлетворить грандиозные требования, которые пред'явит ему наша социалистическая индустрия.

Нашим самым опасным врагом может явиться сейчас промедление во времени. Почему мы сейчас особенно приковываем внимание к углю? Потому, что мы сейчас упираемся на этом фронте не в денежные средства, а в организационные возможности. В определенный срок надо наверстать кое-что потерянное в темпе и подготовить резервы на ближайшие годы. Об этом сейчас говорят такие факты, что все наши основные тресты—Донуголь, Урал, Кузбасс, ходатайствуют перед соответствующими органами о разрешении им закладывать шахты до представления окончательных проектов, иначе организационно тресты не успеют реализовать и пустить в ход все те средства, которые необходимы для развития строительства.

Необходимо отметить, что у нас могут быть такие взгляды, что то напряжение, которое переживает топливный фронт, присуще на данном этапе всему народному хозяйству в целом и отдельным его участкам в частности, например: кризис на товары широкого потребления, даже на металл, цемент, кирпич и т. д. Однако, будет очень опасно, если мы не будем учитывать особого характера и разницы тех последствий, которые могут получиться от кризиса топлива и всякого рода других товаров и материалов. Недостаток в стройматериалах приводит, например, к задержке второстепенного строительства, к удлинению сроков, к замене одного материала другим и т. д. Недостаток же в топливе не может быть компенсирован ни сокращением производства, ни сокращением норм расхода и т. д.

Часто например, сокращение производства продукции того или другого завода или совсем не влечет за собой сокращения расхода топливной энергии, или в незначительной степени сокращает расход энергии. Влияние же на народное хозяйство заминки с топливом обыкновенно влечет за собой более глубокую дезорганизацию производства, более глубокое его расстройство.

При всем этом не надо забывать, что мы на наше топливное хозяйство взвалили дополнительный груз, т.-е. мы до войны на территории СССР потребляли более 3,3 млн. тонн заграничного высококалорийного топлива. Теперь мы не позволяем себе этой роскоши и не позволим. В нашу задачу целиком входит требование преодолеть перешедшее к нам историческое наследство, выражающееся в диспропорции, в топливном дефиците, отпечаток которого носило довоенное хозяйство, восполнявшее этот дефицит колоссальным ввозом иностранного угля.

Какие же задачи лежат перед топливной промышленностью, чтобы выровнять ее фронт с общим уровнем развития народного хозяйства, ни в какой степени не подвергая страну топливному голоду?

Основное внимание надо сосредоточить на каменном угле. Металл и уголь должны занимать центральное место в хозяйственных проблемах страны. При нашей топливной политике, направленной на снижение удельного веса дров и нефти в топливном балансе, роль угля становится особо ответственной и решающей. И; конечно, в первую очередь должен стать Донбасс. Необходимо со всей решительностью поставить Донбасс на тот путь, от которого он несколько уклонился, это на путь самого интенсивного развертывания строительства крупных шахт, путь не заплат и починок, а коренной реконструкции строго отобранных крупных старых шахт.

Здесь не должно быть никаких двух мнений ни в выборе пути, ни в смысле времени и средств. Самое страшное—потеря времени и темпа. Лимитов для крупного шахтного строительства не должно быть. Кроме того, надо добиться некоторых сдвигов в укорочении сроков строительства крупных шахт, довести его вместо 4—5 лет до 3 лет в среднем. Эта проблема значительно разрешила бы наши трудности, от ней уйти нельзя. Надо решительно изжить организационно-технические неполадки, в особенности по линии механизации добычи. Донбасс до сих пор основную ставку делал на количественный охват механизированной работы, увеличивая число машин и технических установок, не уделив достаточного внимания строгой увязке отдельных процессов механизированной работы, не достигая механизации полного цикла работ, он сглаживал эффект механизации. Донбасс работает на пределе использования производственно-технической мощности; создать резервы в Донбассе—вот лозунг и задача сегодняшнего уже дня.

Внимание к подмосковному углю должно быть, несомненно, повышено. Никакой речи о сокращении программы добычи подмосковного угля быть не может. По отношению к потребителю должна быть самая жесткая плановая политика, потребитель не должен быть лимитом для развития подмосковного бассейна. Если проблема сжигания подмосковного угля разрешена, а те потребители, которые переоборудовали свое силовое хозяйство, нисколько не думают отказаться от данного топлива, то можно в условиях советского планового хозяйства заставить потребителей брать подмосковный уголь в том размере, в каком это необходимо, и это как раз послужит лучшим стимулом к переоборудованию силового хозяйства, чего иначе потребители никогда не сделают.

Торфяная промышленность должна быть оформлена в самостоятельную отрасль народного хозяйства. Необходимо об'единение по областям и республикам всех торфодобывающих предприятий в торфяные тресты. Подсобный характер торфяных хозяйств становится просто вредным для их твердого планирования и тормозит внедрение в торфяное дело технических и организационных усовершенствований. Помимо этого, надо сейчас же провести жесткую линию в прикреплении отдельных предприятий к определенным торфяным районам, ни в коем случае не допуская замены для них торфа другим топливом.

Дровозаготовки надо поставить под тщательное наблюдение и контроль соответствующих оперативных и планово-регулирующих органов. За дровозаготовками надо беспрерывно следить и на ходу, в процессе работы своевременно исправлять дефекты и трудности. В частности, недопустимо срывать заготовки из-за недоставки своевременно на места хлебофуража и подчас в незначительных количествах. В свое время много говорили о механизации лесозаготовок, и даже была отпущена на это дело значительная сумма средств, но результатов по этому мероприятию не видно, и вообще об этом замолчали, а ведь вопрос нас не минует, и, отсрочивая его, мы только осложняем общее топливное положение.

Останавливаясь только на отдельных мероприятиях, можно полагать, что этого будет достаточно для того, чтобы выправить создавшееся положение.

Положительной стороной нашего топливного хозяйства является то, что оно легче всего поддается регулированию как со стороны добычи, так и потребления, являясь целиком обобществленным в руках государства.

Планирование и регулирование топливного хозяйства у нас достигло большой гибкости, полного балансирования.

Надо создать вокруг топливной проблемы определенное мнение, что топливо, как энергетическая база Союза, не может быть ограничивающим фактором в развитии социалистического сторительства. Топливной промышленности необходимо гарантировать полную устойчивость и придание ей темпа развития, даже несколько опережающего общий темп развития народного хозяйства.

Топливо и металл—основные факторы индустриализации: диспропорция на энергетическом фронте должна быть устранена.

Б. Борилин.

Концентрация производства в послевоенном капитализме.

(Концентрация промышленности в Германии) [1].

То, что послевоенная Германия совершила гигантское развитие вперед по пути усиления монополистической организации своей промышленности, констатировалось неоднократно и в нашей, и в иностранной литературе. Даже буржуазные экономисты уже не в состоянии отрицать и замазывать этой бесспорной и могущественной тенденции к господству, к диктатуре небольшого числа крупных монополистических об'единений в экономической жизни Германии, ибо эта диктатура стала совершившимся фактом, который уже не может отвергать никто из здравых людей, независимо от их любви или антипатии к учению Маркса о концентрации, по той простой причине, что факты вообще нельзя отрицать.

Само собой разумеется, что является чрезвычайно важным определить действительную конкретную ступень, конкретный уровень монополизации, далее быстроту или темп развития монополизации в послевоенное время. Так же точно чрезвычайно интересно установить те процессы концентрации производства, сосредоточения его во все более крупных предприятиях, которые имели место после войны и которые, несомненно, лежат в основе необычайно сильного развития монополий. Определить размеры и темп концентрации предприятий тем более необходимо, что, собственно говоря, самое точное статистическое выражение процессы концентрации, при данном уровне экономической статистики, получают именно в данных о концентрации предприятий.

Так же, как ряд промышленных цензов С.-А. С. Штатов после войны, так и промышленная перепись Германии за 1925 г. впервые за добрых два десятка лет позволяет нам в настоящее время подвести статистический итог этому концентрационному движению германской промышленности. Опубликованные только к этому году первые результаты этой переписи в отношении роли мелких, средних и крупных предприятий [2]) делают возможным, наконец, заполнить брешь в статистике германской промышленной концентрации, которая уже так давно чувствовалась всеми, кто занимался изучением этого вопроса. Последняя промышленная перепись, произведенная Германией перед войной, относится к 1907 году. К этому же году относятся и статистические данные о концентрации германского производства, которые находились до сих пор в нашем распоряжении и по которым, следовательно, наше поколение могло судить об уровне германской концентрации.

---

[1]) Из подготавливаемой автором к изданию в ГИЗ работы о современных капиталистических монополиях.

[2]) См. «Wirtschaft und Statistik», 1928, № 2.

Нечего говорить, что современная Германия ушла бесконечно далеко от того уровня концентрации, на котором она находилась, когда Каутский писал свою «Антикритику» в полемике против Бернштейна,—книгу, на которой еще до сих пор наша молодежь обучается правильности тезиса о неизбежности победы крупного производства над мелким. Но нынешняя Германия, конечно, ушла далеко и от того уровня концентрации, данными о котором оперировал Ленин, когда писал книгу «Империализм». Если Ленин на основе данных о концентрации германских предприятий в 1907 г. приходил к выводу о том, что «десятки тысяч крупнейших предприятий — все, а миллионы мелких — ничто» [1]), то какого усиления требует эта фраза теперь, когда мы имеем статистические данные, подводящие итог концентрационному движению в Германии за период после 1907 г. в целых 18 лет?! Ведь за этот период, в который включается 7 лет «мирного» и 11 лет послевоенного развития, концентрационное движение имело огромнейшие успехи. Можно прямо сказать, что самые количественные масштабы измерения, которыми определялся размер концентрации на основе данных 1907 года, уже не годятся для нашего времени и безвозвратно отошли в прошлое. Так быстро совершался процесс концентрации за истекшие 18 лет. Это в такой же мере справедливо в отношении сравнения данных современной и довоенной промышленной статистики по Германии, как и в отношении соответствующего сравнения данных по другой классической стране промышленной концентрации—С.-А. С. Ш. Если Ленин в «Империализме» приводил данные о концентрации по С.-А. Ш. С. за 1909 г., согласно которым на долю предприятий с ценностью продукции выше 1.000.000 долл. падало тогда 43,8% ценности всей промышленной продукции страны, и восклицал после этого: «Почти половина всего производства всех предприятий страны в руках одной сотой доли общего числа предприятий!» [2])—то что должны воскликнуть мы, узнав, что, по данным промышленного ценза 1925 г., на долю этой категории предприятий падает в настоящее время целых 67,6% ценности всей промышленной продукции, т.-е. ровно две трети всей промышленной продукции?! От 44% до двух третей всей промышленной продукции! Таково расстояние по уровню концентрации, которое отделяет современную Америку от Америки 1909 года [3]).

В этом бешеном процессе концентрации производства, который разворачивается перед нами особенно в новейшем капитализме, находит свою лучшую иллюстрацию тезис Маркса и Ленина о том, что «концентрация, на известной ступени своего развития сама собой подводит, можно сказать, вплотную к монополии» [4]), ибо нет иного пути, кроме как к монополии, в результате прямо чудовищного усиления концентрационных процессов.

Была ли благоприятной почва для концентрации с 1907 по 1925 г. в Германии? Это первый вопрос, на который прежде всего позволяют дать ответ статистические материалы.

Германия и раньше была благоприятным полем для развития концентрации. Это, конечно, вытекало из особенностей всего экономического развития германского хозяйства. Германия позже ряда других европейских государств вступила в ряды передовых капиталистических держав и поэтому смогла сразу позаимствовать в строительстве своей промышленности методы более крупного и технически совершенного производства. С другой стороны,

---

[1]) Ленин. «Империализм, как новейший этап капитализма», XIII, стр. 246.

[2]) Там же, стр. 247.

[3]) О концентрации производства в современной Америке см. мою статью: «Концентрация производства в современной Америке», в журн. «Мировое Хозяйство и Мировая Политика» № 2, за 1929 г.

[4]) Ленин, там же, стр. 247.

по той же причине и по ряду других она не смогла пойти по пути огромного экстенсивного развития, экспансии своей промышленности вширь, как это было возможно для более старых цивилизованных государств или для молодой Америки. В частности, тип экономического развития Германии с величайшим трудом отвоевывавший для себя «место под солнцем», значительно отличался от типа экономического развития Соед. Штатов, имевших перед собой необ'ятные перспективы колонизации северо-американского материка, не говоря уже об Южной Америке. И этот иной тип экономического развития, ведущий к невозможности большого развития производства вширь, отразился прежде всего на динамике числа предприятий германской промышленности еще в прежние годы. Это—факт, который может достоверно быть выведен сейчас статистически. Вот данные о числе предприятий (в том числе и ремесленных) германской промышленности с 1882 г.:

1882 г. —2.270.339
1895 г. —2.146.972
1907 г. —2.086.368
1907 г.[1])—1.803.866
1925 г. —1.852.752

Число предприятий за ряд лет не только не растет но даже падает абсолютно. Так, падение мы имеем с 1882 г. по 1895 г. и с 1895 г. по 1907 г. Прирост с 1907 г. по 1925 г., т.-е. за 18 лет, равен всего 2,7%. Если эту динамику числа предприятий германской промышленности сравнить с темпом прироста числа предприятий американской промышленности на протяжении хотя бы с 80-х гг. прошлого столетия, то бросается в глаза огромная разница в условиях развития промышленности одной и другой страны. Соединенные Штаты знали в 80-х и 90-х годах приросты в числе предприятий, равные 40—45%! Это в то время, как Германия за эти же годы дает даже абсолютную убыль числа предприятий. Ясно, что насыщенность экономического развития, экономическая теснота, характеризовавшие специфическую европейскую обстановку и давшие себя так знать в концентрационных процессах,—вот что получило отражение в этих цифрах движения числа предприятий германской промышленности. Если концентрационные процессы в С.-А. С. Ш. развивались на фоне великолепного экстенсивного развития, широчайшей экспансии американской промышленности, то концентрация германского производства вырастала и крепла в обстановке ограниченности внутреннего рынка и ожесточенной борьбы за существование подымавшейся Германии, которой противостояли обозленные могущественные ее конкуренты.

Особенно интересна, конечно, для нас динамика числа предприятий с 1907 по 1925 г. Прирост общего числа предприятий на 2,7% настолько ничтожен, что, конечно, не может быть и речи о том, изменилось ли общее направление динамики числа предприятий, которым она характеризовалась до 1907 г. Но наиболее интересным вопросом является, как выглядела динамика числа предприятий со времени начала империалистической войны, которая послужила, как известно, сигналом к еще большему монополистическому сплочению германского хозяйства. К сожалению, перепись 1925 г. на этот вопрос не дает ответа. Некоторый свет в этом отношении бросают статистические данные о числе предприятий, которые публикует германская статистика фабричного контроля (Statistik der Gewerbeaufsichtsbehörden) и годовые отчеты страховых органов (Statistik der Berufsgenossenschaften). Если взять цифры о числе предприятий и числе застрахованных,

[1]) Число предприятий, если взять современные границы германской территории.

публикуемые страховыми органами, то мы получим такую картину движения с 1907 г. по 1923 г.[1]):

Годы	Число предприятий	В % к 1907 г.	Число застрахованных	В % к 1907 г.
1907	509.700	100	7.669.000	100
1913	598.100	117	8.797.000	115
1919	590.800	116	7.431.000	97
1922	610.200	119	10.065.000	131
1923	592.100	116	8.515.000	111

Как видно из этих цифр, шесть довоенных лет (с 1907 по 1913 г.) дают довольно большое увеличение числа предприятий—на 17%. В то же время за целых десять лет, начиная с года, предшествовавшего войне, до 1923 г. мы не имеем никакого прироста в числе предприятий, даже некоторое уменьшение. Правда, в 1922 г.—год инфляционного под'ема—число предприятий несколько возрастает, но совершенно незначительно, и в 1923 г. этот прирост ликвидируется начисто. Такова динамика числа предприятий, как она рисуется на основе единственного имеющегося в нашем распоряжении статистического материала, в годы, следовавшие за началом войны. И война, и период от заключения мира до 1923 г., года рурской оккупации, не дают никакого прироста в числе предприятий. Очевидно, что весь этот десятилетний период отнюдь не давал возможности возникновения большого числа новых предприятий и особенно мало способствовал возникновению мелких предприятий. В огне военных и инфляционных лет вряд ли хорошо могли себя чувствовать карликовые, дробные хозяйственные единицы. Так же, как и в ряде других стран, война была сильнейшим помощником концентрационных процессов промышленности Германии.

Конечно, за период с 1907 по 1925 г. не все отрасли германской промышленности показывают застойную тенденцию или даже тенденцию к убыли числа предприятий. Для ряда отраслей этот период ознаменовался большим, а иногда и бурным ростом числа предприятий. Большой толчок к росту предприятий в ряде отраслей дала империалистическая война. Так, бесспорно сильно увеличилось число предприятий с 1907 по 1925 г. в металлургическом производстве, в машиностроительной отрасли и производстве средств передвижения (на 161,2%!), в электротехнической (на 86,6%), в химической (на 19,9%) и др. Интересно, что все это—отрасли, или удовлетворявшие вызванный войной спрос, или новые отрасли, имеющие впереди еще неизведанные перспективы для своего развития. «Коренные» же, старые отрасли, как горная и текстильная, дают уменьшение числа предприятий: первая—на целых 17,5%, вторая—на 2,3%[2]).

Благодаря тому, что статистика фабричного контроля в Германии в настоящее время приспособила форму статистических материалов к форме промышленной переписи 1925 г., мы получаем возможность проследить движение числа предприятий, по крайней мере для группы предприятий от 50 рабочих и более, и за период после 1925 г. И вот оказывается, что, сравнивая данные промышленной переписи по этой группе предприятий за 1925 г. с данными статистики фабричного контроля, мы получаем следующую картину, свидетельствующую о дальнейшем усилении в последующие годы тенденции, отмеченной выше. Если в 1925 г. число предприятий этой группы равнялось 32.761, то в 1926 г. оно резко уменьшается до 27.841, т.-е. на целых 16%, а в 1927 г. снова подымается до 31.937, едва достигая уровня 1925 г. Таким образом, даже 1927 г., год чрезвычайно высокой кон'юнк-

[1]) «Wirtschaft und Statistik» № 6, за 1926 г. Всюду взяты современные границы Германии. Само собой разумеется, что данные статистики der Berufsgenossenschaften охватывают только часть предприятий германской промышленности. Но, тем не менее, они весьма показательны.

[2]) «Wirtschaft und Statistik» № 4, 1927 г. и № 6, 1928 г.

туры германского хозяйства, не дает прироста числа предприятий по сравнению с 1925 г. И это в отношении группы относительно крупных предприятий, которая в довоенные годы всегда давала очень большие нормы прироста! Конечно, сомнительно, чтобы в 1928 г., когда высокая кон'юнктура претерпела существенное снижение, направление движения числа предприятий изменилось. Наоборот, увеличение числа конкурсов [1]), происшедшее в 1928 г. по сравнению с 1927 г., приводит скорее к обратному выводу.

Вышеприведенные цифры говорят, между прочим, о том, что если, с одной стороны, война, инфляционный период и рурская оккупация действовали угнетающе на рост числа предприятий, то, с другой стороны, весь наступивший затем период интенсивной рационализации германского хозяйства действовал обостренно угнетающе в том же направлении. Это видно из того, как производилась по ряду отраслей так называемая «негативная» рационализация, смысл которой и заключался в уменьшении числа действующих предприятий. В угольной промышленности только за время с 1923 г. до 1925 г. было закрыто в Рурской области из числа шахт, насчитывающих не менее 100 рабочих каждая, 47 шахт с числом рабочих в 55,464 человека [2]). Далее, за один только год, с 1925 г. по 1926 г., по всей горной индустрии Германии (за вычетом Пруссии), по данным статистики фабричного контроля, число предприятий уменьшилось на 55,7%! [3]). Можно подумать, что в этом сказалось действие очень острого кризиса 1926 г. Однако, в действительности рационализация, проводимая в угольной и во всей горной промышленности, проводится «всерьез и надолго», и в кризисные и некризисные годы. Так, 1927 г. не только не дает увеличения числа предприятий по горной индустрии, но, по тому же источнику, показывает дальнейшее уменьшение на 6,3%. Интересно, что и по тяжелой железной индустрии (Grosseisenindustrie) 1927 г. дает уменьшение общего числа предприятий на 1,4%, несмотря на очень высокую кон'юнктуру в этой отрасли. Целый ряд концернов тяжелой индустрии в своих отчетах дает достаточно убедительные цифры сокращения числа технических единиц, продолжающегося и по настоящее время. Так, германский стальной трест к сентябрю 1927 г. ликвидировал, согласно годовому отчету, 13 горных шахт, 5 брикетных фабрик, 2 коксовальни (а в следующем году за ними должно было последовать закрытие и ряда других), 10 устаревших доменных печей, 8 мартеновских стальных предприятий, 11 предприятий по прокату, кроме того, ряд литейных предприятий и т. д. Согласно заявлению руководителя стального треста Vögler'а, трест сконцентрировал стальное производство, которое прежде находилось в 12 или 14 предприятиях, всего в руках четырех крупных групп. А по заявлению Thyssen'а, в настоящее время не менее 80% всего железнодорожного материала, который раньше производился на 4 или 5 предприятиях, производится на заводе August - Thyssen - Hütte [4]). Такова техническая «негативная» рационализация, проделанная германским стальным трестом. По данным угольного концерна Harpener Bergbau A. G. рационализация должна в ближайшие два года привести к замене прежних 13 коксовален четырьмя или пятью, а общее число шахт должно уменьшиться с 21 до 13 [5]). По отчету

[1]) Интересно, что и в С.-А. С. Ш., где в 1928 г. была «цветущая» кон'юнктура, число конкурсов за этот год было больше, чем когда бы то ни было в течение последних семи лет. Очевидно, что в послевоенном капитализме по обе стороны океана многие предприятия не в состоянии выдержать воздуха ни низкой, ни высокой кон'юнктуры.

[2]) См. Ledermann Ernst. «Organisation des Ruhrbergbaues unter Berücksichtigung der Beziehungen zur Eisenindustrie». Berlin u. Leipzig, 1927.

[3]) «Wirtschaft u. Statistik» № 16, за 1928 г.

[4]) См. Verhandlungen und Berichte des Unterausschusses für allgemeine Wirtschaftsstruktur, 3 Arbeitsgruppe. Wandlungen in den wirtschaftlichen Organisationsformen Erster Teil. 1928, s. 374 и 393.

([5] См. «Frankfurter Zeitung» от 6/IV 1928 г.

общества - матери германского стального треста — «Gelsenkirchen» за 1927/28 г., результаты проведенной рационализации красноречиво выражаются в следующем сравнении числа производственных пунктов (Betriebspunkte) в угольном предприятии этого общества «Mononol» в 1913 и 1927/28 гг. В то время как в 1913 г. число производственных пунктов равнялось 273, в 1927—28 г. оно равняется только 115 при увеличении средней добычи на производственный пункт с 13,2 до 37 тонн.

В калийной индустрии уменьшение числа действующих предприятий за период рационализации дает прямо поразительные цифры. К концу 1925 г. из числа 225 имеющих право на квоту в калийном синдикате предприятий работает только 71. Остальные (за исключением 35, предварительно закрыных) закрыты до 1953 г. [1]).

В машиностроительной промышленности уменьшение числа предприятий за период рационализации может быть проиллюстрировано, напр., на уменьшении числа предприятий, входящих в союз промышленников одной из отраслей машиностроения (Verein Deutscher Werkzeugmaschinenfabriken). Число предприятий, входивших в этот союз, уменьшается с 450 в середине 1923 г. до 296 в конце 1927 г. Как свидетельствует отчет этого союза, в числе факторов, приведших к такому сокращению числа предприятий, были закрытие или ликвидация предприятий, которые широко размножились в военный период [2]).

В производстве легковых автомобилей (Personenwagenproduktion) число предприятий сокращалось последовательно с 1924 г. Если в конце 1924 г. в производстве легковых автомобилей было занято еще 86 предприятий, то в конце 1927 г. это число упало до 19.

В производстве электрической энергии число предприятий, продающих энергию на сторону, уменьшилось с 4040 в 1913 г. до 2699 в 1924 г., при общем увеличении их производственной мощности с 2,1 м. клв. до 6,09 м. [3]).

Приведенных примеров достаточно для того, чтобы подтвердить правильность вышеустановленной тенденции в движении числа предприятий в современной Германии, тенденции, в свою очередь только отражающей общую экономическую обстановку, в которой происходит развитие концентрационных процессов промышленности. Можно сказать, не боясь преувеличения, что концентрационные процессы прямо ползут из всех щелей народного хозяйства послевоенной Германии.

Каков же конкретный уровень концентрации предприятий германской промышленности в настоящее время и какие изменения мы можем установить в нем по сравнению с прежде существовавшим уровнем концентрации? К этому главному вопросу мы теперь и переходим.

Если взять прежде всего изменения в средней величине предприятия, как она определяется средним числом занятых лиц, приходящихся на одно предприятие, то мы получаем такую эволюцию в размерах предприятия с 1907 по 1925 г. [4]):

Годы	Число занятых лиц на одно предприятие по всей промышленности	Число занятых лиц на одно предприятие по группе предприятий с числом занятых лиц до 5	Число занятых лиц на одно предприятие по гр. предприятий с числом занят. лиц от 6 до 50	Число занятых лиц на одно предприятие с числом занятых лиц от 50 и выше
1907	5,5	1,7	14,4	190
1925	6,8	1,7	14,1	212

[1]) Hoechstetter, «Kontingentwirtschaft in der Kaliindustrie». Halle, 1927, s. 88—89.

[2]) См. Verhandlungen und Berichte des Unterausschusses etc. Zweiter Teil, 1928, s. 35.

[3]) См. Dehne, Gerhard. «Die deutsche Elektrizitätswirtschaft». 1926, s. 10.

[4]) Таблица вычислена по данным «Wirtschaft und Statistik» № 2, за 1928 г.

Из таблицы виден процесс укрупнения среднего предприятия по всей промышленности. Из анализа движения средней величины предприятия по отдельным группам можно ясно заключить, однако, что этот процесс имел место не по всем группам предприятий. Укрупнения предприятия не наблюдается ни в группе мелкокустарных предприятий с числом занятых лиц до 5, ни в группе т. н. средних предприятий, с числом занятых лиц от 6 до 50. Зато в группе крупных предприятий, с числом занятых лиц от 50 и выше, средняя величина предприятия возрастает приблизительно на 12%. Таким образом, за истекший период процесс концентрации предприятия не только не происходил одинаково во всех группах, но был сосредоточен исключительно в группе крупных предприятий. Очевидно, что весь этот период способствовал обогащению и консолидации этой группы предприятий. Мелкие и средние предприятия за целых 18 лет остались такими же карликовыми, дробными, какими были и раньше. Разница между предприятием высшей группы и других групп выросла за счет еще большего увеличения крупного предприятия, при застойном уровне предприятий других групп. Этим, само собой разумеется, преимущества крупного предприятия над мелким еще больше увеличились по сравнению с прежним периодом.

Внутри группы предприятий от 50 занятых лиц и выше передвижка силы совершенно явственно происходит в сторону предприятий, значительно превышающих низший предел в 50 человек. В 1925 г. средняя норма предприятия превысила этот низший предел больше чем в четыре раза.

Что концентрация выдвигает на первый план все более крупные предприятия и что, следовательно, самый масштаб, которым мы определяем величину предприятия, становится все больше, показывает рост удельного веса разных групп предприятий во всей промышленности в целом. Для определения этого роста возьмем также вышеозначенную группу крупных предприятий (Grossbetriebe), как она определяется самой промышленной переписью, т.-е. группу предприятий от 50 и выше занятых лиц на предприятие, и сравним изменение в ее удельном весе с соответствующими изменениями по другим группам. Как известно, Ленин в работе «Империализм etc» берет тоже эту группу крупных предприятий и выясняет ее значение во всей промышленности Германии [1]). Как же изменился удельный вес этой группы предприятий и других с того времени, со времени переписи 1907 года?

Ответом на это служит изменение процентной доли разных групп предприятий в общем числе занятых промышленностью лиц [2]).

Годы	Число занятых во всей промышленности лиц	Число занятых в группе предприятий с числом занятых лиц до 5	Число занятых лиц в группе предприятий с числом занят. лиц от 6 до 50	Число занятых лиц в группе предприятий с числом занятых лиц от 50 и выше
1907	9.872.780	2.804.588	2.305.015	4.763.177
В %	100,0	28,4	23,4	48,2
1925	12.694.273	2.837.327	2.898.756	6.958.190
В %	100,0	22,4	22,8	54,8

Группы мелких и средних предприятий уменьшили процентную долю, особенно группа мелких предприятий, показывающая снижение на целых 6 пунктов. В то же время группа крупных предприятий увеличила свою долю на 6,6

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 246.

[2]) По данным переписей. См. «Wirtchaft und Statistik» № 2, 1928.

пунктов. В 1925 г. ее доля в общем числе занятых лиц перевалила за половину всего числа занятых в промышленности лиц. Однако, огромный удельный вес этой группы предприятий становится еще более очевидным, если его выразить в процентном отношении к общему числу наемных рабочих, занятых в промышленности, так, как это делают, например, американские промышленные цензы. Если учесть, что число собственников предприятий и их родственников, занятых в промышленности, равняется по Германии не менее 2.000.000 человек, т.-е. приблизительно одной шестой части всего занятого в германской промышленности персонала, то после соответствующего вычета этого числа из общего числа занятых лиц оказывается, что доля группы крупных предприятий в общем числе рабочих, занятых в промышленности, равняется приблизительно 65%, т.-е. эта группа охватывает две трети всего рабочего класса промышленности. Но и эта огромная цифра, показывающая степень влияния этой группы предприятий, еще не достаточна для определения ее действительной роли. Действительная ее роль определяется приходящейся на нее долей механических двигателей промышленности. Эта последняя равна в 1925 г. 80%. Значит, четыре пятых мощности всего производственного аппарата промышленности принадлежат этой группе предприятий.

Не ясно ли, что здесь размеры влияния этой группы предприятий находятся не так далеко от некоторой абсолютной грани, достижение которой означало бы почти полное уничтожение более мелких предприятий? И не ясно ли, с другой стороны, поскольку концентрация промышленности в руках группы предприятий от 50 занятых лиц и выше достигла таких размеров, что близок уже абсолютный предел распространения власти этой группы, что эта группа уже перестает служить правильным показателем быстроты и силы концентрационного процесса в настоящем и будущем? В самом деле, если раньше изменения в удельном весе этой группы предприятий считались более или менее точным барометром, демонстрировавшим интенсивность концентрационных сдвигов, так это только потому, что концентрация выражалась прежде всего в выдвижении этой группы предприятий, в поглощении ими все большей и большей доли всей промышленности. Но теперь влияние этой группы измеряется не больше и не меньше чем $^4/_5$ всех механических двигателей промышленности и $^2/_3$ всех рабочих промышленности. Дальнейшему усилению влияния этой группы поставлены уже некоторые абсолютные пределы. Это означает, что для измерения интенсивности концентрационного процесса в настоящее время и на будущее необходим уже другой масштаб, нежели определение изменений в удельном весе группы предприятий с числом занятых лиц от 50. Этот масштаб был хорош до сих пор, но в настоящее время он уже начинает давать «осечку». Сейчас для определения степени концентрационного процесса и усиления роли крупных предприятий уже необходимо брать не эту группу предприятий, а группу более крупных предприятий. Жизнь идет вперед, и концентрация выдвигает вперед все более крупные производственные единицы. И с этой точки зрения, конечно, некоторым анахронизмом является то, что германская промышленная статистика попрежнему (частью, по традиции) делит все предприятия на три группы, из которых в «высшей» группе — Grossbetriebe — оказываются предприятия с числом занятых лиц от 50 и выше. Сейчас, конечно, эти предприятия нельзя считать «высшей группой». Сама жизнь передвигает низший предел высшей группы значительно выше 50 лиц.

Поэтому реальным показателем значительности происшедших в новейшей Германии концентрационных сдвигов с гораздо большим правом следует считать изменения в экономической роли групп предприятий с числом занятых лиц от 200 и выше, с одной стороны, и от 1.000 и выше, с другой.

Нижеследующая таблица показывает изменения в роли этих двух групп предприятий с 1907 г. по 1925 г. [1]).

Годы	Число занятых лиц в группе предприятий от 200 занятых лиц и выше	Число занятых лиц в группе предприятий от 1000 занятых лиц и выше
1907	—	1.175.565
В %	—	11,9
1925	4.565.848	2.109.065
В %	36,0	16,6

В 1925 г. группа предприятий с числом занятых лиц от 200 охватывает более одной трети всех занятых в промышленности лиц. По охвату занятого в промышленности персонала, эта группа приблизилась примерно к той роли, которую в середине 90-х гг. прошлого столетия играли предприятия с числом занятых лиц от 50 и выше. По данным переписи 1895 г., тогда на долю этих предприятий падало как-раз около 36%. Правда, в виду неоднородности понятия «предприятия», положенного в основу прежних переписей и переписи 1925 г., такое сравнение является не совсем точным. Однако, возможная ошибка здесь вряд ли будет очень велика. Грубо говоря, можно безусловно установить, что предприятия с числом занятых лиц от 200 и выше сейчас охватывают такую же часть занятого в промышленности персонала, какую лет 30 назад охватывали предприятия с числом занятых лиц от 50. Этим дается приблизительное статистическое выражение того развития, которое в концентрационном отношении проделала германская промышленность за период, отделяющий нас от времени, к которому относится дата превращения капитализма свободной конкуренции в империалистический капитализм.

Если брать долю группы с числом занятых лиц от 200 и выше в общем числе механических двигателей промышленности, то оказывается, что из 18.579.293 лош. сил механических двигателей в промышленности на эту группу приходится 12.195.709 лош. сил, что составляет около 66%, или двух третей всей мощности производственного аппарата промышленности.

Эта огромная цифра также подтверждает то, что современная Германия далеко ушла от того периода, когда критерием, определявшим ступень концентрации промышленности, служил удельный экономический вес группы предприятий с числом занятых лиц от 50. Подавляюще большая часть производственного аппарата уже сейчас находится в обладании гораздо более крупных предприятий.

Однако, мы получили бы неправильное представление о структуре германской промышленности, если бы мы остановили свой анализ на группе предприятий от 200 занятых лиц и выше. Если удельный вес последней группы отражает в общем правильно средний уровень концентрации германской промышленности, то он не показывает нам ведущую, руководящую группу предприятий, которая определяет собой дальнейшее развитие и направление германской концентрации. Если изменения в роли этой группы более или менее правильно отражали концентрационное движение за последний период, если ее удельный вес дает возможность судить о современном статическом уровне, на котором находится концентрация, то, несомненно, не этой группе предприятий принадлежит «будущее». Руководящую, ведущую роль уже сейчас в германской промышленности играет группа гораздо более крупных предприятий. Такой группой предприятий являются предприятия с числом занятых лиц не менее 1.000, если еще не более крупные предприятия. Это—предприятия, которые германская статистка об'единяет в одну группу под термином «гигантских предприятий» (Riesenbetriebe). Только в анализе удельного веса этой группы «гигантских предприятий» и его изменения в историческом развитии германской промышленности перед нами раскрывается не только «прошлое» и «настоящее» концентрационного движения, но и его «будущее». Только анализ этой группы крупнейших предприятий бросает яркий свет на то, куда идет германская промышленность в концентрационном развитии.

(Окончание следует).

[1]) Таблица составлена по данным «Wirtschaft und Statistik» № 2, 1928 г. Данные за 1907 г. по группе предприятий от 200 занятых лиц и выше, на основе опубликованных пока материалов, еще не являются сравнимыми с данными переписи 1925 г. Поэтому они опущены в помещенной в тексте таблице. См. на этот счет замечания в «Wirtschaft und Statistik» № 4, 1927 г.

М. Лифшиц.

Сельхозналог и зерновая проблема.

«Следует, однако, иметь в виду, что зерновое хозяйство является главнейшей частью всего сельского хозяйства. Поэтому показатели зернового хозяйства являются решающими для всего сельского хозяйства, и чрезмерное отставание его развития, особенно отставание зернового хозяйства, грозит срывом делу социалистической индустриализации страны».

(Из резолюции пленума ЦК ВКП(б) в ноябре 1928 года).

Зерновая проблема, задача повышения производства зерна, является одной из важнейших, и решению ее необходимо уделить исключительное внимание. Каждый партиец, каждый рабочий должны уяснить себе, чему угрожает отставание нашего сельского хозяйства, в первую очередь зернового хозяйства.

Ноябрьский пленум ЦК нашей партии подчеркнул необходимость, «твердо проводя курс на индустриализацию страны..., в то же время принять все меры к тому, чтобы подтянуть сельское хозяйство вообще, зерновое хозяйство в частности и производство продовольственных хлебов в особенности...»

Таким образом, задачей первостепенной важности является поднятие зернового хозяйства. При всей трудности и ограниченности возможностей добиться быстрого и крупного эффекта в разрешении такой сложной проблемы, как зерновая, в условиях нашей страны с большинством крестьянских хозяйств, являющихся простыми товаропроизводителями, все же в нашем распоряжении есть не мало средств содействия разрешению этой проблемы. В числе таких средств, мероприятий не последнее место занимает сельхозналог.

Директива апрельского пленума по сельхозналогу.

Вопрос о том, что в наш сельхозналог надо вносить такие поправки, которые содействовали бы дальнейшему развитию производительных сил деревни и в частности под'ему зернового хозяйства, вопрос не новый. Не углубляясь в историю, напомним совершенно точные директивы апрельского пленума ЦК: «... об'единенный пленум ЦК и ЦКК поручает Политбюро обратить особое внимание на уловление неземледельческих доходов кулачества, на известное перераспределение налогового обложения между обложением производства зерна и других отраслей сельского хозяйства...»

Таким образом, еще в апреле, т.-е. до издания действующего теперь сельхозналога на 1928—1929 год, пленум ЦК указал на необходимость перераспределения тяжести налога между отдельными отраслями сельского хозяйства в сторону понижения этой тяжести для зернового хозяйства. По истечении 7 месяцев ноябрьский пленум подчеркивает, что задача наибольшего благоприятствования зерновому хозяйству стоит в порядке дня, т.-е. что она далеко еще не разрешена.

Что же было сделано во исполнение постановления апрельского пленума? Какие получились результаты?

На основе имеющихся у нас материалов, на основе анализа результатов обложения сельхозналогом в истекшем году, мы должны сказать, что для разрешения этой проблемы по линии сельхозналога нами было сделано очень мало, а результатов никаких или почти никаких не получили.

Чем характеризуется состояние зернового хозяйства за время с апрельского до ноябрьского пленума, какие факторы в течение этого полугода могли внести изменения в его состояние?

Первое—это повышение цен на хлеб. В отношении этого мероприятия ноябрьский пленум ЦК констатировал, «что мероприятия, принятые июльским пленумом, в частности произведенное им повышение хлебных цен, полностью себя оправдали и создали предпосылки не только для удовлетворительного развертывания текущей хлебозаготовительной кампании, но и для более быстрого под'ема крестьянского хозяйства».

Второе—состояние урожая 1928—1929 года. При общем более или менее удовлетворительном валовом сборе хлебов, совпадающем с общим валовым сбором прошлого года, мы имеем менее выгодную географию урожая по районам и менее выгодное соотношение между культурами в сторону, менее благоприятную для зерновых культур вообще и для товарных в особенности.

Третье—сельхозналог 1928—1929 года должен был, учитывая решения апрельского пленума, понизить обложение зернового хозяйства. Между тем, результаты налоговой кампании истекшего года показывают, и об этом нужно совершенно ясно сказать, что директива апрельского пленума в этом отношении не выполнена или выполнена в таких размерах, которые ни коим образом не могут серьезно расцениваться, как мероприятие, содействовавшее под'ему зернового хозяйства.

Из сказанного и особенно из резолюции ноябрьского пленума о состоянии и роли зернового хозяйства с совершенной ясностью и четкостью вытекает, что задача дальнейшего содействия поднятию зернового хозяйства является первоочередной и важнейшей. Поэтому мероприятия этого года, в частности произведенное повышение цен, ни в какой степени не освобождают нас от того, чтобы продолжать изыскивать способы и меры, могущие содействовать поднятию зернового хозяйства. В числе этих мероприятий все же и впредь не последнее место должен занимать сельхозналог. Учитывая то, что в истекшем году сельхозналог в этой части своей роли не выполнил, необходимо поставить перед новым законом о сельхозналоге, который должен быть срочно издан, обязательную задачу: выполнить со всей четкостью и со всей решительностью постановления апрельского и ноябрьского пленумов.

Директива ноябрьского пленума по сельхозналогу.

Ноябрьский пленум, перечисляя вопросы, которые надо разрешить в направлении содействия поднятию сельского хозяйства, и констатируя совершенно незыблемое положение, что «всемерное стимулирование хозяйственного интереса основных масс крестьянства является в настоящее время одной из центральных наших задач», перечисляет эти вопросы. «Сюда относятся в настоящее время следующие вопросы: 1) вопрос о товарном снабжении деревни; 2) укрепление денежной системы; 3) вопрос о сельхозналоге; 4) вопрос о революционной законности и улучшении форм воздействия на крестьянское хозяйство».

Таким образом, сельхозналог должен быть одним из средств, всемерно стимулирующих хозяйствен-

ный интерес основных масс крестьянства в деле поднятия сельского хозяйства и зернового хозяйства в особенности.

Не вдаваясь в этой статье в подробный анализ действующей системы сельхозналога, распределения тяжести налога по отдельным отраслям сельского хозяйства и причин пестроты этого распределения, мы попытаемся только наметить пути для осуществления директив апрельского и ноябрьского пленумов ЦК в части понижения тяжести обложения зернового хозяйства и содействия под'ему зернового хозяйства, расширению посевных площадей.

Для разрешения этой задачи по линии сельхозналога в сущности говоря есть два пути:

первый путь—общее понижение тяжести и размеров сельхозналога с тем, чтобы за счет этого была понижена тяжесть обложения полеводства в основных товаропроизводящих районах зернового хозяйства, и

второй путь—перераспределение налога между различными источниками крестьянского дохода, облагаемого сельхозналогом в сторону понижения обложения полеводства, за счет повышения обложения неземледельческих заработков, спецотраслей сельского хозяйства и других источников.

Понижение налога как средство под'ема зернового хозяйства.

Чтобы решить, по какому из этих путей надо пойти и обязательно ли итти только по одному из этих путей, необходимо в первую очередь ответить на вопросы: 1) какова же теперешняя тяжесть сельхозналога, и 2) как тяжесть сельхозналога теперь распределяется по различным отраслям сельского хозяйства и по различным источникам крестьянского дохода?

Под тяжестью обложения сельхозналогом в данном случае мы имеем в виду понятие суженное—отношение суммы сельхозналога к различному выражению крестьянского дохода (условно-чистый доход, облагаемый, денежный доход). Вот эта таблица дает представление о динамике и тяжести сельхозналога на протяжении последних 5 лет (см. табл. № 1 на след. стр.).

Эти данные показывают, что сумма сельхозналога в последние годы (кроме 1928—1929 года) отстает по сравнению с 1924—1925 годом при беспрерывном росте доходов крестьянского хозяйства и что процент из'ятия налогом дохода из года в год, кроме 1928—1929 года, понижается, но и в 1928—1929 году далеко не достигает уровня 1924—1925 года.

Это обстоятельство как бы говорит за то, что в нашем распоряжении имеется возможность дальнейшего повышения тяжести налога. Но если принять во внимание, что в 1928—29 году мы все же имеем значительное повышение обложения в сравнении с 1927—1928 годом и даже с 1926—1927 годом, при общей недостаточно благоприятной кон'юнктуре в области сельского хозяйства в нынешнем году, если принять во внимание не только недопустимость повышения тяжести обложения основной массы, середняцкой группы крестьянства, но, возможно, необходимость даже понизить тяжесть обложения этой части деревни; если принять во внимание, что верхушка деревни и особенно эксплоататорская ее часть, в результате действия всех мероприятий за истекший год (период после XV с'езда), если не сократилась, то во всяком случае приостановилась в своем количественном росте и несколько ослаблена в своей платежеспособности,—то будет совершенно понятна невозможность даже постановки вопроса о повышении размеров, а тем более тяжести налога на будущий год.

Несколько понизить налог нужно.

Ну, а понизить налог на будущий год в целях стимулирования под'ема зернового хозяйства, расширения посевов можно? И можно и в известных пределах целесообразно.

Таблица № 1.

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Условно-чистый доход[1])					
В миллионах рублей	9.197	13.090	13.217	13.908	14.840
В %% к предыдущему году	—	142,3	101,0	104,6	106,7
В %% к 1924/25 г.	—	142,3	143,7	151,2	161,4
Облагаемый доход[2])					
В миллионах рублей	—	—	5.595,5	5.759,3	6.506,2
В %% к предыдущему году	—	—	—	+2,9	+13,0
В %% к 1926/27 г.	—	—	—	+2,9	+16,3
Денежный доход[3])					
В миллионах рублей	5.119	7.137	7.614	8.264	8.837
В %% к предыдущему году	—	139,4	106,7	108,5	106,9
В %% к 1924/25 г.	—	139,4	148,7	161,4	172,6
Сельхозналог					
В миллионах рублей	346	250	331	321	404
В %% к предыдущему году	—	72,3	132,4	97,0	125,9
В %% к 1924/25 г.	—	72,3	95,7	92,8	116,8
% из'ятия налогом					
Условно чистого дохода	3,8	1,9	2,5	2,3	2,7
Облагаемого дохода	—	—	5,9	5,6	6,2
Денежного дохода	6,8	3,5	4,3	3,9	4,6

Правильно будет сказать, что налог на будущий год не только не должен быть повышен по своей тяжести, но он должен быть понижен и в абсолютных размерах. Мы строили в прошлом году налог, исходя из расчета реального получения 400 милл. рублей. Фактически поступит, вероятно, несколько больше: вместе с недоимками прошлых лет, пеней и штрафами поступит примерно 425 милл. рублей. На будущий год надо в закон внести такие изменения, при которых обеспечить к получению сумму около 375 милл. рублей. При 8-миллиардном бюджете, даже при всей напряженности его, все же 50 милл. рублей, на которые мы понизим сельхозналог, не могут играть заметной отрицательной роли. А если, что не трудно доказать, при использовании этих 50 милл. рублей на понижение обложения зернового хозяйства, народное хозяйство может получить сумму, значительно превышающую этот недобор государственного и местного бюджета, то будет ясно, что это понижение сыграет только положительную роль.

[1]) По расчетам ЦСУ для комиссии СНК по изучению тяжести налогового обложения. Данные за 1928—29 г. условно определены нами по динамическим коэффициентам прироста—по контрольным цифрам Госплана.

[2]) До 1926—1927 г. облагаемый сельхозналогом доход крестьянского хозяйства выражался не в денежных, а в натуральных единицах. Надо иметь в виду, что облагаемый доход отражает в себе налоговое законодательство данного года (нормы доходности, принципы обложения) и рост сельского хозяйства (увеличение об'ектов). Значительное расхождение в размерах условно-чистого и облагаемого дохода об'ясняется следующими обстоятельствами: 1) недоучетом источников сельскохоз. дохода, 2) пониженными нормами доходности и 3) очень незначительным привлечением к обложению неземледельческих заработков и специальных отраслей сельского хозяйства.

[3]) Суммированные доходы от реализации товарной продукции сельского хозяйства (без внутрикрестьянского оборота) за сельскохозяйственный год по данным контрольных цифр Госплана и от неземледельческих заработков по упомянутым выше расчетам ЦСУ.

ный интерес основных масс крестьянства в деле поднятия сельского хозяйства и зернового хозяйства в особенности.

Не вдаваясь в этой статье в подробный анализ действующей системы сельхозналога, распределения тяжести налога по отдельным отраслям сельского хозяйства и причин пестроты этого распределения, мы попытаемся только наметить пути для осуществления директив апрельского и ноябрьского пленумов ЦК в части понижения тяжести обложения зернового хозяйства и содействия под'ему зернового хозяйства, расширению посевных площадей.

Для разрешения этой задачи по линии сельхозналога в сущности говоря есть два пути:

первый путь—общее понижение тяжести и размеров сельхозналога с тем, чтобы за счет этого была понижена тяжесть обложения полеводства в основных товаропроизводящих районах зернового хозяйства, и

второй путь—перераспределение налога между различными источниками крестьянского дохода, облагаемого сельхозналогом в сторону понижения обложения полеводства, за счет повышения обложения неземледельческих заработков, спецотраслей сельского хозяйства и других источников.

Понижение налога как средство под'ема зернового хозяйства.

Чтобы решить, по какому из этих путей надо пойти и обязательно ли итти только по одному из этих путей, необходимо в первую очередь ответить на вопросы: 1) какова же теперешняя тяжесть сельхозналога, и 2) как тяжесть сельхозналога теперь распределяется по различным отраслям сельского хозяйства и по различным источникам крестьянского дохода?

Под тяжестью обложения сельхозналогом в данном случае мы имеем в виду понятие суженное—отношение суммы сельхозналога к различному выражению крестьянского дохода (условно-чистый доход, облагаемый, денежный доход). Вот эта таблица дает представление о динамике и тяжести сельхозналога на протяжении последних 5 лет (см. табл. № 1 на след. стр.).

Эти данные показывают, что сумма сельхозналога в последние годы (кроме 1928—1929 года) отстает по сравнению с 1924—1925 годом при беспрерывном росте доходов крестьянского хозяйства и что процент из'ятия налогом дохода из года в год, кроме 1928—1929 года, понижается, но и в 1928—1929 году далеко не достигает уровня 1924—1925 года.

Это обстоятельство как бы говорит за то, что в нашем распоряжении имеется возможность дальнейшего повышения тяжести налога. Но если принять во внимание, что в 1928—29 году мы все же имеем значительное повышение обложения в сравнении с 1927—1928 годом и даже с 1926—1927 годом, при общей недостаточно благоприятной кон'юнктуре в области сельского хозяйства в нынешнем году, если принять во внимание не только недопустимость повышения тяжести обложения основной массы, середняцкой группы крестьянства, но, возможно, необходимость даже понизить тяжесть обложения этой части деревни; если принять во внимание, что верхушка деревни и особенно эксплоататорская ее часть, в результате действия всех мероприятий за истекший год (период после XV с'езда), если не сократилась, то во всяком случае приостановилась в своем количественном росте и несколько ослаблена в своей платежеспособности,—то будет совершенно понятна невозможность даже постановки вопроса о повышении размеров, а тем более тяжести налога на будущий год.

Несколько понизить налог нужно.

Ну, а понизить налог на будущий год в целях стимулирования под'ема зернового хозяйства, расширения посевов можно? И можно и в известных пределах целесообразно.

Таблица № 1.

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Условно-чистый доход[1])					
В миллионах рублей	9.197	13.090	13.217	13.908	**14.840**
В %% к предыдущему году	—	142,3	101,0	104,6	**106,7**
В %% к 1924/25 г.	—	142,3	143,7	151,2	**161,4**
Облагаемый доход[2])					
В миллионах рублей	—	—	5.595,5	5.759,3	**6.506,2**
В %% к предыдущему году	—	—	—	+2,9	**+13,0**
В %% к 1926/27 г.	—	—	—	+2,9	**+16,3**
Денежный доход[3])					
В миллионах рублей	5.119	7.137	7.614	8.264	**8.837**
В %% к предыдущему году	—	139,4	106,7	108,5	**106,9**
В %% к 1924/25 г.	—	139,4	148,7	161,4	**172,6**
Сельхозналог					
В миллионах рублей	346	250	331	321	**404**
В %% к предыдущему году	—	72,3	132,4	97,0	**125,9**
В %% к 1924/25 г.	—	72,3	95,7	92,8	**116,8**
% из'ятия налогом					
Условно чистого дохода	3,8	1,9	2,5	2,3	**2,7**
Облагаемого дохода	—	—	5,9	5,6	**6,2**
Денежного дохода	6,8	3,5	4,3	3,9	**4,6**

Правильно будет сказать, что налог на будущий год не только не должен быть повышен по своей тяжести, но он должен быть понижен и в абсолютных размерах. Мы строили в прошлом году налог, исходя из расчета реального получения 400 милл. рублей. Фактически поступит, вероятно, несколько больше: вместе с недоимками прошлых лет, пеней и штрафами поступит примерно 425 милл. рублей. На будущий год надо в закон внести такие изменения, при которых обеспечить к получению сумму около 375 милл. рублей. При 8-миллиардном бюджете, даже при всей напряженности его, все же 50 милл. рублей, на которые мы понизим сельхозналог, не могут играть заметной отрицательной роли. А если, что не трудно доказать, при использовании этих 50 милл. рублей на понижение обложения зернового хозяйства, народное хозяйство может получить сумму, значительно превышающую этот недобор государственного и местного бюджета, то будет ясно, что это понижение сыграет только положительную роль.

[1]) По расчетам ЦСУ для комиссии СНК по изучению тяжести налогового обложения. Данные за 1928—29 г. условно определены нами по динамическим коэффициентам прироста—по контрольным цифрам Госплана.

[2]) До 1926—1927 г. облагаемый сельхозналогом доход крестьянского хозяйства выражался не в денежных, а в натуральных единицах. Надо иметь в виду, что облагаемый доход отражает в себе налоговое законодательство данного года (нормы доходности, принципы обложения) и рост сельского хозяйства (увеличение об'ектов). Значительное расхождение в размерах условно-чистого и облагаемого дохода об'ясняется следующими обстоятельствами: 1) недоучетом источников сельскохоз. дохода, 2) пониженными нормами доходности и 3) очень незначительным привлечением к обложению неземледельческих заработков и специальных отраслей сельского хозяйства.

[3]) Суммированные доходы от реализации товарной продукции сельского хозяйства (без внутрикрестьянского оборота) за сельскохозяйственный год по данным контрольных цифр Госплана и от неземледельческих заработков по упомянутым выше расчетам ЦСУ.

Но этого мало: надо также перераспределить тяжесть налога между различными отраслями крестьянского дохода.

Кроме того, мы считаем необходимым обратить внимание на то, что этим путем даже при некотором понижении налога, но при сохранении нынешнего распределения налога между различными отраслями крестьянского дохода мы многого не сумеем сделать для оказания существенного содействия под'ему зернового хозяйства. Поэтому наиболее целесообразным, на наш взгляд, является путь *второй — перераспределение тяжести налога между различными источниками крестьянского дохода* (*земледельческими и неземледельческими*) *и между различными отраслями сельского хозяйства.*

Забегая несколько вперед, мы должны отметить, что при нынешней системе с.-х. налога мы имеем такое положение, когда тяжесть налога распределяется между различными источниками крестьянского дохода и отраслями сельского хозяйства далеко не в соответствии с их товарностью и денежностью, *при чем относительно тяжелее у нас обложено сельское хозяйство, а внутри сельского хозяйства наиболее тяжело обложено зерновое хозяйство.*

Такое положение, разумеется, не может быть признано правильным. Такое положение противоречит нашим задачам в области поднятия зернового хозяйства, и поэтому *путь перераспределения тяжести налога* является, пожалуй, наиболее верным, наиболее правильным, и по этому пути главным образом нам и следовало бы пойти при внесении поправок в систему обложения деревни на будущий год.

Неравномерное распределение тяжести налога.

Одной из задач нашей статьи является—обратить внимание *на наблюдающееся неправильное, неравномерное распределение тяжести налога между различными источниками крестьянского дохода и на необходимость эту неравномерность устранить.* Наркомфин в последние годы по этому пути идет: уже имеются успехи в перераспределении тяжести налога между различными отраслями крестьянского хозяйства в сторону понижения обложения зернового хозяйства за счет более полного обложения неземледельческих доходов и доходов от специальных отраслей сельского хозяйства. Но идем мы по этому пути чрезвычайно медленно, достижения чрезвычайно незначительные, и задача предстоящего года заключается в том, *чтобы в возможно большей степени понизить обложение зернового хозяйства.*

Чтобы дать анализ распределения тяжести налога между различными отраслями крестьянского дохода и показать переобложение, в сравнении с другими отраслями, полеводства, зернового хозяйства, придется несколько подробнее остановиться на элементах крестьянского дохода в динамическом разрезе, при чем мы будем касаться главным образом товарности и денежности крестьянского хозяйства и в меньшей степени условно-чистого и валового дохода.

Обращаясь к контрольным цифрам Госплана на 1928—1929 год, мы можем констатировать незначительное повышение общей товарности сельского хозяйства, сопровождающееся падением товарности зерновых культур и одновременным повышением ее для технических культур и продукции животноводства.

Таблица № 2.

Товарная продукция сельского хозяйства без внутрикрестьянского оборота.	В милл. рублей по ценам соответствующего года			
	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29
Вся товарная часть сельского хозяйства	2.671	2.609	2.960	3.169
В том числе:				
а) зерновые хлеба	626	538	506	526
б) технические культуры	574	451	621	700
в) продукция животноводства	1.115	1.251	1.411	1.515
В %% к соответствующей валовой продукции				
а) вся товарная часть	16,6	16,6	18,2	18,2
б) зерновые хлеба	13,2	13,4	12,6	11,5
в) технические культуры	62,9	59,7	65,5	65,5
г) продукция животноводства	24,0	24,3	27,3	27,2
В %% к итогу всей товарной продукции				
а) зерновые хлеба	23,4	20,6	17,1	16,6
б) технические культуры	21,5	17,3	21,0	22,1
в) продукция животноводства	41,7	47,9	47,7	47,8

Эта таблица показывает, что при почти стабильности всей товарной части в процентах к соответствующей валовой продукции товарность зерновых хлебов из года в год понижается, достигая 11,5% в 1928—1929 году. На ряду с этим уменьшением товарности зерновых культур, мы имеем рост товарности технических культур и продукции животноводства.

В качестве иллюстрации представляется интересным привести сопоставление удельного веса товарной продукции 1928—1929 года с довоенными данными за 1913 год по главнейшим отраслям сельского хозяйства.

Удельный вес зерновых культур в общей товарной продукции составлял в 1913 году—40,6%, а в 1928—29 году—16,6%. Доля же технических культур и животноводства занимает теперь в общей товарной продукции большее место, чем в 1913 году.

Благодаря отставанию темпа роста сельскохозяйственной продукции от соответствующего роста продукции промышленности, удельный вес сельскохозяйственного дохода в общем народном доходе на протяжении последних четырех лет падает, составляя 45,2% в 1925—26 году и 39% в 1928—29 году. Разумеется, это положение ничего общего не имеет с деградацией сельского хозяйства, а означат лишь замедленный *рост* сельского хозяйства при особо *интенсивном росте* промышленности.

Тем не менее отставание зернового хозяйства диктует необходимость тех мероприятий, о которых сказано в резолюции ноябрьского пленума.

Переходя к размерам условно-чистого дохода, мы воспользовались для периода 1924/25—1927/28 гг. расчетами ЦСУ для комиссии Совнаркома по изучению тяжести налогового обложения, а для 1928—29 года условно-чистый доход ориентировочно определили, применяя, по контрольным цифрам Госплана на 1928—29 год, динамические коэффициенты роста доходов земледельческого населения и сельскохозяйственной продукции. При этом условии мы получаем следующие данные:

Таблица № 3.

Условно-чистый доход.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
В млн. руб.	5.768	8.624	8.212	8.604	9.172
В %% к предыдущему году	—	149,5	95,2	104,7	106,6
В %% к 1924/25 году	—	149,5	142,4	149,2	159,0

Динамика условно-чистого дохода повторяет по существу динамику валовой продукции: замедление темпа этого роста, начиная с 1926—27 года.

В другом виде представляется рост неземледельческих доходов крестьянства (по тем же данным ЦСУ).

Таблица № 4.

Рост неземледельческих доходов.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Неземледельческие заработки в млн. руб.	3.429	4.466	5.005	5.304	5.668
В %% к предыдущему году	—	130,3	111,9	105,9	106,9
В %% к 1924/25 году	—	130,3	145,9	154,7	165,3
В %% ко всему условно-чистому доходу крестьянского хозяйства	37,3	34,1	37,9	38,1	38,2

Здесь мы замечаем неуклонный рост неземледельческих доходов от года к году, при чем рост этих неземледельческих доходов оказался выше роста сельскохозяйственного дохода, благодаря чему наблюдается повышение удельного веса неземледельческих доходов в общем крестьянском доходе.

Суммируя доход от сельского хозяйства и неземледельческих промыслов, получаем следующие цифры всего условно-чистого дохода крестьянского хозяйства.

Таблица № 5.

Весь условно-чистый доход.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
В миллионах рублей	9.197	13.090	13.217	13.908	14.840
В %% к предыдущему году	—	142,3	101,0	104,6	106,7
В %% к 1924/25 году	—	142,3	143,7	151,2	161,4

С точки зрения анализа налогового обложения важно будет дать денежный доход деревни от реализации сельскохозяйственной продукции (без внутреннего крестьянского оборота) и от неземледельческих заработков. Эти данные выражены в следующей табличке:

Таблица № 6.

Денежный доход деревни от реализ. с.-х. прод. и неземлед. заработ.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
В миллионах рублей	5.119	7.137	7.614	8.264	8.837
В %% к предыдущему году	—	139,4	106,7	108,5	106,9
В %% к 1924/25 году	—	139,4	148,7	161,4	172,6
В %% ко всему усл.-чистому доходу	55,7	54,5	57,6	59,5	59,5

Эта табличка наиболее характерна. Она показывает, что при медленном, но все же росте условно-чистого дохода за последние 2—3 года общая денежность крестьянства в %% ко всему условно-чистому доходу остается стабильной. В то же время товарность зернового хозяйства понизилась. Это обстоятельство необходимо учесть, как предпосылку для тех предложений в отношении перераспределения налога, которые мы сделаем дальше.

Вследствие чего же получается общее повышение денежности крестьянства? Оно является следствием роста товарности продукции животноводства, технических культур и самое главное—неземледельческих доходов. И это—несмотря на замедление роста и даже понижение товарности и денежности зернового хозяйства. Для подтверждения этого положения приведем следующую табличку:

Таблица № 7.

В млн. рубл. по ценам соответ. года	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Весь денежный доход	5.119	7.137	7.614	8.264	8.837
Товарная часть сельского хозяйства	1.690	2.761	2.609	2.960	3.169
В том числе:					
а) зерновые хлеба	—	626	538	506	526
б) технич. культуры	—	574	451	621	700
в) продукция животноводства	—	1.115	1.251	1.411	1.515
Товарная часть в %% к условно-чистому доходу сельского хозяйства	29,3	31,0	31,8	34,4	34,4
Неземледельческие заработки	3.429	4.466	5.005	5.304	5.668
Процентное распределение денежного дохода:					
а) товарная часть сельск. хозяйства	33,0	37,4	34,3	35,8	35,9
б) неземледельческие заработки	67,0	62,6	65,7	64,2	64,1

Эта таблица показывает, что, во-первых, удельный вес товарной части сельского хозяйства во всем денежном доходе значительно ниже, чем удельный вес неземледельческих заработков, во-вторых, в товарной части сельского хозяйства первое место занимает продукция животноводства, затем идут технические культуры и только на последнем месте—зерновые хлеба. Приведенные расчеты с достаточной ясностью показывают отставание товарности зерновых хлебов от остальных источников дохода крестьянского хозяйства.

Теперь нам придется остановиться на сравнительной тяжести обложения отдельных отраслей (источников) крестьянского дохода, на распределении тяжести сельхозналога по этим отраслям. Но прежде необходимо дать сопоставление исходного у нас условно-чистого дохода крестьянства от различных источников с тем доходом от этих же источников, который привлекается к обложению сельхозналогом, с облагаемым доходом. Мы приводим данные по Союзу ССР в целом за 1927—28 год, так как за 1928—29 г. мы еще достаточно полным материалом не располагаем [1]).

Таблица № 8.

Доходные статьи	Условно-чистый доход			Облагаемый доход			Недоучет облагаемого дохода в %%
	В млн. руб.	В %% к итогу всего дохода	В %% к итогу дохода от с. х.	В млн. руб.	В %% к итогу всего дохода	В %% к итогу дохода от с. х.	
Полеводство . . .	5.069,8	37,07	60,54	3.852,5	66,89	70,55	— 24,0
Луговодство . . .	864,3	6,32	10,32	401,3	6,97	7,35	— 53,6
Крупн. рогат. скот.	609,5	4,45	7,29	462,2	8,03	8,47	— 24,2
Рабочий скот . .	726,3	5,31	8,67	467,9	8,12	8,57	— 35,6
Итого основные отрасли сельского хоз-ва.	7.269,9	53,15	86,82	5.183,9	90,01	94,94	— 28,7
Овцы и козы . .	227,1	1,66	2,71	122,5	2,13	2,24	— 46,1
Свиньи	91,4	0,67	1,09	19,2	0,33	0,35	— 79,0
Спецотрасли . . .	785,3	5,74	9,38	134,9	2,34	2,47	— 82,8
Итого сел. хоз.	8.373,7	61,22	100	5.460,5	94,81	100	— 34,8
Неземледельческие заработки . . .	5.304,0	38,78	—	298,8	5,19	—	— 94,4
Весь доход . .	13.677,7	100	—	5.759,3	100	—	— 57,9

Полеводство обложено тяжелее других отраслей крестьянского хозяйства.

В сущности говоря, приведенные в этой таблице размеры расхождения между условно-чистым и облагаемым доходом крестьянства по отдельным источникам определяют собою неравномерность распределения тяжести налога между различными отраслями крестьянского дохода. В самом деле, при общем недоучете облагаемого дохода, при расхождении его на 57,9% с условно-чистым доходом, мы замечаем чрезвычайно большую пестроту в размерах этого недоучета по отдельным отраслям. В самом деле: недоучет неземледельческих заработков достигает 94%, а по основным отраслям сельского хозяйства недоучет—28,7%, а по полеводству всего лишь 24%. Ясное дело, что, когда доходы полеводства привлечены к обложению на 76%, а доходы

[1]) Данные о распределении условно-чистого дохода от сельского хозяйства по источникам исчислены секцией сельхозналога Госналога. Этот расчет является несколько преуменьшенным против условно-чистого дохода, приведенного в таблице № 1.

от неземледельческих заработков только на 6%, то реальная тяжесть обложения доходов полеводства будет во много раз превышать тяжесть обложения доходов от неземледельческих заработков. Если даже допустить, известную преувеличенность данных ЦСУ о размерах доходов от неземледельческих заработков, то все же не вызывает сомнения то, что эти доходы привлечены к обложению в гораздо меньшей степени, чем доходы от полеводства. Это не только совершенно очевидно из приведенных данных, но это неизбежно вытекает из самой системы сельхозналога, из существующего порядка привлечения к обложению доходов от неземледельческих заработков. Но об этом скажем ниже.

Таким образом, если в условно-чистом доходе неземледельческие доходы крестьянства составляют 38,8%, а сельскохозяйственные — 61,2%, то в облагаемом доходе неземледельческие заработки составляют только 5,2%, а доходы от сельского хозяйства—94,8%.

Повторяем: это неравномерное распределение не является чем-нибудь неожиданным. Согласно директивам апрельского пленума ЦК, в систему налога на 1928—29 год были внесены поправки, которые должны были хоть несколько ослабить это расхождение, неравномерное распределение тяжести обложения сельского хозяйства и неземледельческих доходов. Однако, и в результате налоговой кампании 1928—29 года, несмотря на достижения в области более полного учета доходов от неземледельческих заработков и более высокого процента привлечения их к обложению, все же сохранилось до сих пор громадное расхождение между отношением облагаемого дохода к условно-чистому от сельского хозяйства и неземледельческих доходов, расхождение в тяжести обложения между зерновым хозяйством и остальными источниками крестьянского дохода.

Как мы уже сказали выше, достаточно полных данных о результатах учета за 1928—29 год мы не имеем, но мы можем в качестве иллюстрации привести результаты учета по части СССР. Эти результаты достаточны для характеристики и оценки итогов перераспределения тяжести налога между сельским хозяйством и неземледельческими заработками в 1928 — 29 году.

Таблица № 9.

Результаты учета облагаемого дохода в 1927—28 и 1928—29 гг. по РСФСР (без некоторых районов), БССР и Узбекской ССР.

Статьи дохода.	1927—28 год.		1928—29 год.		Прирост в %%
	В тыс. руб.	В % ко всему доходу	В тыс. руб.	В % ко всему доходу	
Сельское хозяйство. . .	2.837.804,6	94,03	3.195.550,0	90,31	12,6
Неземлед. заработ. . . .	180.210,3	5,97	342.824,7	9,69	90,2
Итого . . .	3.018.014,9	100,0	3.538.374,7	100,0	17,2

Удельный вес сельского хозяйства понизился с 94% до 90%, удельный вес неземледельческих заработков повысился с 6% до 9,7%. Прирост облагаемого дохода от сельского хозяйства составляет 12%, а от неземледельческих заработков—90%. Результаты как-будто удовлетворительные. Тем не

менее, удельный вес доходов от неземледельческих заработков в общей сумме облагаемого дохода крестьянства продолжает оставаться весьма низким, далеко не соответствующим действительному строению крестьянского дохода, далеко отстающим от действительного удельного веса доходов от этих источников в общем крестьянском доходе.

Но мы имеем диспропорцию, неравномерное распределение обложения не только между доходами от сельского хозяйства и неземледельческими заработками, но также между обложением зернового хозяйства и других отраслей сельского хозяйства.

Как мы уже выше сказали, общий размер недоучета доходности от сельского хозяйства составляет 34,8%. В то же время размер этого недоучета значительно колеблется между отдельными отраслями, при чем наиболее полно учтены, а следовательно, и обложены, доходы от полеводства, где расхождение между облагаемым и условно-чистым доходом дает наименьшую разницу. На втором месте по степени полноты учета облагаемого дохода стоит крупный скот и на последнем—специальные отрасли сельского хозяйства. Все это означает перенесение основной тяжести налога на полеводство при сравнительно льготном обложении скота, сенокосов и особенно специальных отраслей сельского хозяйства. Но так как мы не предлагаем на будущий год, в целях понижения обложения зернового хозяйства, повысить обложение остальных отраслей сельского хозяйства, мы на этих моментах не будем останавливаться. В данном случае для нас наиболее важным является то бесспорное положение, что наиболее тяжело обложенным является зерновое хозяйство и наиболее льготно—неземледельческие доходы крестьянства.

Сельхозналог 1928—29 г. в это соотношение внес лишь незначительные изменения, оставив по существу прежнюю структуру облагаемого дохода, резко отличающегося от условно-чистого и всякого иного дохода. Правда, по некоторым районам удельный вес полеводства в облагаемом доходе в 1928—29 году понизился против 1927 — 28 г., но настолько незначительно, что говорить о серьезном понижении тяжести обложения полеводства не приходится.

Зерновые районы обложены тяжелее других.

Такое неравномерное распределение тяжести налога по отраслям крестьянского дохода определяет собой и неравномерное распределение этой тяжести по районам. Наибольшая тяжесть обложения падает на районы с преобладанием в общем доходе крестьянского хозяйства продукции полеводства. В наибольшей степени это будет соответствовать районам с экстенсивными формами сельского хозяйства, районам с зерновым направлением сельскохозяйственного производства. В более льготном положении находятся районы, где на скотоводство падает преобладающая или значительная доля крестьянского дохода. И, наконец, самое выигрышное положение в смысле тяжести сельхозналога занимают районы с развитием неземледельческих заработков, а также отдельные районы с преимущественным развитием специальных отраслей сельского хозяйства.

Такую неравномерность в районном распределении тяжести сельхозналога можно иллюстрировать данными о соотношении облагаемого и условно-чистого дохода в порайонном разрезе. За отсутствием данных об условно-чистом доходе от неземледельческих заработков по отдельным районам Союза, мы в нижеприведенной табличке условно-чистый доход от неземледельческих заработков приравниваем к учтенному для обложения сельхозналогом

доходу от этих заработков в 1927—28 г. На это обстоятельство мы обращаем особое внимание, так как при несомненной преуменьшенности налоговых данных действительная разница между облагаемым и условно-чистым доходом для промысловых районов должна выразиться еще большей величиной, чем это дает нижеприводимая табличка.

Таблица № 10.

Районы	Разница между облагаемым доходом 1927—28 г. и усл.-чистым в %%
Ленинградская область	— 48,8
Центрально-Промышленный	— 53,3
Средне-Волжский	— 35,8
Сибирский Край	— 35,4
Р. С. Ф. С. Р.	— 43,4
У. С. С. Р.	— 36,1
З. С. Ф. С. Р.	— 45,7
Узб. С. С. Р.	— 42,2
Турк. С. С. Р.	— 43,1

Эта табличка показывает, что наибольшая разница между облагаемым и условно-чистым доходом, а, следовательно, и наиболее льготное обложение приходятся на районы промысловые, районы потребляющей полосы РСФСР. В противоположность этому, районы зернового хозяйства, как, например, Поволжье, Сибирь, дают наименьший недоучет облагаемого дохода от сельского хозяйства, т.-е. являются наиболее полно обложенными с.-х. налогом. Большая разница между облагаемым и условно-чистым доходом в ЗСФСР и Ср.-Азиатских республиках об'ясняется главным образом льготным обложением специальных отраслей и особенно хлопка, играющих в этих районах видную роль.

Очень важно отметить, что при сопоставлении промышленных и земледельческих районов получаются такие размеры дохода и налога на одно хозяйство:

Таблица № 11.

Районы	В среднем на одно хозяйство			
	Усл.-чист. доход	Облагаемый доход	Разница в %% к усл. чист. доход	Сельхозналог в 1927—28 г.
Центр.-Промышленный	509,0	237,8	— 53,3	10,7
Северо-Восточный	383,6	216,1	— 43,7	8,6
Северо-Кавказский	549,1	306,1	— 44,2	23,2
Сибирский Край	357,1	230,7	— 35,4	16,1
УССР	398,8	254,8	— 36,1	17,5

В то время как в Центрально-Промышленном районе на одно хозяйство приходится 509 рублей условно-чистого дохода, а на Сев. Кавказе примерно столько же—549,1 р.,—сумма налога на хозяйство получается совершенно различная: 10,7 руб. в Центр.-Промышл. р-не и 23,2 р.—на Сев. Кавказе.

Северно-Восточный район и Сибирский край имеют примерно одинаковый усл.-чистый доход на хозяйство, но налога на хозяйство приходится в первом районе 8,6 р., а в другом—16,1 р.

В общем мы имеем картину более тяжелого обложения земледельческих районов по сравнению с промысловыми.

Истекший год ничего не изменил.

Каких-нибудь серьезных изменений в распределении налога по районам в 1928—29 г. почти не произошло. При самом построении закона директиву о понижении тяжести обложения зернового хозяйства предполагалось разрешить путем некоторого понижения в зерновых районах норм доходности полеводства. Но, как мы уже сказали, это мероприятие результатов почти никаких не дало. Во-первых, потому, что размер этого понижения был совершенно недостаточен, и, во-вторых, практическое проведение сельхозналога неизбежно должно было и фактически смазало даже и это понижение норм доходности. В самом деле, нормы доходности десятины посева были понижены в следующих размерах и по следующим районам:

Таблица № 12.

Нормы доходности десятины посева в 1927—28 и 1928—29 гг. в основных районах зернового хозяйства в рублях.

Районы.	1927—28 г.	1928—29 г.	Разница в %
Башкирская АССР	36,9	36,0	— 2,4
Ср.-Волжский район	36,7	36,3	— 1,1
Н.-Волжский край	31,9	31,0	— 2,8
Крымская АССР	39,4	39,0	— 1,0
Северо-Кавказский край	39,5	39,0	— 1,3
Казакская АССР	37,4	36,0	— 3,7
Сибирский край	37,9	37,0	— 2,4
Украинская ССР	54,8	52,0	— 5,1

Как видим, понижение самое ничтожное, в большинстве случаев составляющее меньше одного рубля на десятину, подчеркиваем, дохода, а не налога. Такое понижение, естественно, не могло дать сколько-нибудь ощутимых результатов в смысле понижения тяжести налога на полеводство. Ведь понижение нормы доходности десятины посева на 1 р. могло понизить налог с этой десятины на 15, ну, самое большее на 30 копеек. Какое же это могло иметь практическое значение?

На ряду с этим как раз обратное действие имело для этих районов применение процентных надбавок к нормативному доходу в зависимости от общей доходности хозяйства (ст. 27 закона). Это обстоятельство вызвало наибольшее повышение тяжести налога именно в сельскохозяйственных районах. В итоге, несмотря на некоторое понижение норм доходности, налог 1928—29 г. в районах зернового хозяйства возрос по сравнению с 1927—28 г. в большей степени, чем по другим районам и по Союзу в целом. Соответственно с этим, как видно из табл. № 13, повысился и удельный вес в налоге этих районов, по сравнению с прошлым годом. Исключение составляет только Сибирь и Украина, при чем в последней налог был понижен вследствие значительных скидок в связи с гибелью части озимого клина.

Таблица № 13.

Сопоставление сельхозналога, поступившего в 1927—28 г. и ожидаемого к поступлению в 1928—29 г.

Районы	Увеличение налога 1928—29 г. в %% к 1927—28 г.	Сельхозналог в %% к общей сумме по Союзу	
		1927—28 г.	1928—29 г.
СССР	+ 25,9	100,0	100,0
В том числе:			
УССР	+ 9,1	27,7	24,0
РСФСР	+ 32,2	63,0	66,2
Башкирская АССР	+ 34,7	1,4	1,5
Средне-Волжский район	+ 36,7	4,5	4,9
Н.-Волжский край	+ 35,9	3,2	3,5
Крымская АССР	+ 33,9	0,8	0,9
Северо-Кавказский край	+ 33,8	9,8	10,5
Казакская АССР	+ 35,3	3,6	3,9
Сибирский край	+ 21,3	7,1	6,8
Северо-Восточный	+ 33,1	1,2	1,3
Центрально-Промышлен.	+ 30,1	10,4	10,7

При общем повышении налога по Союзу на 25,9%, если исключить Украину, где были предоставлены значительные льготы в связи со стихийными бедствиями, мы имеем повышение налога по РСФСР на 32,2%. При чем по Нижней Волге повышение составляет 36%, по Ср. Волге — почти 37%, по Сев. Кавказу—34%, по Казакстану—35%. На ряду с этим Северо-Восточный район дает 33,1%, а Центрально-Промышленный—30,1%. В результате повысился и удельный вес первых районов в налоге по Союзу.

Все это свидетельствует о том, что мы директиву о понижении обложения зернового хозяйства почти не выполнили, что зерновые районы обложены тяжелее, чем другие.

Что из всего этого вытекает? Главное и основное: если надо понизить тяжесть обложения зернового хозяйства, а в необходимости этого никакого сомнения нет, то это надо сделать не только за счет общего понижения налога по Союзу, но также и за счет наиболее полного УЧЕТА неземледельческих заработков.

В самом деле, каково положение с обложением неземледельческих заработков крестьянства? Выше мы уже приводили, что общая сумма неземледельческих доходов крестьянства составляла в 1927—28 году 5,3 млрд. руб. Налоговыми комиссиями было учтено из этой суммы только 1½ млрд. руб., а к обложению было привлечено около 300 млн. руб., т.-е. 5,6%.

Чем об'ясняется то, что неземледельческие доходы привлекаются к обложению в таком незначительном размере. Во-первых, значительным недоучетом их и, во-вторых, действующей системой налога, по которой к обложению привлекается только незначительная часть дохода, в зависимости от характера его. Например, в этих 5,3 млрд. рублей неземледельческих доходов крестьянства примерно половину составляет заработная плата и отхожие заработки по найму, которые по закону привлекаются к обложению в размере только 10—15%. Исходя из необходимости сугубо льготного обложения доходов крестьянства от работы по найму, мы не предлагаем процент этот повысить.

Что же касается кустарно-ремесленных промыслов, то там мы имеем такую картину: в 1927—28 году из 383 млн. рублей учтенного дохода от этих промыслов привлечено было к обложению 98 млн. руб. или 25,5%. По существующему закону места сами устанавливают, в каком проценте доход от данного промысла привлекается к обложению дохода. Для ясности мы должны оговориться, что речь идет не о валовом доходе от кустарно-ремесленных промыслов, а о доходе уже за вычетом основных производственных расходов по промыслу: на сырье, топливо, полуфабрикаты и оплату наемной рабочей силы. Процент привлечения устанавливался на местах для отдельных промыслов разный, в зависимости от оборудования, применения наемной рабочей силы, доходности того или иного вида промысла и от роли его в экономике данного района.

Для 1928—29 г. в основном остался тот же порядок, те же принципы, только с той разницей, что местам была дана директива несколько повысить процент привлечения к обложению учтенного дохода, при чем был установлен минимум в 35%. В результате, по РСФСР и БССР (по сравнимой части) от кустарно-ремесленных промыслов было учтено налоговыми комиссиями 131,6 млн. руб., а привлечено к обложению 59,1 млн. руб. или 44,9% (вместо 27,3% в предыдущем году по этой же территории). Если учесть, что минимум привлечения был установлен в 35%, то будет понятно, что, в сущности говоря, за редкими исключениями, везде привлекали к обложению, исходя из минимального процента. Все это говорит о том, что мы продолжаем иметь недообложение неземледельческих доходов крестьянства, во-первых, вследствие общего недоучета этих заработков и, во-вторых, незначительности процента, в котором доходы эти привлекаются к обложению.

Мы отлично учитываем необходимость наиболее осторожного обложения неземледельческих заработков, тем не менее, и учитывая безработицу в городе и деревне, и наличие нехватки ряда товаров, все же трудно доказать, почему неземледельческие доходы (вопрос об обложении заработной платы мы исключаем) надо облагать во много раз легче, чем производство хлеба, чем зерновое хозяйство. Ведь с хлебом у нас положение вовсе не лучше, чем с производством товаров кустарно-ремесленной промышленности.

Из всего сказанного, с нашей точки зрения, вытекает необходимость на будущий год внести в систему сельхозналога такого рода изменения, которые бы повысили в общей сумме облагаемого дохода удельный вес дохода от неземледельческих заработков. При этом мы предлагаем это сделать, сохраняя в основном нынешние проценты привлечения неземледельческих доходов, т.-е. не больше 10—15% от заработной платы, не меньше 35% от кустарных промыслов. Но мы настаиваем на необходимости значительно полнее учесть эти доходы.

Какие нужны поправки, чтобы стимулировать под'ем зернового хозяйства, расширение посевных площадей.

Это мероприятие, да плюс общее понижение налога по Союзу даст возможность внести в налоговый закон такие поправки, которые понизят тяжесть обложения полеводства, особенно в главнейших зерновых районах. Некоторые ориентировочные подсчеты показывают, что при этих условиях получим возможность значительного понижения обложения полеводства в этих районах.

Конкретно какого рода поправки нужно внести в закон, чтобы понизить тяжесть обложения зернового хозяйства и тем самым содействовать расширению посевной площади?

Намечаются всякого рода поправки. Среди них заслуживают особого внимания две: а) понижение норм доходности полеводства и б) освобождение от обложения прироста посевных площадей.

Какой поправке отдать предпочтение? Это вопрос не принципиальный: надо проверить, какая из них даст больший эффект в смысле стимулирования под'ема зернового хозяйства.

Наиболее распространенным является предложение полного освобождения от налога прироста посевных площадей в коллективных и индивидуальных бедняцких и середняцких хозяйствах, при чем не ограничиваясь только зерновыми районами [1]).

Наиболее важным с нашей точки зрения является такое мероприятие, как устойчивость в законодательстве и во всех элементах, определяющих сумму налога с отдельного крестьянского двора. Поэтому следует в законе сказать, что в течение двух-трех лет ни нормы доходности, ни ставки налога не подлежат изменению. Это внесет твердость в хозяйственные расчеты крестьянского двора и будет стимулировать расширение посевной площади.

Вот тот путь, по которому мы должны пойти, если желаем действительно добросовестно, без всяких бюрократических выкрутас помочь разрешению проблемы зернового хозяйства, выполнению директивы ноябрьского пленума ЦК.

---

[1]) Номер уже был сверстан, когда в печати появилось постановление ЦИК и СНК от 8 февраля об изменениях, которые необходимо внести в систему сельхозналога и в частности о льготах, расширяющих посевные площади и повышающих урожайность.

Перечисленные в постановлении мероприятия явились в результате тщательного изучения вопроса о том, какие именно налоговые льготы будут стимулировать под'ем зернового хозяйства. В частности, это постановление считает, что наиболее эффективным с этой точки зрения явится освобождение вовсе от налога в течение 2 лет прироста посевных площадей. Что же касается понижения норм доходности, то эта мера может дать положительные результаты, а потому и будет проводиться только в тех районах, где освобождение от обложения прироста посевных площадей никакого значения не имеет—это районы, где доходность полеводства исчисляется по пашне. В частности, из зерновых районов это относится к степной части Украины и некоторым округам ЦЧО.

Интересующихся вопросом товарищей отсылаем к самому постановлению и обращаем внимание на то, что это постановление не только не опровергает, а, наоборот, подтверждает основную мысль автора о важности зерновой проблемы и о необходимости широкого использования системы сельхозналога для разрешения этой проблемы и в части понижения тяжести обложения зернового хозяйства и стимулирования под'ема его в первую очередь путем расширения посевных площадей.

В. Ульбрихт.

Оппортунистическая опасность в КПГ.

В политических тезисах VI Всемирного Конгресса подчеркивается, что в 3-й период, период обострения капиталистических противоречий и классовой борьбы на фоне относительной стабилизации, правая опасность есть главная опасность в секциях Коммунистического Интернационала. Эта правая опасность до сих пор ярче всего сказалась в КПГ. Это обусловлено специфической обстановкой германского капитализма и сдвигами в германском рабочем движении. Противоречия капитализма в мировом масштабе в настоящее время резче сказываются в Германии благодаря крупным репарационным обязательствам и в связи с борьбой германского финансового капитала за большую империалистическую самостоятельность. Капиталистическая рационализация в Германии уже широко проведена, разочарование рабочих результатами рационализации стимулирует полевение рабочего класса, перманентная армия безработных все растет и растет.

Это развитие сказалось в наступательном локауте предпринимателей в Рурской области параллельно с оформлением организованного пролетарского классового фронта под руководством КПГ и комитетов борьбы. Класс против класса. На одной стороне трестовский капитал, государственная власть и реформистская бюрократия, на другой стороне—рабочие массы под руководством комитетов борьбы. В огне грандиозного сражения ярко выявились оппортунистические взгляды, наличные в нашей партии. В период падающей кривой революционного движения оппортунизм драпировался в тогу пассивности, теперь же оппортунистические взгляды выявились во всей их последовательности. В этой борьбе правые открыто выступали против тактики и лозунгов партии и поддерживали политику реформистской бюрократии.

Правая опасность нарастала постепенно в связи с относительной стабилизацией германского капитализма. Проведение капиталистической рационализации дало возможность германскому монополистическому капиталу использовать в более крупном масштабе сверхприбыли для взращивания и поддержания тонкой верхушечной прослойки рабочей аристократии и большего диференцирования рабочих (увеличение разницы между зарплатой и рабочим временем разных категорий пролетариата). Эта политика буржуазии нашла свое отображение в «теориях» профсоюзной бюрократии. Исходя из факта растущего накопления капитала и подкупа тонкого верхушечного слоя рабочих, они пришли к выводу, что чем лучше живется капитализму, тем лучше живется рабочим, и сообразно этому использовали профсоюзный аппарат для закрепления кон'юнктуры, для ограждения капитализма от всяких потрясений. Параллельно относительной стабилизации капитализма и сращиванию профсоюзного аппарата с государственным происходит консолидация профсоюзного

аппарата сверху донизу. Практически это сказывается в отмене профсоюзной демократии и в изолировании профсоюзов от массы низко оплачиваемых рабочих. В теории это выражается в пропаганде хозяйственной демократии и в коалиционной политике.

Не случайно в связи с благоприятной экономической кон'юнктурой в Германии в 1927 г. (на основе усиленной эксплоатации пролетариата благодаря рационализации) систематически усиливались нападки правых на линию партии. В период высокой кон'юнктуры в 1927 г., когда монополистический капитал шел на мнимые уступки рабочим, соглашаясь повышать на несколько пфеннигов зарплату, правые требовали пересмотра решений эссенского с'езда КПГ касательно политики по отношению к с.-демократии; они требовали выставления лозунга «производственный контроль» в качестве актуального лозунга и усиленно пропагандировали программу действия, составленную Брандлером и представляющую собой попытку оппортунистического искажения революционных переходных лозунгов и фактической ликвидации борьбы за диктатуру пролетариата. Правые переоценивали моменты капиталистической стабилизации; они не видели, что именно на основе капиталистической стабилизации постепенно обостряются противоречия и происходит полевение рабочего класса. В результате этой ошибочной оценки положения они недооценивали волю пролетариата к борьбе и старались подменить конкретную организацию борьбы мнимо-радикальной агитацией (во время борьбы металлистов в 1927 г. правые проповедывали борьбу за «экспроприацию» вместо стачек с требованием 8-часового рабочего дня). Согласие предпринимателей на незначительное повышение зарплаты временно давало реформистам возможность маневрировать, а правые на этом основании заключали, что реформисты весьма способны к борьбе. Сообразно этому они характеризовали политику реформистов только как «недостаточную». Они воображали, что путем соответствующего давления со стороны масс можно втянуть реформистских вождей в классовую борьбу за интересы пролетариата: ведь поскольку их политика лишь «недостаточна», значит она по существу правильна и требует только некоторого «улучшения».

В процессе дальнейшего обострения классовой борьбы в 1928 г. противоречие между политикой правых и политикой партии неуклонно обострялось. По мере того, как партия, в связи с изменением положения и сдвигами в профдвижении, вынуждена была несколько видоизменить свою тактику и энергично развертывала борьбу за проведение стачек, усилилась и фракционная борьба правых. Правые застряли на предыдущей ступени развития партии. Они не стряхнули с себя того оппортунистического мусора, от которого партия в целом освободилась, а частично даже регрессировали, сближаясь со взглядами с.-демократии.

В международных вопросах правые впервые выступили открыто против решений конгресса Красного Профинтерна в связи с отчетной кампанией. Они оспаривали наличие изменений в реформизме, они требовали, чтоб революционная профсоюзная оппозиция работала в рамках решений и устава профсоюзов и восставали против самостоятельного проведения борьбы партией и профсоюзной оппозицией. Они считали тактику единого фронта средством переубедить реформистских вождей.

Оспаривая наличие изменений в реформизме, правые оспаривали и необходимость изменения нашей тактики в отношении реформистов. Они не усматривали никакой разницы между реформистским предательством в 1918 г. и теперь. В 1918 г. политика делового сотрудничества между реформистскими профсоюзными вождями и представителями предпринимательских организаций нашла свое выражение в ряде верхушечных соглашений. Это не было

непосредственной отменой самостоятельности профсоюзных организаций. По мере того, как буржуазии удавалось, орудуя «демократией», изменять в свою пользу соотношение классовых сил, она предъявляла все большие и большие требования к реформистской бюрократии. Но такие крупные требования, как отмена 8-часового рабочего дня и пр., еще нельзя было проводить с помощью профсоюзного аппарата в целом, так как в низовых профсоюзных организациях еще не были созданы предпосылки для этой политики мира в промышленности. Поэтому представители предпринимателей отказались от делового сотрудничества сообразно изменению в соотношении сил. Они постарались связать реформистские профсоюзы путем привлечения их к «сотрудничеству» в капиталистическом предпринимательском и государственном аппарате и превратить их в органы капиталистической экономической политики. Благодаря сотрудничеству в арбитражных органах, в имперском экономическом совете, в имперском угольном совете, в совете калиевой промышленности, в органе страхования безработных, в суде по трудовым делам, в комиссиях по рационализации и пр. профсоюзы постепенно превращались в органы капиталистического законодательства, в неотʼемлемую составную часть капиталистического государства. Этому сращиванию реформистского профсоюзного аппарата с государственным аппаратом сопутствовала отмена профсоюзной демократии и политика исключений и расколов в отношении революционной оппозиции. Таким образом, профсоюзы постепенно превращались в соц.-демократические организации, в существенный оплот соц.-демократической коалиционной политики. Хотя пораженческая стратегия реформистских вождей по существу теперь та же, что и в 1918 г., однако, за это время профсоюзный аппарат настолько сросся с капиталистическим аппаратом, что для коммунистической партии было бы роковой ошибкой довольствоваться работой в профсоюзах. Теперь более, чем когда-либо, необходимо, чтобы партия и революционная профсоюзная оппозиция мобилизовывали профсоюзную массу и массы неорганизованных, вопреки противодействию реформистских профсоюзов вели борьбу за злободневные интересы рабочих и создавали организационные формы самостоятельного революционного руководства массами (комитеты борьбы, стачечные комитеты, органы борьбы с локаутом, комитеты действия и т. п.).

Вместо такого самостоятельного развертывания активности рабочими массами под руководством компартии правые требуют, чтобы коммунисты вели работу в рамках устава и решений профсоюзов. Это равносильно полнейшей капитуляции перед реформистской профбюрократией и отказу от руководящей роли коммунистической партии. Если КПГ не будет выполнять своего революционного долга в качестве активного, ясно сознающего свои наличные цели вождя в борьбе за злободневные интересы пролетариата, она не сумеет вовлечь рабочие массы в борьбу за политическую власть под руководством коммунистической партии.

Эти ошибочные взгляды оппортунистов ярче всего сказались в их установке в вопросе о тактике единого фронта. Правые и примиренцы восстали против осуждения конгрессом Красного Профинтерна и VI Всемирным Конгрессом лозунга «принудите бонз». Правые требовали, чтобы революционная профсоюзная оппозиция во что бы то ни стало апеллировала к профсоюзным вождям и требовала от них солидаризации с нашими лозунгами и с нашей тактикой. Это якобы способствует разоблачению реформистских вождей. В действительности этим самым оппозиция ставила свою тактику в зависимость от маневров реформистов и сеяла в рабочих массах иллюзию, будто реформистские вожди способны победоносно вести борьбу. Такого рода тактика равносильна апеллированию к реформистским вождям, пока они не совершат предательства, и констатированию этого предательства задним числом. Рабочие во многих случаях, когда применялась эта тактика, вполне справедливо заявляли: «Вы, коммунисты, совершенно правы, характеризуя это как предательство, но фактически и вы ничего другого не делаете». В противовес этой оппортунистической тактике партия в последних крупных сражениях рабочих с предпринимателями применяла тактику единого фронта, как средство массовой агитации и организации, усвоения наших лозунгов рабочими массами, и вынуждала профсоюзных вождей открыто высказываться за или против решений пролетариата. Самостоятельно развертывая свою стратегию и тактику в экономических сражениях, действительно разоблачая пред рабочими на их опыте сущность реформистской пораженческой стратегии, революционная профсоюзная оппозиция, таким образом, получала возможность расстроить реформистскую политику, создать руководящие органы массовой борьбы (комитеты борьбы и пр.) и частично пробить брешь в верности тарифам и в арбитражной системе.

Правильность большевистской массовой политики партии и оппортунистический характер политики правой фракции особенно ярко сказались в рурской борьбе. Партия исходила из злободневных интересов пролетариата и вела борьбу под лозунгами: повышение зарплаты на 12 пфен., 8-часовой рабочий день, долой голодный арбитражный приговор, долой систему арбитража. Характерно, что правые восставали против этих лозунгов. Вначале было совершенно неясно, почему они восстают против лозунгов «борьба против голодного арбитражного приговора и системы арбитража», но в процессе движения правые заявили, что рабочие должны бороться за арбитражное решение соц.-демократического министра труда, так как предприниматели намерены ухудшить даже это голодное арбитражное решение. То же самое заявляла и реформистская бюрократия. Разумеется, отказываясь от требований рабочих и отстаивая голодное арбитражное решение соц.-демократического министра труда, нельзя бороться с системой арбитража и коалиционной политикой. Вместо того, чтобы исходить из злободневных интересов пролетариата, который, не желая сносить чудовищной эксплоатации, в виду увеличения производительности труда и снижения реальной зарплаты, требовал повышения зарплаты на 15 пфен., правые намерены были исходить из «голодного» арбитражного решения соц.-демократического министра труда и становились таким образом защитниками соц.-демократической коалиционной политики.

Вполне понятно, что те, кто восстает против лозунгов рабочих, будут осуждать и образование комитетов борьбы. В то время как партия мобилизовывала массы организованных и неорганизованных рабочих, чтобы противопоставить фронту трестовского капитала, государственной власти и реформистской бюрократии единый рабочий фронт, правые дискредитировали выборные комитеты борьбы точно так же, как и соц.-демократическая печать. Они требовали, чтобы профсоюзная оппозиция вела свою работу в рамках профсоюзного устава и решений, т.-е. требовали от нее отказа от мобилизации неорганизованных масс, пока ею не будут завоеваны на свою сторону члены профсоюзов. И этого требовали правые в ту пору, когда реформисты ликвидировали профсоюзную демократию, отказывались созывать профсоюзные и рабочие собрания и вынуждали рабочих действовать по указке проф-

союзной бюрократии. Таким образом, по мнению правых, партия должна была довольствоваться агитацией общего характера, отказаться от организации масс вокруг комитетов борьбы. Это было бы равносильно подчинению партии и революционной профсоюзной оппозиции диктатуре реформистской бюрократии и, несомненно, привело бы к развалу и к ликвидации коммунистических парторганизаций.

Примиренцы в этом вопросе, как и во всех остальных, противопоставляли политике партии линию, клонящуюся к установке правых. Ориентировка примиренцев на рабочую аристократию, сказавшаяся на VI Всемирном Конгрессе, выявилась и в данном случае. В своей платформе примиренцы заявляли:

«В процессе стачки постепенно начинает проводиться тактика, игнорирующая то обстоятельство, что массы неорганизованных можно вовлекать в фронт борьбы лишь после того, как удастся пустить корни в рядах организованных».

Таким образом, и здесь завоевание на свою сторону организованных мыслится как обязательная предпосылка для вовлечения во фронт борьбы неорганизованных. Если бы партия следовала такой тактике, то комитеты борьбы были бы организованы лишь в немногих случаях. Давление профсоюзного аппарата на большинство организованных рабочих было столь сильно, что они, несмотря на оппозицию голодному арбитражному решению и тактике реформистской бюрократии, еще не были готовы самостоятельно вести борьбу наперекор профсоюзам. Что касается массы неорганизованных рабочих, то она меньше подвержена легалистскому профсоюзному влиянию, не связана профсоюзной дисциплиной, она развертывала больше активности, а потому партия поступала правильно, развязывая боевую силу неорганизованных масс и этим самым создавая во многих случаях предпосылки для завоевания и организованных рабочих, для образования единых комитетов борьбы по предприятиям. Тактика примиренцев фактически, при данной конкретной ситуации, была равносильна отказу от образования комитетов обрьбы, так а, по их мнению, надлежало предварительно создать для этого предпосылки среди профессионально организованных рабочих (надо отметить, что 75% рабочих суть неорганизованные), т.-е. равносильна отказу от действительной борьбы, диктуемой в своих формах и методах, единственно возможной в данной ситуации капитализма и рабочего движения.

Присмотримся ближе к позитивным предложениям правых и примиренцев. Представитель правой фракции в своем заявлении на заседании ЦК от 2/XI—28 г. говорит:

«В качестве первого шага надо потребовать от правительства дальнейшей выплаты зарплаты локаутируемым за счет предпринимателей. Если удастся мобилизовать вокруг этого требования массы, то это будет наилучшей подготовкой к расширению боевого фронта и к вовлечению в него столь существенных категорий пролетариата, как железнодорожники и горнорабочие. Этим самым будут созданы предпосылки для превращения экономической борьбы в политическую борьбу за власть».

В то время, как партия продолжала борьбу за первоначальные требования рабочих (повышение зарплаты, 8-часовой рабочий день, отмена системы арбитража), правые проповедывали лозунг «дальнейшая выплата зарплаты» для расширения рамок и политического заострения борьбы. Таким образом, правые спекулировали на пассивных настроениях рабочих. Они думали побудить горнорабочих, железнодорожников и других к стачке обещанием дальнейшей выплаты зарплаты, т.-е. обещанием устранить жертвы в борьбе. Эти предложения совпадают с тактикой реформистов, которые тоже пытались приковать центральное внимание к вопросу о поддержке, потому что таким образом легче всего надуть рабочих при помощи мелких маневров. Реформисты ловко пытались отвлечь внимание от голодного арбитражного решения коалиционного правительства указанием на материальную поддержку локаутируемых правительством. Лозунг «дальнейшей выплаты зарплаты» правые предлагали осуществить путем «конфискации банковских вкладов»; но поборники этого взгляда ни единым словом не упоминали о том, как осуществить конфискацию—то ли при посредстве коалиционного правительства, то ли с помощью профсоюзов, или иным путем. Сбивая с толку рабочих и затушевывая тот факт, что осуществить такой лозунг может лишь вооруженный пролетариат и политические советы рабочих депутатов, правые таким образом думали перехитрить рабочих и вовлечь их в борьбу с трестовским капиталом.

Примиренцы, не выдвигавшие никаких положительных предложений в период борьбы, по окончании ее дали себя переубедить правым и признали правильным лозунг «дальнейшей выплаты зарплаты». Разумеется, мы не против оплаты предпринимателями стачечных дней, но при данной конкретной ситуации отсутствовали предпосылки для выдвигания такого особого требования. Главное же это то, что примиренцы ни единым словом не возражали и против мотивировки правыми лозунга «выплаты зарплаты».

Патентованные лозунги правых должны были проложить путь к борьбе за власть. В номере 5-м фракционного органа правых «Против течения» говорится следующее:

«Если бы партия вела борьбу правильно, если бы она своевременно подхватила выдвинутый представителем внутрипартийной оппозиции Бассюмером на заседании ЦК лозунг «дальнейшая выплата в полном размере зарплаты всем локаутируемым со стороны государства за счет предпринимателей путем конфискации текущих вкладов предпринимателей в банках», в таком случае, несомненно, удалось бы настолько мобилизовать массы и усилить борьбу, что вместо переговоров в присутствии Зеверинга—главного арбитра—можно было бы выдвинуть лозунг: «Открытие и пуск в ход предприятий за счет предпринимателей под контролем рабочих и служащих».

При ситуации, когда надо вовлечь в стачку рабочие массы в других отраслях промышленности и победоносно осуществить таким путем требования пролетариата, правые вместо этого заботятся о том, чтобы добиться «открытия предприятий» и заглянуть в кассовые книги предпринимателей. Они требовали затем «проверки мифических данных, представленных магнатами стального треста в доказательство мнимого отсутствия конкурентной способности у сталелитейной промышленности». «Конфискация всех кассовых книг и отмена коммерческой тайны». Ревизионисты нигде ни единым словом не обмолвились о вооружении пролетариата и о создании политических советов рабочих депутатов. Таким образом, они воображают, что их лозунги можно широко осуществить иным путем, т.-е. в рамках буржуазной демократии. Это есть не что иное, как политика, приведшая германский пролетариат к поражению в 1923 г. В ту пору тоже поборники этих взглядов старались возложить на фабзавкомы функции политических советов рабочих депутатов и толковать лозунг революционного рабоче-крестьянского правительства, как синоним коалиционного правительства в составе соц.-демократов и коммунистов. Подобно тому, как поборники политики Брандлера в 1923 г., последовательно проводя эту линию, в решающий момент капитулировали перед соц.-демократией, так собирались поступить правые в рурской борьбе. Требования и тактика правых в рурской борьбе ничем не отличались от политики реформист-

ских вождей. Ведь и реформисты подобно правым «коммунистам» требовали контроля над производством, отмены коммерческой тайны, раскрытия балансов и пр. Вся разница лишь в том, что реформисты делают из своей политики последовательные выводы и открыто заявляют, что контроль над производством в плане хозяйственной демократии можно осуществить лишь с помощью коалиционной политики. Сторонники правой фракции к этим выводам еще не пришли. Они хотят низвести революционную классовую борьбу на степень борьбы чисто экономической, выдвигая в качестве центрального боевого лозунга лозунг «контроля над производством» без увязки его с лозунгом диктатуры пролетариата. По мнению правых, борьбы за контроль над производством есть преддверие к борьбе за политическую власть. Они воображают, что в период дальнейшего расшатывания относительной стабилизации классовая борьба есть борьба экономическая, и таким образом фактически отказываются от борьбы за революционную конечную цель—против капиталистической государственной власти и против соц.-демократической государственной политики,—своеобразное применение лозунга Бернштейна: «Движение есть все, конечная цель—ничто».

Противопоставляя линии Коммунистического Интернационала и КПГ принципиально другую линию, правые на ряду с этим создают внутри коммунистической партии враждебную организацию с центральным руководящим органом, с двумя еженедельными газетами и с собственным организационным аппаратом, разветвленным по всей Германии. В самый разгар рурской борьбы они занимали позицию, враждебную политике партии, подобно реформистам старались дискредитировать комитеты борьбы и боевые лозунги пролетариата и разложить боевой фронт. Они открыто выступали против решающих частей программы Коммунистического Интернационала и против решений IV конгресса Красного Профинтерна. Подобно всем меньшевистским группам в прошлом они добивались ослабления дисциплины в Коммунистическом Интернационале, предоставления «самостоятельности» и «автономии» секциям Коммунистического Интернационала и заявляли, что опыт русской революции в переживаемый период неприменим. В частности, они указывали на то, что русские товарищи не обладают достаточным профсоюзным опытом со времен, предшествовавших ноябрьской революции, и, следовательно, не в состоянии преподать правильные директивы касательно текущих задач коммунистов в капиталистических странах.

На эссенском с'езде КПГ дискутировала с правыми брандлеровскую программу действия, лозунг контроля над производством, тактику в отношении соц.-демократии и профсоюзную тактику, и ей удалось оторвать рабочих от правой группы. После того, как правая фракция в отчетную кампанию о VI Всемирном конгрессе и о рурской борьбе открыто боролась против принципов и политики Коммунистического Интернационала и образовала внутри партии враждебную организацию, необходимо было удалить из партии эти неисправимо оппортунистические элементы, чтобы партия могла решительно выполнять свои революционные задачи, чтобы партия не превратилась в блок фракций, а была единой монолитной партией революционного авангарда пролетариата.

В. Примаков.

Гражданская война в Афганистане.

Афганистан, расположенный на великих исторических путях в Индию, обычно входил в состав мощных государственных образований, которые возникали и развивались в Индии, Персии или Средней Азии.

Афганистан, по самому своему географическому положению и геологическому строению страны, которая заполнена дикими горными массивами, изолирующими различные области страны друг от друга, не имел условий, которые способствовали бы развитию сильного государственного организма. История Афганистана в древности —это история большой дороги, по которой катились людские потоки великих переселений народов, на которой остались многообразные наслоения древних, последовательно исчезнувших культур, выросших и развившихся на путях от Индии к Черному и Средиземному морям.

Выступление афганцев на арену истории в качестве самостоятельной силы относится к середине XVIII века, когда Индийская Империя Великих Моголов пала под ударами индийских восстаний и персидского нашествия. В то время как воины Надир Шаха вторглись в Индию по южным путям Афганистана, народы Кабульской долины и Газнийского плато были об'единены Ахмед Шахом из коренного афганского племени Дурани, который после войн и междоусобиц образовал первое Афганское государство от персидского Хорасана до Инда.

Последующая история Афганистана наполнена войнами и вторжениями, борьбой с персами на западе, сикхами на востоке, и в этом длительном процессе борьбы Афганистан то дробится на отдельные, воюющие меж собой эмираты, то попадает под власть соседей, то снова об'единяется.

Этот длительный процесс осложнчется выдвижением Англии к верховьям Инда и царской России к Хивинскому оазису и Бухарскому эмирату. Обе страны, соперничающие на востоке, шлют послов и тайных агентов в Афганистан. Россия, стремившаяся утвердиться в Средней Азии, и Англия, озабоченная укреплением своей власти в Индии, обе тянутся к Афганистану, лежащему на единственном узле сухопутных дорог в Индию. В результате этого соперничества Англия, которой Афганистан нужен как щит для военной обороны Индии, в 1839 году предпринимает первую англо-афганскую войну и в течение второй половины XIX века ведет еще три войны в Афганистане. Полувековая борьба, развертывавшаяся в дикой горной стране, населенной воинственными, хорошо вооруженными племенами, закончилась об'единением Афганистана в руках эмира Абдур-Рахман хана из племени Барак Заи, который в 1880 году вступил на трон.

Эмир Абдур-Рахман хан, дед Амануллы хана, правил страной с 1880 по 1901 год. Энергичный, весьма способный, дальновидный человек, он путем междоусобных войн и выгодных договоров сумел об'единить страну и централизовать государственное управление.

Этой работе по собиранию страны большую помощь оказала политика Англии, которая, с одной стороны, стремилась создать из Афганистана щит против русского нашествия в Индию, а с другой стороны, старательно изолировала Афганистан от всякого постороннего влияния. Эмир Абдур-Рахман хан, получавший от Англии денежную субсидию и оружие для своей армии, получил полную возможность всю энергию своего правительства обратить на устройство внутренних дел страны. Оставаясь для всех фактически запретной страной, Афганистан пришел к внутреннему об'единению через 15-летнюю полосу междоусобиц, восстаний и гражданских войн.

В первые годы своего правления Абдур-Рахман хан, по существу дела, был сильнейшим феодалом в своей стране, и упорная борьба за об'единение государства шла с переменным успехом. Несколько раз Абдур-Рахман хан был накануне падения, и вся трудность его положения станет нам понятна, если мы вспомним, что Афганистан не только диференцирован горными массивами, заполняющими страну, но и населен народами трех разных рас. Самую многочисленную расовую группу образуют афганцы, являющиеся правящей национальностью. В самом Афганистане их более трех миллионов, и более двух миллионов афганцев живет в северо-западных провинциях Индии.

Основная масса афганцев живет в долине реки Кабул, на Газнийском плато (Дурани, Гильзаи) и в Кандагарском районе (Барак-Заи, Попул-Заи); кроме того, значительные группы патанов (афганцев) кочуют в Регистане, возле Фарраха и Герата. Племена Логарской и Кабульской долин заняты земледелием, племена Газнийского плато заняты частично скотоводством, частично земледелием, племена Кандагарского района заняты земледелием и садоводством. Афганцы-кочевники кочуют не только по Афганистану, но и в Индии, соединяясь для кочевья в долину Инда в большие караваны бродячих скотоводов-торговцев «повинда».

К западу от Кабула, в Малистане и в горах Гиндукуша на их южных склонах, живут хезарейцы, монгольский народ общей численностью около миллиона. Это самый нищий народ Афганистана, частично кочевники, частично земледельцы, поставляющие главную часть рабочей силы центрального нагорья. Об их нищете, вынуждающей их к дешевому труду, афганцы говорят: «если бы не было хезаре—ишак стоил бы тысячу рупий».

Северные склоны Гиндукуша, район Катаган-Бадахшана, населен таджиками, числом более полутора миллионов человек. Их основное занятие земледелие, отчасти скотоводство. Лежащий к западу от них район Мазар-и-Шерифа населен узбеками и туркменами (первые—земледельцы, а вторые—кочевники) тюркской расы, а район Герата—разными племенами: джемшиди, туркмены, арабы и частично афганцы. В центре Гиндукуша, в Кафиристане, живет народ нури, численность которого и происхождение не исследованы.

Все эти расовые и племенные группы отделены друг от друга дикими горными системами с ограниченным числом вьючных дорог. Их упорное сопротивление собиравшему страну в крепкие руки правительству Абдур-Рахман хана было сломлено после 15 лет войн и походов созданной Эмиром 80-тысячной армии. Военные успехи были закреплены глубокой и энергичной политикой. Феодалы, ханы и малики были лишены права чеканить монету, иметь войско и творить суд; непокорные были казнены—до сих пор кугистанцы говорят: «Абдур-Рахман срубил столько голов в Кугистане, что из них можно выстроить минарет»; в покоренные области были назначены чиновники из людей, лично известных эмиру; многочисленная и хорошо вооруженная полиция свела на-нет широко процветавшую работорговлю и бандитизм; духовенство, поддерживавшее феодалов, лишено вакуфных земель и взято на государственное жалованье, начата работа по проведению колесных дорог в стране, и уменьшено количество внутренних таможен, разорявших купцов.

Во внешней политике Абдур-Рахман был в полной зависимости от Англии, но всякая попытка англичан вмешаться во внутренние дела страны встречала энергичный отпор. Кроме того, Абдур-Рахман сумел отвести из-под английского контроля свои сношения с афганцами, жившими в Индии, и широко помогал племенам свободного Сархата—момандам, афридиям, оракзаи, вазирам и максудам — в их борьбе за независимость. Восстания племен, происшедшие в 1895 и 1900 гг., были тайно поддержаны Абдур-Рахманом, и в результате этих восстаний англичане перестали вмешиваться во внутренние дела живущих в Индии независимых афганских племен.

После смерти Абдур-Рахман хана в 1901 году на престол вступил его сын Хабибулла-хан. В первые годы своего правления он продолжал политику Абдур-Рахман хана, но в последнее десятилетие заметно отошел от твердого руководства государством, подпал под влияние министров и советников и целиком ушел в частную жизнь своего огромного гарема. Группа националистов-сардаров, окружавших трон Абдур-Рахмана, постепенно была оттеснена от решения государственных вопросов, и главную роль в стране стали играть английские наемники-министры.

Мировая война 1914—18 гг. всколыхнула застойную жизнь Афганистана. Германо-турецкое командование, стремившееся ворваться в Индию и поразить Англию в ее ахиллесову пяту, установило связи с националистами в Афганистане. Германская военная миссия прорвалась в Кабул—но грозное соседство России и Англии заставило Хабибуллу хана отказаться от германских предложений и сохранить строжайший нейтралитет.

К концу царствования Хабибуллы, экономическое положение Афганистана значительно эволюционировало от полукочевого натурального хозяйства страны конца XIX века. Часть кочевников осела на землю и к 1919 году земледелием занималось более 70% населения, составившего основную крестьянскую массу страны. Фонд посевных земель Афганистана весьма ограничен: не больше 2% всей огромной территории страны годны для земледелия, и весь земельно-посевной фонд Афганистана едва достигает полутора миллионов гектаров. Большинство земель—до 80%—сосредоточено в руках мелких собственников, которые владеют участками от 5 до 15 джерибов земли (джериб равен $\frac{1}{6}$ гектара). Над этой основной массой мелких хозяйств существует небольшой слой помещиков, которые вместе с государством владеют 15—20% годной к обработке земельной площади. Помещичьи владения в центральном и южном Афганистане не велики. Большинство помещиков сдает землю в аренду на очень тяжелых для арендаторов условиях (арендатор получает от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{6}$ урожая). Но в западных провинциях (район Герата) и провинциях афганского Туркестана существует крупное помещичье землевладение, образовавшееся в конце XIX века во время войн Абдур-Рахмана с восставшими таджиками, узбеками и туркменами. Крупное землевладение возникло в результате подарков, сделанных Абдур-Рахманом отличившимся офицерам армии, и за счет военно-грабительского захвата земель таджикских и узбекских ханов. В Афганском Туркестане и Гератской провинции, благодаря наличию крупного землевладения, формы аренды развиты шире и условия арендования земли близки к крепостным формам отношений. Основная масса крестьянства Афганистана живет в крайней нищете, так как фонд поливных земель ограничен и для его расширения нужны большие, государственного масштаба, работы. В то же время крестьянство является не только основным налогоплательщиком, но на нем лежит бремя содержания деревенского духовенства, обязательная повинность по бесплатной постройке дорог, и над ним тяготеет произвол и поборы администрации. Духовенство Афганистана, лишенное вакуфных земель еще при Абдур-Рах-

мане, небогато и потому в городах мало влиятельно. Однако, в полудиких горных крестьянских районах влияние мулл весьма значительно, так как там мулла является и учителем, и судьей, и слугой Аллаха.

Второй по значению слой населения—кочевники и полукочевники (т.-е. племена, которые, кроме скотоводства, ведут запашку неполивных земель—«ляльми»). Если крестьяне составляют более пяти миллионов населения, то кочевники и полукочевые племена насчитывают около полутора миллионов—при чем в то время, как крестьянское хозяйство дает очень небольшие товарные излишки и Афганистан вывозит только хлопок и сушеные фрукты (пшеницы и риса едва хватает для потребления страны)—хозяйство кочевников дает основные статьи экспорта (каракуль, шерсть, кожи), и в настоящее время одних каракулевых шкур Афганистан вывозит более миллиона штук.

Промышленность в Афганистане была совсем не развита, и в 1919 году Афганистан имел только один крупный универсальный завод—«машин-хане», (дом машины)—в Кабуле, производивший холодное оружие, однозарядные винтовки, сукно, хлопчатобумажные ткани и проч. Этот завод развился из артиллерийского завода, построенного Абдур-Рахманом и оборудованного паровыми машинами типа 70 гг. XIX века. Кроме этого завода, индустриальных предприятий в стране не было, и внутренний рынок обслуживался средневековой цеховой организацией кустарей. Кустари ведут производство медной утвари, земледельческих орудий (соха и мотыка), холодного оружия, ковров, паласов и пр., обрабатывают кожу и ткут примитивные хлопчатобумажные и шерстяные ткани. Они составляют основную массу населения городов (в Афганистане два города—Кабул и Кандагар—имеют около 100 тыс. жителей и два города—Герат и Мазар-и-Шериф—около 50 тыс. жит.) и поставляют на рынок главную массу товаров. Кустари-ремесленники сплочены в цеховые организации, старейшины которых регулируют внутреннюю жизнь цеха и его отношения с администрацией.

Колесные дороги, проложенные Абдур-Рахман ханом, оживили торговлю страны, и к 1919 году Афганистан имел уже сильную и численную торговую буржуазию. В торговые предприятия, более доходные чем земледелие, были вложены и капиталы афганской знати, занявшей еще при Абдур-Рахмане руководящие посты в государстве и с тех пор прочно окопавшейся у государственного пирога. Но выросшая торговая буржуазия не имела влияние на ход государственных дел, движение которых зависело от оплаченных английской субсидией министров; националистические стремления сардарства и развившееся на всем Востоке панисламистское движение не находили отклика при дворе Хабибуллы; экономический прогресс страны тормозился политикой изоляции Афганистана, которую осуществляла Англия. Все это вместе создало движение за независимость страны и породило тайный заговор, в результате которого Хабибулла хан в 1919 году был убит на охоте в Джелал-Абаде, а на Афганский трон, минуя старших братьев, взошел третий сын Хабибуллы—Аманулла хан.

Придя к власти, Аманулла хан торжественно провозгласил независимость страны и бросил вызов Англии, обменявшись посольствами с правительством СССР. Положение было весьма благоприятно для борьбы. Охваченная революцией Россия стала другом Афганистана; революционное движение в Индии сковало англичан.

Начиная с ранней весны (март 1919 года) в Индии возникло широкое забастовочное движение, охватившее весь Пенджаб. Расстрелы произведенные войсками генерала Даэра, вызвали взрыв негодования в Индии, и забастовочное движение переросло в вооруженное восстание, охватившее весь С.-З. Индии. Крестьянские отряды портили телеграф и ж. д. полотно; один бронепоезд и два эшелона с солдатами были пущены под откос; на пенджабских жел. дорогах зарегистрировано более 100 случаев порчи полотна. Город Ахмед-Абад двое суток оставался в руках восставших, в Лагоре была сделана попытка организовать повстанческую армию — «Д[illegible]да-Фаудж». Англичанам пришлось ввести в действие крупные воинские части. Целый ряд селений был разрушен, города подверглись бомбардировке. Только к началу мая восстание было подавлено в городах, и карательные экспедиции были отправлены в пенджабские села.

В разгаре этих событий Аманулла хан провозгласил независимость страны и об'явил себя падишахом.

В мае начались первые вооруженные стычки с англичанами. 3-го мая завязалось генеральное сражение у Хайберского ущелья; в середине мая афганские войска вошли в Вазиристан.

Генеральное сражение афганцами было проиграно, английская пехота двинулась к Джалал-Абаду, и английские самолеты бомбардировали Кабул. Но движение афганцев в Вазиристан вызвало восстание вазиров, которые атаковали английские гарнизоны. Заволновалась вся полоса независимых племен: частично восстали моманды, и внезапно выступили афридии, которые обрушились на английские посты в Хайберском проходе. Не исключено было, что восстание вновь перебросится в Индию. В этой обстановке англичане получили мирное предложение напуганного английской авиацией афганского правительства, и после переговоров англичане признали независимость Афганистана, но со своей стороны оговорили пункт о невмешательстве Афганистана в дела независимых пограничных племен. Таким образом, англичане получили возможность расправиться с независимыми племенами, выступление которых спасло Афганистан. В течение трех последующих лет Вазиристан был оккупирован и лишен независимости, а горные селения момандов и афридиев были жестоко разгромлены английской авиацией.

Получив независимость и освободившись от английской опеки, Афганистан впервые получает возможность приобщиться к достижениям современной науки и техники. Правительство Амануллы хана организует школу для юношей—«амание»—расширяет школу «хабибие» и в 1920 году открывает в Кабуле школу для женщин. В эти реформированные и расширенные школы приглашены преподаватели немцы и французы, а в военные школы приглашены турецкие инструктора. Первые выпуски этих школ немедленно получают практическую работу, и молодежь занимает места в правительственном аппарате. В дополнение к расширению программы кабульских школ Аманулла хан посылает более 200 юношей из знатных фамилий во Францию, в Германию и впоследствии в Россию для получения европейского образования. Одновременно с этим Аманулла хан, опираясь на свежие кадры окончивших школы чиновников, реформирует юстицию и вводит в действие новый уголовный кодекс, составленный по типу турецкого уголовного кодекса.

В области государственного устройства реформаторская деятельность Амануллы хана менее энергична, но все же он упорядочивает работу кабинета министров и создает законодательный совет из сановников и ученых людей. Для решения общегосударственных вопросов организован род парламента—«Лю-Джирга»,—который собирается раз в год в августе и состоит из знатных лиц, вождей племен, воинов и высшего духовенства.

В основном, Аманулла хан является продолжателем линии своего знаменитого деда Абдур-Рахман хана: он централизует страну, улучшает администрацию, строит новые дороги и насаждает просвещение.

Вслед за этими реформами Аманулла хан произвел реформу армии. При Хабибулле хане армия сохраняла строй, заведенный Абдур-Рахман ханом: солдаты рекрутировались из племен и служили в армии пожизненно. За свою службу они получали жалованье, в мирное время жили семьями и за-

нимались ремеслами—были больше похожи на стрелецкое войско, чем на регулярную армию. Слабость этого войска стала очевидна во время генерального сражения у Хайберского ущелья.

Аманулла хан ввел всеобщую воинскую повинность. Пожизненная служба была заменена сначала трехлетней, а затем двухлетней службой, что позволило создать обученные кадры запасных войск. С 1924 года армия, доведенная до 50 тыс. войск, была перевооружена магазинными винтовками, закупленными в разных европейских странах. Реорганизованная армия сформирована по-европейски в 3-полковые дивизии; артиллерия сведена в батареи и вооружена современными пушками; при армии организована воздушная эскадрилья в составе более 15 самолетов, закупленных за границей (в Англии, Германии и СССР). Для обучения армии приглашены иностранные, по преимуществу турецкие инструктора. Благодаря этим мероприятиям армия приведена в удовлетворительное боевое состояние, но по прежнему мало пригодна как орудие борьбы за независимость и об'единение страны, так как в организации армии осталась незатронутой еще большая зависимость от племенных вождей, участников постоянных афганских междоусобиц, легко превращающихся в орудия реакционных и империалистических интриг.

Реформа армии, улучшение системы дорог, реформа просвещения, потребовали твердых бюджетных ассигнований и могли быть проведены лишь при налаженном финансовом аппарате государства. В то время, как важной твердой статьей бюджета Абдур-Рахман хана и Хабибуллы хана была английская субсидия,—Аманулла хан был вынужден строить бюджет только на ресурсах страны. Тем не менее к 1924 году правительство Амануллы хана сумело добиться твердого бюджета и свести его без дефицита.

Главным плательщиком налогов был крестьянин, и главная тяжесть нового бюджета легла на него. Нищее крестьянское хозяйство в 1925 году из государственного бюджета в 48 мил. рупий (рупия равна 33 зол. копейкам) уплатило 22 миллиона, после чего рост налогов неизменно повышался, и в бюджете 1928 г., исчисленном в 140 милл. рупий, налог от крестьян составляет около 50%.

В бюджете 1928 года один джериб первой категории поливной земли обложен от 16 до 20 рупий, что в переводе на наш счет означает за *гектар земли от 28 до 35 зол. рублей*.

Этот налоговый пресс, всей тяжестью давящий на крестьянство, в глазах крестьян не был оправдан, так как правительство Амануллы хана не озаботилось организацией крупных государственных работ по орошению новых участков земли, почти не увеличило площади поливных земель, и за все 10 лет правления Амануллы хана в работу по орошению вложило менее 20 милл. рупий (из крупных работ можно отметить плотину в Газни и плотину возле Кабула, благодаря которым созданы искусственные водохранилища). Эта цифра вложений в оросительные работы меньше даже затрат, сделанных на постройку нового города Дар-Уль-Амана, на который уже израсходовано около 40 мил. рупий. (Дар-Уль-Аман—новая королевская резиденция возле Кабула, где уже построены королевский дворец и министерства, разбиты сады, и строятся дома сардаров и купечества).

Мало обращая внимания на улучшение положения крестьян, правительство Амануллы хана мало сделало для развития промышленности страны. Машин хане, построенная Абдур-Рахман ханом, до сих пор остается главным индустриальным предприятием. Но машинное оборудование этого завода вконец износилось. Понятие о степени его изношенности может дать следующая справка: в текстильном отделении у одной шестерни кардной машины осталось 25% зубьев, следовательно, машина, сделав ¼ оборота, останавливается; к этой машине приставлен специальный рабочий, который вооружен железной палкой,—палкой он подталкивает шестерню и заставляет ее делать остальные ¾ поворота.

Завод вконец изношен, но за 10 лет правления Аманулла хан не нашел средств на его переоборудование. Из прочих индустриальных предприятий построены: а) кожевенный завод, спичечная фабрика и цементная фабрика, возле Кабула, б) гидроэлектростанции в Джебуль сарадже, Джелал-Абаде и Кандагаре, в) построен хлопкоочистительный и строится текстильный завод в Герате (впрочем, для последнего прислано негодное машинное оборудование), г) завод искусственного льда в Кандагаре.

Этим списком исчерпывается все имеющиеся в Афганистане индустриальные предприятия, за исключением нескольких маленьких хлопкоочистительных заводиков в северном Туркестане. Из этого списка видно, что Афганистан до сих пор не имеет ни одного серьезного индустриального предприятия и даже не начал разработки своих недр (железная руда и уголь в Бамиане, нефть возле Герата).

Пути сообщения, способствующие товарообороту в стране, правительство Амануллы значительно улучшило и проведенные Абдур - Рахман ханом колесные пути обратило в автомобильные шоссированные дороги.

В настоящее время Кабул связан автомобильными дорогами с Пешавером (Индия), Бамианом (в Гиндукуше), через Гардез с Вазиристаном (Индия), через Кандагар с крепостью Кветтой (Индия), и через Кандагар—Герат с Кушкой (СССР).

Почти вся эта система дорог построена без больших затрат от казны падишаха, при помощи принудительно осуществляемой дорожно-строительной повинности крестьян.

Улучшение путей сообщения развило торговлю в стране, которая располагает автотранспортом в несколько сотен грузовых машин, но баланс внешней торговли продолжал оставаться пассивным: за 1925—26 гг. пассив по торговому балансу исчислен в 21 миллион рупий. Этот общий пассивный баланс внешней торговли за последние годы значительно вырос за счет закупок за границей, за счет купленных в Индии и доставленных в Кабул строительных материалов для дворцов Дар-Уль-Амана (цемент, железо, водопроводные трубы), машин для заводов, грузовых и легковых автомобилей и проч.

Система обращения денег в стране регулируется плохо, так как Афганистан не имеет ни одного банка и все финансовые операции ведут денежные менялы—саррафы, в большинстве индусы, которые финансируют предприятия, принимают вклады и занимаются ростовщичеством. Личные вклады большинства саррафов находятся в англо-индийских банках, и эти люди, регулирующие финансовую жизнь страны, по существу дела являются щупальцами английского финансового капитала.

Финансовое положение страны в общем итоге за последние годы значительно ухудшилось, и курс рупии с 1926 года начинает заметно падать. В марте 1926 г. за один фунт стерлингов давали 23 рупии кабули, в марте 1927 года за один фунт—28 рупий кабули, в марте 1928 года, за один фунт—31 рупию кабули. Пытаясь улучшить финансы, правительство прибегло к своеобразной инфляции: оно выпустило новую серебряную валюту, в которой чистого серебра было 47% (в старой афганской рупии кабули чистого серебра 90%), и об'явило курс новой рупии «афгани» на 10% более высоким, чем курс рупии «кабули». В результате Афганистан получил скверную денежную валюту (новые деньги афгани из-за большой примеси лигатуры шелушатся и очень грязны), а падение курса продолжалось своим чередом.

Тяжелое финансовое положение страны, отсутствие разумного и твердого делового планирования в народном хозяйстве страны, все растущая тяжесть налогов в соединении с произволом чиновников, разоряющих крестьянство, все это не могло не вызвать противодействия правительству. Начиная

с 1923 года, в отдельных областях страны ежегодно вспыхивают беспорядки, то среди крестьян на почве недовольства налоговой политикой и произволом чиновников, то среди кочевых племен, у которых отняты их кочевые вольности и полуанархическая свобода.

В 1923 году вспыхивают беспорядки в Хосте, которые в 1924 году перерастают в общее восстание всей провинции. Основная причина восстания—переход от натурального налога к денежному, недовольство размером налогов, произвол администрации.

В 1925 году неурожай и налог вызывают волнения в Хосте и в Шугнанском районе. В 1926 году в Хосте—волнения из-за настойчивого проведения денежного налога. В 1927 году в Бадахшане—беспорядки против чиновников, берущих большие поборы, все чиновники вынуждены бежать из провинции. В том же году—волнения в Кандагарском районе из-за новых налогов. В 1928 году—волнения в южной провинции из-за разоружения племен.

Ни один год не обошелся без волнений и беспорядков. Всякое движение неизменно оформляет духовенство,—единственный в Афганистане возможный оформитель для фанатичного полудикого крестьянства. И всякий раз с движением пытаются связаться английские агенты, работой которых в Кабуле руководит Мабуб Али-Шейх, старый толстый мусульманин, много лет служащий англичанам, а в Индии—полковник Лоуренс (он же мистер Росс, он же летчик Шоу), один из крупнейших агентов «интеллидженс сервис».

Старые планы англо-индусского генерального штаба, который рассматривал населенные полудикими вооруженными племенами горные теснины Афганистана, как естественную систему рвов и заграждений, устроенную у крепостной стены Индии, Сулеймановых гор,—эти планы нарушились. Афганистан, получивший независимость в результате войны и восстания пограничных племен, после поездки короля по Европе официально принятый, как равноправный член в общую группу европейских и азиатских государств, Афганистан, который твердо помнит, что два миллиона афганцев живут в Индии и мечтает о включении их в Афганское государство,—такой Афганистан не может служить с точки зрения Англии «щитом для Индии», и еще неизвестно, с кем он пойдет.

С другой стороны, Сулеймановы горы и Гиндукуш на недоступности которых строились планы обороны Индии, в настоящее время исследованы, и легенды об их недоступности развеялись.

Эти обстоятельства заставили английское командование пересмотреть план обороны Индии и не могли не привести к мысли о необходимости вынести оборону Индии вперед, за эти горные системы, ставшие доступными колесу. В новых англо-индийских военных планах Афганистан рассматривается двояко: а) как будущий плацдарм военных действий в случае союза Афганистана с СССР, б) как страна, через которую нужно пройти, чтобы вторгнуться в советские хлопковые районы. Поэтому, начиная с 1923 года, английское командование приступило к энергичным военно-инженерным работам (дорожным и базисным) в Сулеймановых горах. За истекшее пятилетие англичане провели через Вазиристан три автомобильные дороги от Индии на запад к афганской границе и связали их между собой системой автомобильных рокировочных путей. К трем центрам Вазиристана—Тал, Банну, Танг—подведены железные дороги, связанные железнодорожным мостом в Кушальгаре и пароходной переправой в Калайбаг с путями сообщения в Пенджабе. Форт Размак и форт Ланди-хана развиты в первоклассные укрепления, и возле них созданы базисные склады для авиации и пехоты. В результате этой системы работ из Индии можно на автомобиле проехать в СССР (через Кандагар в Кушку), а из Вазиристана и Пешавера автомобильные колонны могут быть переброшены через Кабул в Бамиан, в сердце Гиндукуша. Характер, направление и темп работ убеждают нас в том, что английское командование приняло решение оборонять Индию впереди Сулеймановых гор и производит военнодорожные и базисные работы для вторжения в советские хлопковые районы.

На пути осуществления этого плана встает возможное противодействие племен Свободного Сархата. Племена эти — моманды, афридии и вазиры—располагают примерно 200 тыс. воинов, вооруженных казенно-зарядными винтовками Снайдера и частично магазинными винтовками. От содействия или противодействия этих племен в большой мере зависит успех английских планов.

В части Вазиристана вопрос почти решен: оставленный в 1920 году без поддержки Афганистана, Вазиристан оккупирован английской армией, в его горных ущельях проложены автомобильные дороги, и селения вазиров находятся под угрозой пулеметного и пушечного обстрела бронированных автомобилей.

Афридии, страна которых лежит по обеим сторонам Хайберского ущелья, взяты на английское жалованье: их молодежь служит в горной милиции и охраняет безопасность купцов в Хайберском проходе. Но этот народ не утратил еще воли к борьбе, и в стране афридиев ежегодно вспыхивают партизанские действия.

Моманды, которые живут к северу от Хайберского ущелья, в полной мере сохранили свою независимость, и на границах их страны не утихает партизанская война.

Следует признать, что в области независимых племен англичане сделали пока только половину работы, и нынешнее состояние этой области не может обеспечить англичанам спокойного тыла в случае войны против Афганистана и СССР.

Так как планы обороны Индии с суши все упираются в Афганистан, то неизбежным становится систематическое вмешательство англичан во внутренние дела афганского народа.

Возвращение Амманулы хана из Европы и реформы, предложенные им на Лю-Джирге в августе 1928 года, опять ничего не изменили в положении крестьян. Король сообщил Лю-Джирге о закупках машин для новых заводов, о закупке автомобильного транспорта, о закупке авиации и оружия для войск; предложил на обсуждение Джирги важный проект о передаче французам концессии на постройку первых железных дорог в Афганистане; сообщил о заключении с Турцией, Персией и СССР ряда дружественных соглашений — но в этих проектах не было ни слова об увеличении фонда поливных земель, о машинах, которые следует приобрести для проведения оросительных работ, об уменьшении налогового бремени, лежащего на крестьянском хозяйстве. Положение крестьян не менялось, и поездка короля в Европу не дала им никаких перспектив на будущее; планы промышленного развития страны тоже пока не шли далее постройки текстильных предприятий—серьезного, продуманного плана индустриализации страны предложено не было. Из всех планов весьма важное значение имеет допуск французских концессионеров для постройки железных дорог Кандагар—Кабул и Кандагар—Герат. Эти дороги, включающиеся в систему стратегических ж. д. крепостного Кветтинского района, имеют чрезвычайное стратегическое значение и поставят Афганистан в полную зависимость от планов Индийского Генерального Штаба, если будут осуществлены.

Важно отметить, что строительство дорог передано вооруженной до зубов Франции, в данном случае несомненному контрагенту англичан. Но наибольший эффект на Джирге вызвали не эти проекты, а реформы, направленные к европеизации нации: отмена чадры, замена чалмы шляпой, ношение европейского платья, отмена титулов и орденов. Поскольку эти реформы не сопровождались крупными социальными преобразованиями, способными дать правительству новую опору в массах, и поскольку они в то же время вызвали протест всех консерваторов, они стали банановой коркой, на которой поскользнулось правительство Амануллы. Этот удар по старым обычаям дал духовенству возможность оформить тлеющее недовольство крестьян лозунгами борьбы за Коран и правоверный ислам.

В ответ на это виднейшие духовные лица Кабула—главный казий Абдур Рахман и Ага-и-Пуль-Хазрети-и-Шир-Базар—уже во время Джирги выехали в Хост и там пытались поднять восстание. Одновременно с этим горный разбойник Бача-Сакау спустился со своей бандой в Чарикарскую долину и об'явил себя защитником ислама и борцом за крестьян против несправедливых чиновников падишаха. Эти выступления сорвали работу Лю-Джирги и вынудили правительство приступить к собиранию сил для борьбы с повстанцами.

В дополнение к этим событиям племя Шинвари, которое 13 ноября получило фирман падишаха об отмене привилегий племени и об обязательной уплате налогов за текущий год (племя Шинвари за помощь войскам падишаха в борьбе с восстанием мангалов было освобождено на несколько лет от налогов и получило ряд льгот)—убило хакима, прочитавшего королевский фирман, и подняло восстание. Во главе Шинвари встал мулла Мухамед Афзаль, и под его руководством шинвари двинулись к Джелалабаду. Шинвари потребовали отмены налогов, отмены реформ и контроля духовенства над деятельностью правительства. И здесь духовенство возглавляет восстание и дает восстанию политическое оформление.

Одновременно с восстанием шинвари Бача-Сакау занимает гор. Чарикар, об'являет себя падишахом и об'являет награду за голову Амануллы. Отряды Бача-Сакау, который пришел к Чарикару во главе 600 горных разбойников, обрастают крестьянскими партизанами, и Бача-Сакау идет на Кабул во главе 6.000 отряда. Междуусобная война развертывается. Правительство Амануллы хана очень медленно мобилизует силы—его психика явно усыплена успехом поездки по Европе, убаюкана королевскими триумфами и поэтому слишком медленно осваивается с сознанием опасности положения. На сторону повстанцев переходит часть войск Амануллы хана, и в результате растущего натиска повстанцев и внутренней растерянности правительства Аманулла хан вынужден сначала отказаться от реформ, а затем отречься от трона и бежать в Кандагар. Бача-Сакау занимает Кабул и провозглашает себя падишахом.

Действия этого нового падишаха, пришедшего к власти при помощи горных разбойников и восставших крестьян, ничего не меняют в положении крестьянства. Крестьяне не получают обещанных льгот, и их отряды начинают расходиться по домам. Популярность Бача-Сакау быстро падает.

Аманулла хан, подписав свое отречение, уехал в Кандагар, вокруг которого живут коренные афганские племена. Среди этих племен немедленно началась агитация за наступление на Кабул. Агитаторы отмечали, что новый падишах—таджик, а не афганец и предсказывали, что значение афганской народности в государстве неизбежно умалится. Афганские племена приняли решение отстаивать трон для Амануллы хана, и Аманулла хан взял обратно свое отречение. Отряды афганских племен (дурани, гильзаи и др.) заняли Газни и продвигаются к Кабулу.

Шинвари, у которых есть свой претендент на трон, вступили в соглашение с джелалабадским гарнизоном и тоже ведут наступление на Кабул.

Положение все более осложняется, и в гражданскую войну вовлекаются все новые и новые племена.

Трудно предвидеть развитие гражданской войны в стране, созданной для роли буфера, населенной народами трех различных рас, где социальные и международные вопросы переплелись с национальным вопросом в сложнейший узел.

Совершенно очевидно, что Бача-Сакау оказался неподходящим вождем для крестьянского восстания и что Аманулла хан имеет много шансов вернуться на трон. Но совершенно неизвестно, какую линию поведения изберет Аманулла хан в случае, если он снова придет к власти, и найдет ли он путь для правильных взаимоотношений с крестьянами. Он уже отрекся от ряда реформ и, следовательно, во внутренней политике не устоял перед нажимом духовенства—неизвестно, насколько удастся ему во внешней политике устоять перед нажимом индийского генерального штаба и британской дипломатии, которая по-своему истолкует и использует уроки восстания.

А. Греблис, М. Коровай, И. Степанов.

К спорным вопросам теории стоимости[1]).

(По поводу книги И. И. Рубина «Очерки по теории стоимости Маркса»).

Недавно вышедшая третьим изданием книга И. И. Рубина «Очерки по теории стоимости Маркса» является крупным вкладом в марксистскую экономическую литературу. По поводу взглядов, развиваемых И. И. Рубиным в этой книге, среди марксистов-экономистов завязалась очень оживленная и,—надо прямо сказать,—весьма острая полемика. Взгляды автора по основным вопросам марксовой теории стоимости и прежде всего по центральному пункту этой теории—учению об абстрактном труде,—не раз служили предметом научных диспутов и вызвали значительную полемическую литературу. Но эта научная дискуссия отнюдь не может считаться законченной к настоящему времени, несмотря на то, что ведется вот уж несколько лет.

Полемика, связанная с «Очерками», достигла такой остроты, когда можно, отнюдь не преувеличивая сущности разногласий, констатировать наличие не только частных разногласий между отдельными экономистами-марксистами, но и наличие размежевки на два «направления», из которых одно, как нам представляется, сбивается на путь вульгаризации марксовой теоретической экономии (мы имеем в виду А. Кона, С. Бессонова, И. Дашковского и др.), и другое, выраженное в книге И. Рубина, обогащает марксистскую литературу углубленной разработкой теории стоимости Маркса, более глубоким ее пониманием, находясь в полном соответствии с Марксом.

Мы хотели бы поэтому остановиться на тех методологических и теоретических основах, на которых построена книга И. И. Рубина. Прежде всего, И. Рубин строго и последовательно устанавливает об'ект или предмет теоретической экономии. Он определяет последнюю, в полном соответствии с традиционно-марксистской постановкой вопроса, как науку, которая «имеет предметом своего изучения свойственные капиталистическому хозяйству производственные отношения людей в их взаимодействии с производительными силами общества» (стр. 10) [2]). Если науке вообще необходимо изучить капиталистическое хозяйство в его единстве, как «известную систему производительных сил и производственных отношений людей» (там же), то политической экономии, выступающей в качестве специальной общественной науки, необходимо ограничить себя изучением лишь одной стороны капиталистического хозяйства, а именно, его социальной формы, совокупности производственных отношений людей, образующей «экономическую структуру» капитализма. Капиталистическое хозяйство есть, несомненно, е д и н с т в о известного состояния производительных сил и совокупности производственных отношений людей, но в то время как первое, т.-е. материально-технический процесс производства является об'ектом изучения естественных наук, технологии или науки об общественной технике, производственные отношения людей,—или иначе, общественная форма производства,—выступают как предмет теоретической экономии.

[1]) В порядке обсуждения.
[2]) Страницы указываются по третьему изданию «Очерков»

Когда утверждают, что предметом политической экономии является производство в его буржуазной форме, то из этого утверждения вовсе не вытекает, что и материальное производство и его общественная форма образуют е д и н ы й об'ект политической экономии. Из этого определения вытекает лишь то, что материальный процесс производства рассматривается в его общественной форме, т.-е. как определенная система производственных отношений. Но такая точка зрения обязывает провести р а з л и ч и е между материально-техническим процессом производства и его общественной, социальной формой. Именно такое различие, проведенное Марксом в своем экономическом учении, поставило политическую экономию на строго научную почву, превратив ее из «науки» об отношениях вещей к вещам, как она представлялась вульгарным экономистам, или людей к вещам (у «австрийцев»), в науку об овеществленных отношениях людей к людям в процессе материального производства.

Это различие, проводимое И. Рубиным, как основное методологическое положение, определяющее политическую экономию, как науку социальную и историческую, является давно установившимся и неоспоримым для марксистов. Ленин, полемизируя с народниками в своей работе «К характеристике экономического романтизма» по вопросу о месте «распределения», писал: «Какой же смысл в этом обвинении? Оно основано лишь на крайне ненаучном понимании самого предмета политической экономии. Ее предмет вовсе не «производство материальных ценностей», как часто говорят (это предмет технологии), а общественные отношения людей по производству... Если (же) мы последовательно будем смотреть на «производство», как на общественные отношения по производству, то и «распределение» и «потребление» потеряют всякое самостоятельное значение» (т. II, стр. 64). Следовательно, можно видеть и у Ленина строгое проведение различия между материально-техническим процессом производства («производство материальных ценностей»), как об'ектом «технологии», и «производством», т.-е. общественными производственными отношениями между людьми, как предметом политической экономии. И это является, разумеется, единственно правильной научной точкой зрения, так как позволяет выделить категории исторически определенных форм общественного хозяйства. Это и делает теоретическую экономию не только социальной, но и исторической наукой.

Поэтому следует признать вполне правильным и строго марксистским основное положение И. Рубина, что «политическая экономия изучает не материально-техническую сторону капиталистического процесса производства, а его с о ц и а л ь н у ю ф о р м у, т.-е. совокупность производственных отношений людей, образующую «экономическую структуру» капитализма. Техника производства, или производительные силы, входят в область исследования экономической теории Маркса только как предпосылка, как исходный пункт, который привлекается постольку, поскольку он необходим для об'яснения подлинного предмета нашего изучения, а именно, производственных отношений людей» (стр. 11).

Это, казалось, бесспорное определение предмета политической экономии, однако, вызывает двоякого рода возражения со стороны некоторых критиков И. Рубина. Во-первых, они считают такое определение неправильным, так как для Маркса, будто бы, обе стороны общественного процесса производства в их взаимодействии, в единстве материального и социального составляют непосредственный об'ект политической экономии; и, во-вторых, проведение различия между материальным процессом производства и его социальной формой будто бы ведет к отрыву социального от материального и что их противопоставление чуждо марксовой теории. На последнем мы оста-

новимся несколько ниже. Что же касается первого, то сказанного выше достаточно, чтобы констатировать у «критиков» смешение этих двух сторон общественного процесса производства, их расхождение с установившимися марксистскими взглядами. То обстоятельство, что материальное производство (производительные силы) связано с общественными производственными отношениями и причинно обусловливает последние, не уничтожает различия взаимодействующих, но противоположных сторон общественного процесса производства. Весьма характерна следующая цитата из введения «К критике политической экономии» Маркса. «5. Диалектика понятий; производительные силы (средства производства) и производственные отношения, диалектика, границы которой подлежат определению, и которая не уничтожает реального различия» (стр. 24). Не видеть этого, не различать этих взаимодействующих, но противоположных сторон общественного производства, не подвергать их особому, самостоятельному и отличному анализу—означало бы возврат назад от Маркса, вульгаризацию марксовой экономической теории.

Но провести различие между этими двумя сторонами общественного производства вовсе не означает сделать разрыв между ними. Критики И. Рубина особенно напирают на то, что это различие у него означает отрыв социального от материального. Мы попытаемся показать при рассмотрении взглядов И. Рубина по вопросам теории стоимости, что именно ему лучше, чем кому-либо другому из комментаторов Маркса удалось увязать стоимость с материальным процессом производства. Упрек же «критиков» является совершенно необоснованным. Что означает провести различие между социальной формой производства и его материальным содержанием? Это означает, что мы ставим своей задачей понять законы движения и развития общественных форм производства, определить тип и характер исторически-определенной общественной формации. Что означает отрыв социальной формы от материального процесса производства? Отказ рассматривать производительные силы, как движущую причину развития производственных отношений. Производительные силы не то же самое, что производственные отношения людей, но первые причинно обусловливают последние; движение «стоимости», изменение ее величины, например, есть явление социальное, обусловленное данным характером производственных отношений, но оно тесно связано с производительной силой труда. Отрицать это, означало бы отрыв социальной формы от материального содержания. Различать эти два явления, не видя, что материальное производство лежит в основе развития социальной формы, не может не означать произвольного, искусственного отрыва их друг от друга.

Когда критики И. Рубина пытаются «сблизить» его с «социальным» направлением в буржуазной политической экономии, о существовании которого многие из них, вероятно, впервые узнали из книги И. Рубина «Современные экономисты на Западе», то эти попытки критиков не имеют под собой никакой почвы. Если у Штольцмана, Петри и др. встречаются иногда правильные замечания, подчеркивающие социальное содержание категорий политической экономии, то это об'ясняется попросту тем, что они заимствовали кое-что у Маркса, к тому же извративши мысли последнего. Основной порок этих экономистов состоит в том, что они отказываются поставить в причинную связь социальные или, более непосредственно определяемые, экономические явления с материальным производством, с одной стороны; и далее, или рассматривают социальные отношения идеалистически, как продукт «человеческой воли», необходимо не вытекающей из условий материального производства, или отождествляют их с юридическими, правовыми отношениями.

Боязнь критиков И. Рубина сделать различие между материальным производством и его общественной формой находит свое об'яснение в том, что

для них действительно, об'ективно, реально существующее лишь «материальное»—в узком смысле физического, т.-е. чего-то видимого и осязаемого. Это—точка зрения механического материализма [1]). Установление связи социальной формы с материальным содержанием вовсе не означает их отождествления. Вовсе не устраняется реальное, об'ективное общественное существование, хотя в нем не заключено ни атома «естественного вещества», «ни одного атома материи». Стоимость по Марксу есть лишь «общественное отношение», имеет лишь «общественное бытие» и не содержит в себе «ни атома материи», однако, вряд ли найдется марксист, который отрицал бы за стоимостью характер об'ективного или реального существования или приписывал бы ей характер «фикции» [2]).

Но вернемся к И. Рубину. Быть может, он, проводя это различие, отрывает социальную форму от материального содержания, отказывается ставить их в причинно-обусловленную связь, представляя «самопроизвольное», «оторванно-самостоятельное» существование этих форм? Такого рода обвинения настолько неосновательны, что можно только удивляться «научной» смелости людей, приписывающих ему такие взгляды, когда вся задача И. Рубина, которую он блестяще решил, состояла в том, чтобы показать эту связь, найти все те посредствующие звенья, об'ясняющие нам эту связь. Чтобы показать всю неосновательность этих упреков, мы приведем из большого числа мест книги, где И. Рубин касается этого вопроса, лишь некоторые.

«Хотя политическая экономия изучает производственные отношения людей, но она всегда предполагает неразрывную связь их с материально-техническим процессом производства и имеет предпосылкой своего исследования определенное состояние и процесс развития материальных производительных сил» (стр. 10). В другом месте он пишет: «Таким образом, движущий толчок к изменению всей системы стоимостей исходит из материально-технического процесса производства. Развитие производительности труда выражается в уменьшении количества конкретного труда, фактически затрачиваемого в среднем на производстве. Но тем самым, в силу двойственного характера труда, как конкретного и абстрактного,—уменьшится количество этого же труда, рассматриваемого в качестве «общественного» или «абстрактного» (стр. 78).

Определяя политическую экономию, как науку о производственных отношениях между людьми в товарно-капиталистическом обществе, И. Рубин совершенно правильно делает, выдвигая на первый план марксову теорию товарного фетишизма. Большой заслугой И. Рубина является то, что он в своем изложении марксовой теории стоимости выдвинул на надлежащее место теорию товарного фетишизма и связал ее самым тесным образом с экономической теорией Маркса. «Политическая экономия должна прежде всего дать нам характеристику этой социальной формы хозяйства и свойственных ей производственных отношений людей. Маркс дает нам такую общую характе-

---

[1]) «Среди буржуазных ученых и их подголосков считается признаком хорошего тона указывать, что Маркс в своей теории ценности соорудил грубую механически-материалистическую стряпню. Однако, есть материализм и материализм. Материализм Маркса, поскольку он проявляется в его экономической системе, не только не приводит к товарному фетишизму, наоборот, делает впервые возможным его преодоление. В частности, ценность у Маркса есть одно из «получивших общественное признание и, следовательно, об'ективных мыслительных форм данного способа производства» («Капитал», I, 32), но «об'ективный» здесь отнюдь не значит «физический»: это такая же физическая вещь, как, напр., язык». Н. Бухарин. «Политич. экономия рантье», 4-е изд., стр. 65.

[2]) «... и тут Гегель прав по сути: стоимость есть категория, которая лишена вещества чувственности, но она истиннее, чем закон спроса и предложения». Ленин. сб., кн. IX, стр. 187.

ристику в своей «теории товарного фетишизма» (стр. 12). По правильному утверждению автора, эта теория «представляет собой основу всей экономической системы Маркса и, в частности, его теории стоимости» (стр. 13), выступая в качестве «общей теории производственных отношений товарно-капиталистического хозяйства» (стр. 12). Этот взгляд высказывался уже рядом марксистов, в частности, Плехановым и Н. И. Бухариным.

Не выдвигая этой теории в качестве такой основы, не выясняя этой особенности учения Маркса о товарном фетишизме,—невозможно понять существа марксовой теории стоимости. Что же можно сказать про работы, посвященные теории стоимости Маркса, где теории товарного фетишизма не отведено буквально ни одного слова, как это «умудрился» сделать А. Кон в первом издании своего «Курса политической экономии»?

И. Рубин впервые систематически разработал эту проблему, выдвинув и подчеркнув об'ективную основу товарного фетишизма. «Маркс показал не только то, что под отношениями вещей скрываются производственные отношения людей, но что, обратно, в товарном хозяйстве общественные производственные отношения людей неизбежно принимают вещную форму и не могут проявляться иначе, как через посредство вещей. Структура товарного хозяйства приводит к тому, что вещи играют особую, крайне важную общественную роль и приобретают особые общественные свойства» (стр. 14). «Вещь» в товарном обществе выступает не только как «оболочка», под которой скрывается производственное отношение людей,—она есть посредник общественных отношений. «Движение цен вещей на рынке—не только отражение производственных отношений людей, а единственная возможная в товарном обществе форма их проявления» (стр. 18). Вещь выступает в качестве «посредствующего звена» между людьми, «организует» производственное отношение. Эту об'ективную роль она приобретает потому, что производственные отношения людей в товарном обществе осуществляются только в вещной форме. Отсюда и вытекает «двойное бытие» вещи, не только материальное, но и общественное (функциональное).

В связи с этим вопросом, заслуживает быть отмеченным то понимание, которое И. Рубин дает часто встречающимся у Маркса словам «овеществление» и «кристаллизация». Не мало есть экономистов даже среди марксистов, которые понимают, например, стоимость, как овеществление самого материального труда, как его конденсацию, как кристалл труда в натуралистическом смысле. Это вульгарное понимание Маркса нашло свое отражение, например, в «Курсе политической экономии» А. Кона (стр. 16—17). Про таких экономистов можно сказать словами Маркса: «однако, нельзя так по-шотландски понимать овеществление и т. д., труда, как понимал его А. Смит. Если мы говорим о товаре, как об овеществленном труде,—в смысле его меновой стоимости,—то речь идет у нас только о воображаемой, т.-е. только о социальной форме существования товара, не имеющей ничего общего с его вещественным существованием: мы представляем его в виде определенного количества общественного труда или денег» (Теории пр. ценности, т. I, стр. 179). И. Рубин показал, что выражения Маркса «овеществление» труда, «кристаллизация» труда не дают никакого основания для механическо-натуралистического понимания марксовой теории стоимости. «Теория трудовой стоимости утверждает не материальную конденсацию труда, как фактора производства в вещах, как продуктах труда, а фетишизированное, овеществленное выражение общественного труда в стоимости вещей» (стр. 85).

Необходимо перейти к характеристике собственно теории стоимости Маркса, как она изложена в «Очерках». Какие ставит автор «Очерков» задачи перед теорией стоимости? В строгом методологическом соответствии с развитым им марксовым учением о товарном фетишизме он определяет цель теории стоимости «открыть под закономерностью приравнивания вещей законы равновесия труда» (стр. 79). Предметом ее изучения является «соотношения разных видов труда в процессе его распределения, устанавливающиеся через меновое соотношение вещей, продуктов труда» (там же). Если категории теоретической экономии выражают овеществленные производственные отношения, то при рассмотрении стоимости, «перед нами встает задача доказать, что стоимость есть: 1) общественное отношение людей, 2) принявшее вещную форму и 3) связанное с процессом производства» (стр. 74). Недостатки многих предшествующих комментаторов учения Маркса, состоят в том, что, подходя к об'яснению стоимости, брали лишь одну из сторон марксова учения о стоимости, не пытаясь представить его в систематическом и едином виде. Бралась, например, лишь количественная сторона стоимости. Так как величина стоимости определяется количеством труда, необходимого для производства товара, то стоимость рассматривалась лишь как выражение производительной силы труда. Более глубоким пониманием марксова учения о стоимости было развитие той мысли, что стоимость выступает в качестве регулятора распределения труда между различными отраслями производства. Это давало понятие совокупного общественного труда. Наконец, издавна установившимся определением стоимости было определение ее, как выражения производственных отношений. И. Рубин представил эти стороны стоимости в единой теории, в их связи, соединив количественную и качественную стороны стоимости. Это соединение нашло свое выражение в схеме И. Рубина, которую он достаточно подробно и последовательно развивает, а именно: производительность труда — абстрактный труд—стоимость—распределение общественного труда. Исходным пунктом, или движущим толчком для всей системы стоимости является развитие производительности труда, материально-технический процесс производства. Стоимость, являясь центральным предметом изучения в этой схеме, ставится автором «Очерков» в рамки развития производительных сил и распределения общественного труда.

Наибольшим нападкам И. Рубин подвергался за трактовку марксова учения об абстрактном труде. Категория абстрактного труда в теории стоимости играет центральную роль. Маркс сам в «Капитале» подчеркивает особое значение этой категории. «Эта двойственная природа заключающегося в товаре труда (конкретного и абстрактного) впервые критически указана мною. Так как этот пункт является центральным, так как к нему тяготеет понимание политической экономии, то мы осветим его здесь более обстоятельно». («Капитал», т. I, стр. 8). Однако, этот «пункт» и до сих пор является наиболее спорным вопросом среди самих марксистов-экономистов. То обстоятельство, что в стоимости «заключен» труд, было известно задолго до Маркса. Заслугой Маркса явилось действительное определение труда, образующего стоимость. «Маркс исследовал труд со стороны его свойства создавать стоимость и в первый раз установил, какой труд, почему и как образует стоимость, установил, что вообще стоимость есть не что иное, как кристаллизованный труд этого рода» (Энгельс. Предисловие к II т. «Капитала», стр. XXI).

Не только критики Маркса, но нередко и его сторонники определяют абстрактный труд в противоположность конкретному труду, как затрату человеческой энергии вообще, как отвлеченную физиологическую трату энергии. Это определение, служившее целям популяризации Маркса, однако, носит черты его вульгаризации. Маркс связывал двойственную «природу» товара (потребительная стоимость и стоимость) с двойственной «природой» труда, создающего товар. Он связывал конкретный, особенный, полезный, материальный труд с процессом создания потребительной стоимости, абстрактный труд—с процессом образования, «создания» стоимости. Труд, образующий стоимость, по Марксу, носит чисто общественный характер.

Обратимся прежде всего к самому Марксу. Он пишет в «К критике политической экономии»: «Условия труда, образующего меновую ценность, как они обнаруживаются при анализе последней, являются общественным определением труда, или определением общественного труда, но не просто общественного, а в особенном смысле. Это специфический род общественности. Однородность труда, лишенного различий, есть прежде всего равенство труда различных индивидуумов, взаимное отношение их труда, как равного, которое достигается, благодаря фактическому сведению всякого труда к однородному. Труд каждого индивидуума обладает этим общественным характером равенства (подчеркнуто нами) постольку, поскольку он выражается в меновых ценностях, и выражается в меновых ценностях постольку, поскольку он относится к труду всех других индивидуумов, как одинаковому» (стр. 46). Второй отличительной чертой труда, образующего стоимость, является то, что «рабочее время отдельного индивидуума выступает непосредственно, как всеобщее рабочее время, и этот всеобщий характер отдельного труда, как его общественный характер» (стр. 46). В отличие, например, от патриархального хозяйства, где общественный характер труда выступает в его непосредственной натуральной форме, «труд, который проявляется в меновой ценности, сразу выступает, как труд частного обособленного лица. Общественным он становится только потому, что принимает форму непосредственной своей противоположности, форму абстрактной всеобщности» (стр. 47). Только в форме абстрактного труда труд отдельного товаропроизводителя приобретает общественный характер. Но этим не исчерпывается марксова характеристика абстрактного труда. Он обусловливает его еще одной существенной чертой, без которой характеристика его будет недостаточной и не полной, а именно: «труд, создающий меновую ценность, характеризуется еще тем, что общественное отношение лиц представляется, наоборот, как общественное отношение вещей. Если... меновая ценность есть взаимное отношение лиц, то следует помнить, что это отношение прикрыто вещественной оболочкой» (стр. 48). И дальше, Маркс дает не оставляющее никаких сомнений следующее резюме: «Как целесообразная деятельность, направленная на присвоение элементов природы в той или иной форме, труд составляет естественное условие человеческого существования, не зависящее ни от каких общественных форм, условие обмена веществ между человеком и природой. Напротив, труд, создающий меновую ценность, является специфически общественной формой труда» (стр. 50). Этот (отвлеченный, всеобщий) «труд зависит от общественного строя» (там же). Приведем, наконец, последнюю цитату, в которой Маркс нападает на Франклина по поводу его определения абстрактного труда. «Франклин, напротив, полагает, что ценность сапог, руды, пряжи, картин, и т. д., определяется абстрактным трудом, который не имеет никакого особого качества и поэтому подлежит только количественному измерению. Но так как он не развивает понятия труда, заключенного в меновой ценности, как абстрактно-всеобщего и общественного, возникающего из процесса всестороннего отчуждения индивидуального труда, то он неизбежно упускает из виду и значение денег, как непосредственной формы существования этого отчуждаемого труда» (стр. 69).

Мы привели так много цитат из Маркса, чтобы сопоставить его взгляды с точкой зрения экономистов, выступающих против И. Рубина, который развивает именно это марксово понимание абстрактного труда, образующего стоимость. К каким выводам, например, приходит И. Дашковский в своей статье «Абстрактный труд и экономические категории Маркса» («П. З. М.». 1926 г., № 63), разбирая проблему абстрактного труда? «Абстрактный труд, труд вообще, труд как физиологическая затрата мускулов, нервов и пр.— есть понятие, выходящее далеко за пределы внутренней организации товарного хозяйства» (стр. 203). «Даже в тех исторических формациях, где конкретный труд выступает непосредственно в качестве общественного, где он не нуждается в кривом зеркале вещных отношений и абстрактных категорий, функция абстрактного труда абсолютно необходима, поскольку речь идет об учете общественной трудовой энергии» (стр. 205). Абстрактный труд, выступающий у Маркса как специфическое общественное «свойство» труда, оказывается у И. Дашковского естественным (физиологическим) свойством труда, логическим понятием, т.-е. лишенным исторически определенных границ, внеисторической категорией. Как же он обходит ту «трудность», которая не может не возникнуть перед ним в связи с тем, что надо ведь кроме этих «дефиниций» дать об'яснение образования исторической категории стоимости? Оказывается, «абстрактный труд создает стоимость в том смысле, что он принимает форму стоимости продукта труда. Ясно, что способ выражения может и должен носить исторический характер, тогда как то, что служит предметом выражения, не зависит (!) от эволюции общественных форм» (стр. 213). И. Дашковский утверждает прямо противоположное Марксу. У Маркса абстрактный «труд зависит от общественного строя», у Дашковского все «наоборот». В ином варианте, но то же самое мы имеем и у А. Кона. У него абстрактныйтруд—процесс «целесообразной затраты физиологической энергии человека и только» («Курс п. эк.», изд. второе, стр. 19). «Так как всякий труд является затратой физиологической энергии, то это обстоятельство является общим свойством всех видов труда и входит в качестве логического определяющего в понятие абстрактного труда» (там же, стр. 65). Как же он ставит абстрактный труд в связь со стоимостью? У А. Кона тоже все «наоборот». Если по Марксу стоимость «создается» абстрактным трудом, то по А. Кону это не совсем так. По А. Кону абстрактный труд «как таковой» стоимости не создает. Абстрактный труд создает стоимость только в том случае, если этот труд, т. е. физиологическая трата энергии, выступает в специфической общественной форме. Если у Маркса «субстанция» стоимости есть «чисто-общественная» субстанция, то у А. Кона «субстанция» стоимости—абстрактный труд как физиологическая затрата труда и его специфическая общественная форма. Таким определением А. Кон думает «утвердить» материалистическое понимание стоимости. Изгоняемая, якобы, И. Рубиным «материя» «торжествует» у А. Кона, так как введена им в «законные права». Это «детская» ортодоксия! Определение абстрактного труда получило у него двойственный характер. В то время как у Маркса труд, создающий товар, обладает двойственной природой, у А. Кона труд, образующий стоимость, имеет двойную и противоположную характеристику. С точки зрения Маркса, материальный труд в определенной общественной форме создает товар, по А. Кону получается, что материальный (физиологический) труд в общественной форме образует стоимость. А. Кон, допустил грубейшую ошибку, переместив двойственную природу труда, создающего товар, в труд, образующий стоимость. Поэтому его определение труда, образующего стоимость, получает чисто механический набор характеристик. В то время, как у Маркса труд, образующий стоимость, получает исчерпывающую характеристику в понятии абстрактного труда, как специфической формы общественного труда,—общественно-необходимый труд выступает, как абстрактный труд в его количественной определенности,—по А. Кону этот труд получает разнообразную, внутренне не связанную характеристику. По А. Кону это, во-первых, абстрактный труд (материальный труд)— логическая категория, во-вторых, общественный труд, в-третьих, общественно-необходимый труд (понятие качественно отличное от абстрактного труда,—историческая категория) и т. д. Вывод, к которому приходит А. Кон, таков: «чтобы труд создавал стоимости, (он) должен быть не только абстрактным, но и общественным трудом». Результат, к которому пришел А. Кон

в вопросе о соотношении между абстрактным трудом и стоимостью, поистине невелик: стоимость не создается абстрактным трудом!

Критики И. Рубина, собравшись в «поход» под видом «защиты» Маркса, выдают свое собственное, «самобытное» за ортодоксию, а извращение взглядов Маркса за подлинные его взгляды.

И. Рубин как в предыдущих изданиях «Очерков», так и в последнем издании с достаточной полнотой и убедительностью вскрыл неправильность взгляда, «интерпретировавшего» понятие абстрактного труда, образующего стоимость, как понятие физиологическое, а не как экономическую и историческую категорию. При этом И. Рубин берет за исходный пункт ту тесную связь, которую Маркс устанавливает между двойственной «природой» товара и двойственной «природой» труда, создающего товар. Процесс труда есть процесс единого труда, но, рассматривая этот процесс с точки зрения его материального содержания, мы приходим к понятию конкретного труда, с точки зрения его общественной характеристики—мы получаем понятие абстрактного труда, выступающего у Маркса в качестве труда, образующего стоимость. Это различие, которое проводит И. Рубин между технической природой труда и его «социальной природой», дает ключ к действительному пониманию марксовой связи между двойственной природой труда и двойственной природой товара. Труд, образующий стоимость, не есть сперва абстрактный труд (в физиологическом смысле), а потом общественный, но есть лишь и только общественный труд в форме абстрактного или абстрактно-всеобщего труда. Абстрактный труд не должен быть противопоставляем общественному труду,—он есть лишь свойственный товарному производству специфический род, вид общественного труда. Это единство взгляда на труд, образующий стоимость, приводит к тому результату, что между различными понятиями труда, выступающими у Маркса, устанавливается внутреннее единство. Понятие простого труда связано с абстрактным трудом, как его дополнительная характеристика, общественно-необходимый труд выступает не как обособленная, извне присоединенная характеристика труда, но лишь в качестве количественной стороны абстрактного (общественного) труда. Связь и различие между абстрактным трудом и общественно-необходимым трудом носит такой же характер, как между стоимостью и величиной стоимости.

Абстрактный труд выступает в качестве общественной характеристики труда, но не выступает в виде его материального субстрата. И. И. Рубин поэтому приходит к тому выводу, что абстрактный труд, имея лишь «общественную характеристику», не содержит в себе «ни атома материи». В третьем издании «Очерков» И. Рубин подробно развивает эту характеристику абстрактного труда и выясняет отношение последнего к «физиологическому, физиологически-однородному и социально-уравненному труду». «Физиологическое равенство труда представляет собой необходимое условие для того, чтобы вообще могло происходить социальное уравнение и распределение труда. Только на основе физиологического равенства или однородности человеческого труда, т.-е. разносторонности и гибкости трудовой деятельности человека, и возможен переход от одной работы к другой, следовательно, и возникновение общественной системы разделения труда и, в частности, системы товарного хозяйства, характеризуемой абстрактным трудом» (стр. 152). Но это равенство человеческого труда «представляет собой биологическую предпосылку», «но не причину развития общественного разделения труда». Степень развития и формы последнего определяются чисто социальными причинами» (стр. 153). Отсюда следует, что равенство труда, находящее свое выражение в равенстве стоимостей—есть социальное равенство, социальное уравнение. Труд, образующий стоимость, представляет не физиологическую, а «общественную» субстанцию». Абстрактный труд не есть «самостоятельное» существование труда, но есть лишь его общественное существование, т.-е. выступает в качестве общественной стороны единого труда.

По мнению А. Кона, основной, решающий дефект «Очерков» И. Рубина лежит в методе, который применяет он в своей книге. А. Кон «милостиво» «приближает Рубина к марксистским позициям», но вся беда И. Рубина, по его мнению, состоит в том, что «он не отказывается от того метода, который привел его к немарксистской, насквозь идеалистической (!) теории стоимости» («Курс п. эк.», стр. 74). Мы находим, что А. Кон «прав». Именно в методе лежит «гвоздь» различных оценок марксовой теории стоимости. В чем корень ошибок А. Кона и его «единомышленников»? В чем состоит основная ошибка критиков И. Рубина? В том, что они, во-первых, неправильно пользуются абстрактным методом Маркса и, во-вторых, что особенно важно, подменяют его диалектический метод аналитическим. В своей знаменитой первой главе Маркс пишет: «Правда, политическая экономия анализировала хотя и недостаточно — стоимость и величину стоимости и раскрыла скрытое в этих формах содержание. Но она ни разу даже не поставила вопроса: почему это содержание принимает такую форму, другими словами, почему труд выражается в стоимости, а продолжительность труда, как его мера в величине стоимости продукта труда?» («Кап.», т. I, стр. 48). Маркс не из стоимости выводил труд, но из данной общественной формы труда, из данных, присущих товарному производству, производственных отношений выводил необходимость стоимости. В «труде» мы должны искать об'яснение стоимости. Именно это обстоятельство и делает «труд», образующий стоимость, центральным пунктом в марксовом учении о стоимости. Но это же методологически приводит нас к необходимости определить абстрактный труд, как социальное и историческое понятие. Этим диалектическим методом проникнута вся книга И. Рубина.

Критики «Очерков» допускают еще одну методологическую ошибку: выдают за «ортодоксию» совершенно чуждый Марксу прием «нахождения» абстрактных понятий. Исходя из того, что самые абстрактные понятия должны быть простейшими понятиями, они «находят» эти простейшие понятия научно совершенно недопустимым путем. В самом деле. Каково может быть самое простое, абстрактное понятие труда, по мнению критиков? Понятие труда «как такового». Но труд «как таковой есть безразличная, бескачественная, однородная физиологическая затрата человеческой энергии» Ergo! Найдено самое простое понятие труда, та «степень» абстракции его, которая должна «лечь» в основу политической экономии. Эта абстракция труда и есть абстрактный труд! Этот путь «отыскания» наиболее простых, абстрактных понятий в корне противоречит марксову пониманию абстрактных категорий. У Маркса абстрактные понятия вовсе не исчерпываются «простотой», у него абстрактное понятие есть простое понятие в меру. И выступает оно вовсе не как просто отвлеченная категория, но как одна из сторон конкретного. Абстрактное понятие у Маркса выступает в качестве одностороннего отображения конкретного. Поэтому с точки зрения Маркса законна лишь такая абстракция, которая отражает специфически-историческую действительность, а вовсе не «пустышка».

Чтобы не оставить никаких сомнений, на этот счет во взглядах Маркса, мы приведем несколько цитат, которые покажут это с полной очевидностью. «Метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его духовно как конкретное». (Введение «К критике пол. эк.», стр. 25). «Абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного путем мышления» (там же). Абстрактные «категории поэтому выражают формы бытия, условия существования, часто только отдельные стороны

этого (буржуазного) определенного общества» (там же, стр. 29). И в приложении к наиболее простейшей категории, труду, Маркс пишет: «Этот пример труда убедительно доказывает, как даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что именно благодаря своей отвлеченности они применимы ко всем эпохам, в самой определенности этой абстракции являются в такой же мере продуктом исторических отношений и обладают полной обязательностью только для этих отношений и внутри их» (стр. 28).

Приведенного достаточно, чтобы убедиться, что Маркс устанавливал и для понятия труда такую степень абстракции, которая, однако, была бы отражением современного товарного общества. Этому методу «нахождения» абстрактных понятий полностью удовлетворяет толкование абстрактного труда, как «буржуазного труда, отображающее общественную форму организации труда в товарном обществе».

В заключение необходимо сделать ряд частных замечаний по поводу третьего издания «Очерков». В нем И. Рубин исправил ряд неудачных формулировок, в которых не оттенялось с достаточной ясностью различие между обменом, как фазой воспроизводственного процесса, и обменом, как социальной формой производства. Эти формулировки дали повод критикам обвинить И. Рубина в наличии у него «меновой концепции», «согласно» которой он, якобы, перемещает абстрактный труд, а «стало быть» и стоимость в сферу обмена, противопоставленную сфере производства. Насколько этот упрек был не основателен по существу, показывают результаты исправления этих формулировок в третьем издании. Эти исправления не только не нарушили существа его трактовки марксовой теории стоимости, но в еще большей мере укрепляют его позицию. Но И. Рубин не ограничился исправлением этих формулировок, но дал ряд ценнейших указаний, как смотрел Маркс на вопрос о соотношении между обменом и производством. Он показал, что «производство» у Маркса имеет более широкий смысл, и «вскрыл» точное понимание Маркса в вопросе о соотношении между сферой обмена и сферой непосредственного производства. В непосредственном производстве труд товаропроизводителя выступает непосредственно частным, но посредственно, косвенно, «потенциально», «идеально» общественным трудом, и лишь в обмене он выступает как непосредственно общественный труд. Поэтому критики, потратившие столько труда доказать, что И. Рубин «меркантилист», доказывая, что стоимость и абстрактный труд есть в производстве до обмена, без обмена и т. д., и т. п., просто не усвоили себе более сложное соотношение, которое существует между производством и обменом.

В третьем издании «Очерков» И. Рубин коренным образом исправил точку зрения на «содержание» стоимости. «Содержание» стоимости им отождествлялось с материально-техническим процессом производства, а не выступало, как абстрактный труд. По недостатку места мы не имеем возможности коснуться этого существенного вопроса, но нам необходимо отметить, что И. Рубин исправил это уязвимое место его «концепции», совершенно правильно отмечавшееся рядом экономистов. В новом изложении «содержанием» стоимости выступает абстрактный труд.

Было бы крайне ценным, если бы «Очерки» получили свое дальнейшее развитие разработкой проблемы денег в связи с теорией стоимости Маркса. Учение Маркса о деньгах самым непосредственным образом примыкает к марксову учению об абстрактном труде. Разработка проблемы соотношения абстрактного труда и денег у Маркса,—кстати сказать, совершенно еще никем не затронутой,—было бы весьма ценным, новым обогащением «Очерков».

В конце книги дан в виде приложения «Ответ критикам». Этот блестящий по форме и глубине ответ дан трем экономистам (И. Дашковскому, С. Шабсу и А. Кону). В нем в полемической форме не только вскрыты грубейшие ошибки «критиков», но и изложены как его общий методологический подход, так и основы его «Очерков».

Работы И. Рубина не нуждаются в особой рекомендации. В нашей периодической марксистской литературе его работы отмечались, как работы крупного теоретического значения, написанные с присущей ему талантливостью и глубиной [1]).

Мы хотели бы указать на то значение, которое приобретают «Очерки» в настоящее время. В наших общественных науках (философия, история, политэкономия) проявляется, повидимому, достаточно «закономерно» процесс «вызревания» элементов ревизии марксизма. Наиболее резко, как и следовало ожидать, это сказалось прежде всего в философии. Борьба между диалектическим материализмом и механическим материализмом показывает эту ревизию наглядно. В политической экономии это «родственное» философии явление и идущее по тем же самым водоразделам только намечается. Но пренебрежение марксовой диалектикой будет мстить за себя и здесь. Попытки оперировать в политэкономии «анализом» неизбежно приведут и приводят уже к вульгаризации Маркса. Ревизия Маркса может итти, вообще говоря, самым причудливым образом, но известно, что вульгаризация его учения давно уже стала проторенной дорогой для ревизионизма. Пока эта вульгаризация Маркса проистекает чаще от «незнания», чем от «знания». Постольку есть, разумеется надежды сравнительно быстро и легко поправить людей. Но бесспорно, «Очерки» И. Рубина помогают преодолевать эту вульгаризацию и являются значительным средством для разоблачения и исправления этих ошибок. Книга И. Рубина поэтому приобретает, можно сказать, немалое «служебное» значение в наше время.

---

[1]) Нельзя не указать на совершенно недопустимую,—не говоря уже о существе ее.—но по форме, рецензию С. Бессонова в газете «Известия» от 30/X—28. Этот рецензент, видимо, решил действовать в политэкономии «по-шотландски», вообразив почему-то, что это и есть «марксистская» ортодоксия.

И. Мингулин.

За линию VI конгресса в американской компартии.

(Окончание. Начало статьи см. в № 2 с. г.).

VI Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала дал четкую и целостную, увязанную во всех своих звеньях—перспективу мирового развития и тактическую линию нашим партиям. Основа этой перспективы—огромное обострение противоречий капиталистической стабилизации на новой основе. На какой? На основе известного роста капиталистического производства. Было бы большой ошибкой не видеть, не полностью оценить эту новую основу. Это влекло бы к ряду тактических ошибок ультра-левого порядка, могущих стать опасными для нашего движения. Но несравненно большей ошибкой и большей опасностью было бы не видеть огромного обострения противоречий стабилизации на этой новой основе, выпирая только, или лишь даже по преимуществу черты положительные для капиталистической стабилизации с точки зрения буржуазии. Та или иная ошибка ведет к ультра-левому или к правому ликвидаторству в наших партиях и во всем Коминтерне. Мы сейчас переживаем как раз такой исторический период, отрезок развития, когда правое ликвидаторство становится особенно опасным. К этому есть ряд причин, но важнейшие, специфические вытекают из характера исторического перехода, в котором мы активно участвуем. Огромное давление об'единенного аппарата буржуазного государства, предпринимательского, реформистских профсоюзов и партий на ряду с известным ростом производительных сил капитализма путем «рационализации» и возможностью некоторого подкупа верхушек рабочего класса вносит кое-где колебания в рядах пролетариата. Они передаются и в ряды коммунистического авангарда пролетариата, особенно там и в тех слоях, где этот авангард близко соприкасается и находится под непосредственным идейным давлением реформистов, не имеет большой школы большевизации, сохранил еще большие социал-демократические и мелкобуржуазные пережитки, значительно оторван от движения наиболее угнетенных капиталистической стабилизацией самых многочисленных отрядов пролетариата. В этих особенно прослойках шаг за шагом пробивает себе дорогу такое представление, что вообще, мол, не пора ли отбросить все эти «частичные» атрибуты стабилизации, не есть ли эти атрибуты самообман, не пора ли «трезво» посмотреть в глаза действительности и сказать «смело», что капитализм идет вверх, он разрешил свои самые острые проблемы, мы оказались в просчете и т. д. и т. д. Одни высказывают это более смело, другие не договаривают до конца,—«смелость» мысли, так сказать, не распространяется на смелость речи и письма,—третьи, надеются найти какую-то середину и пр. Разумеется, отсюда, из таких положений вытекают определенные тактические выводы.

Но это лишь одна сторона, питающая правые натроения и уклоны, как и примиренчество к ним. Правая опасность отражает не только вот эти «положительные» стороны стабилизации, но и все больше ее отрицательные, растущие, новые черты. Известное развитие стабилизации с точки зрения классовых отношений достигается путем огромного усиления эксплоатации рабочего класса. В общем все больший рост так называемых «структурных» противоречий говорит об этом совершенно неопровержимо. Поскольку в основном пролетариат уже оправился непосредственно от прошлых поражений, последнее обстоятельство вызывает в его рядах все растущее полевение и революционизирование. Кое-где и кое-когда пролетариат в столкновениях с капиталом пытается переходить и даже переходит в контрнаступление при бешеном сопротивлении его реформистского руководства во всей этой борьбе. Вся эта совокупная обстановка вызывает изменение в тактике Коминтерна — класс против класса, самостоятельное руководство со стороны компартии всей борьбой рабочего класса против реформизма, об'единенного по всем линиям и откровенно с буржуазией, организация неорганизованных и новых революционных профсоюзов, где это вызывается потребностью борьбы. Все это в совокупности еще с основной и решающей всемирно-исторической важности перспективой наступившего периода мирового развития—растущей подготовкой войны со стороны империалистов—ставит как основную и центральную задачу: боевую революционную подготовку наших рядов для решающих испытаний, которые не за горами и под этим новым углом зрения, новой установкой—борьба за массы.

Конечно, для людей, которые склонны видеть только или по преимуществу «положительные» стороны стабилизации, захлебываться от технических и производственных достижений капитализма, с чего начали все блаженной памяти ренегаты, как Филипп Пройс, Ньюболд и т. д.,—все это кажется почти что ужаснейшей чепухой, чем-то крайне несерьезным, просто не научным, каким-то рецидивом ультра-левизны, как и, с другой стороны, для людей ужасно-революционных полный учет «положительных» сторон стабилизации кажется почти центризмом. Этот поворот об'ективной ситуации, как и тактики К. И., влево вызывает растущее сопротивление и колебания правых и неустойчивых (примиренческих) элементов тем более, что сам по себе поворот в тактике, как и всегда, сопряжен с большими трудностями. Борьба против правых и примиренцев становится борьбой за исторический поворот в развитии мирового пролетарского движения, в развитии Коммунистического Интернационала. Несколько торопящиеся, упрощающие вопрос «левые» настроения, питающиеся как пролетаризующимся мелким буржуа, так и непрошедшими школы классовой борьбы отсталыми прослойками пролетариата, давят с другой стороны. Если нужно в некоторых местах создать несколько новых профсоюзов, то правые говорят: ни одного и нигде, а «левые» требуют много и во многих местах. В самой об'ективной ситуации заложены оба уклона, обе опасности, но, главным образом, правая опасность растущая, новая по своим чертам, конкретным лозунгам, требующая высокого идеологического уровня и большего теоретического и революционного воспитания партий для борьбы и преодоления. Поэтому конгресс выдвинул лозунг борьбы на два фронта с главным огнем направо. Правая опасность есть прежде всего опасность ликвидаторская—в этом решающее обстоятельство.

Само положение американского капитализма, как и специфические условия зарождения и развития нашей американской компартии, говорят о том, что вопрос о правой опасности стоит в ней с неменьшей серьезностью, чем во всем Коммунистическом Интернационале. Но вопрос значительно осложняется тем, что сама подавляющая часть руководства партии, совершавшего в целом примерно до кануна конгресса ряд правых ошибок, после

конгресса определенно обнаружила тенденцию к углублению своих правых ошибок, тенденцию к превращению их в систему правых ошибок, тенденцию развития вправо. Под этим углом зрения необходимо рассмотреть достижения и недочеты партии и ее внутрипартийное положение.

II.

Достижения и недочеты в развитии Уоркерс Парти Америки.

Положение и задачи нашей партии определяются следующими моментами:

а) Наличие самого могущественного империализма в мире и соответствующего ему реформизма.

б) При 30 милл. рабочих в стране Уоркерс Парти насчитывает только около 10 тыс. членов партии, подавляющее большинство которых не принадлежит к числу уроженцев Америки и имеет весьма слабую связь с основными категориями рабочего класса.

в) Начавшееся революционизирование рабочих масс и обострение классовой борьбы в то время, как Уоркерс Парти еще остается весьма слабой и раздирается гибельной фракционной борьбой.

г) Несмотря на чрезвычайно неблагоприятные условия об'ективного характера, а также несмотря на неудовлетворительное внутрипартийное положение, Уоркерс Парти играла руководящую роль в целом ряде крупных столкновений и выступлений рабочего класса в борьбе с капиталом (стачки и локауты) и американским империализмом (кампания в защиту Сакко и Ванцетти и т. д.).

Совершенно очевидно, что основное звено при нормальном развитии партии и правильной политике, заключается в установлении тесного контакта с коренными рабочими Америки, занятыми в основных отраслях промышленности. В этом отношении положение нашей партии крайне неудовлетворительно. Если добавить к этому, что процент рабочих в составе руководства гораздо меньше, чем в составе всей партии, то надо сделать следующие выводы:

а) работа партии среди рабочих, занятых в основных отраслях промышленности, неудовлетворительна.

б) Выдвижение рабочих в состав руководящих органов партии весьма недостаточно.

Партия сумеет стать истинно коммунистической и большевистской организацией и стать фактором революционизирования масс только в том случае, если социальный состав партии и ее руководства, начиная с бюро ячеек и кончая ЦК и Политбюро, будет иметь большинство из рабочих, по преимуществу занятых в основных отраслях промышленности.

Определенный сдвиг в сторону революционизирования масс, неизбежное дальнейшее развитие этого процесса под все растущим давлением капиталистической рационализации и милитаризма, все более реакционная политика реформизма,—все это уже создало и создает благоприятные об'ективные условия для работы и развития нашей партии. Массы уже обнаружили способность вести героическую и ожесточенную борьбу с капиталом (горняки Колорадо, Пенсильвании и Огайо, текстильщики Пассайка и Нью-Бедфорда, швейники и т. д.). Политический результат этой борьбы в период открытого об'единения реформистов с предпринимателями, заключается в том, что она все более и более принимает характер борьбы вопреки и через головы реформистских вождей; что она подрывает влияние этих вождей и все более проходит под влиянием и непосредственным руководством коммунистов.

Успехи, достигнутые движением и конференциями в защиту трэд-юниона горняков, кампания по организации новых трэд-юнионов и в других отраслях промышленности, комитеты движения безработных, находящиеся под руководством коммунистов,—все это ясно указывает на настроения масс в области профдвижения. Отклик масс во время кампаний в защиту Сакко и Ванцетти и «Руки прочь от Китая», также показал, что увязка частичной экономической борьбы с общими революционными лозунгами значительно содействует прояснению революционной классовой сознательности широчайших масс пролетариата.

Эти основные достижения партии надо рассматривать как **начало** проникновения партийного влияния в широкие массы и превращения партии из пропагандистской организации в партию политической борьбы.

В ряде своих писем и резолюциях Коминтерн уже обращал внимание партии и на многие и серьезные **недочеты и ошибки** в ее работе. VI Конгресс Коминтерна в своей резолюции о международном положении и задачах Коминтерна указал на целый «ряд правых ошибок» по отношению к социалистической партии, в деле организации Лейбор Парти, в недостаточно энергичной работе партии по организации неорганизованных и негров; указывалось на то, что партия не ведет достаточно четкой и энергичной борьбы с воинственным империализмом Соед. Штатов в Латинской Америке; на практикование партией методов буржуазной политики и приспосабливание к критике К. И., вместо серьезной самокритики.

В последнее время некоторые из этих ошибок и недочетов были смягчены или преодолены, другие, наоборот, углублены и к ним прибавилось много новых ошибок.

Что наша партия еще продолжает прибегать к методам, применяемым буржуазными политиками, к рекламе и самовосхвалению, видно из того, в каком духе большинство ЦК недавно приняло и толковало резолюцию VI конгресса и Политсекретариата по вопросу об американской партии (письмо Политсекретариата от 21. XI. 1928 г.).

Несмотря на значительные успехи, достигнутые в деле организации неорганизованных, руководство партии, повидимому, еще не осознало в полной мере важность этой работы и не выработало до конца правильной политики в этой области. Это обнаруживается в недостаточной поддержке, оказываемой аппарату Лиги Профсоюзной Пропаганды и недостаточно энергичной политике в деле организации неорганизованных, образования новых трэд-юнионов, руководства забастовками и т. д.

Что касается аграрного вопроса, то чрезвычайно важная проблема работы, среди сельскохозяйственных рабочих и фермеров стоит совершенно на заднем плане, чтобы не сказать хуже. Такое положение совершенно недопустимо для коммунистической партии.

Накануне VI конгресса Коминтерна, фракционная борьба в рядах партии снова разразилась с небывалой силой. В результате этого партия приняла весьма слабое участие в работе VI конгресса Коминтерна. Поэтому всемирный конгресс не оказал существенного влияния на партийную жизнь. Это стало возможным благодаря резкому отграничению обсуждавшихся на конгрессе общих вопросов от вопросов, непосредственно касающихся американской партии. В результате этого каждая группировка в рядах партии истолковывала постановления конгресса по-своему. Дискуссия вокруг постановлений VI конгресса на основе широкой критики снизу, как средство для преодоления внутрипартийных разногласий, для выработки четкой большевистской линии, была заменена произвольным и фракционным истолкованием этих постановлений, что лишь еще более обострило борьбу внутри партии. Это истолкование не раз'яснило, а, наоборот, затемнило в умах членов партии смысл постановлений всемирного конгресса. Усилия партии и ее

руководства были преимущественно затрачены на внутреннюю борьбу, и это серьезно затормозило мобилизацию партийных сил во время президентских выборов.

Наконец, эта борьба привела к внезапной вспышке троцкизма в рядах партии.

Таковы основные ошибки, допущенные руководством партии и самой партией; таковы основные недочеты в партийной работе.

Эти недочеты в работе партии, ошибки, допущенные ее руководством, развитие фракционной борьбы, троцкистское выступление Кеннона, на ряду с все более настоятельно выдвигаемой задачей перед партией, диктуемой всей об'ективной обстановкой в С.-А. Соед. Штатах, всем послевоенным развитием американского империализма,—в *кратчайший срок* превратиться из численно небольшой пропагандистской организации в массовую политическую партию рабочего класса Америки,—все это заставляет поставить вопрос о положении в американской партии во всей его серьезности. Несомненно, что нынешний кризис партии и прежде всего руководства является кризисом *роста партии*. Об этом свидетельствует развитие об'ективного положения, об этом свидетельствует растущее влияние партии среди масс, об этом свидетельствует тот факт, что *за последнее время внутренняя борьба концентрируется вокруг решающих, принципиальных вопросов Коммунистического Интернационала*.

Основная особенность нынешнего периода, характеристику которого дал VI конгресс Коминтерна, заключается в том, что мы *уже вступили* в период грандиозного обострения внутренних и внешних противоречий капиталистической стабилизации. Это обстоятельство создает поворот в развитии наших партий. Некоторые наши партии прошли значительную часть, другие начали проходить этот сложный переходный период. Уоркерс Парти Америки *еще не прошла через этот период*. Предстоящий с'езд должен ознаменовать собой решающую фазу развития партии в этом направлении, он должен заложить основы понимания партией нового периода развития, новых задач. Вопрос о правой опасности и примиренческом отношении к ней, непосредственно связан с этим поворотом. Правая опасность и примиренчество означают именно это нежелание освоиться с новыми условиями и задачами, попытку удержаться на старых позициях, т.-е. толкать движение назад, к тем позициям, которые при новых условиях и перед лицом новых задач являются явно оппортунистическими. На данном этапе развития это требует соответствующего изменения характера, содержания, направления и формы тактической линии нашей партии, как и всех партий Коммунистического Интернационала. Эта потребность приспособления к новым условиям и задачам начала ощущаться в партии в последнее время. Она не ощущалась с такой остротой, как в других наших главных партиях. Но острота этой потребности все больше росла в силу ряда условий более общих и более частных.

а) Условия создания и развития нашей партии с огромным давлением на всю ее деятельность глубоко в'евшегося в ее организм наследия кружковщины и цеховщины, борьбы групп, группочек и фракций, отражавших интересы и привычки самых разнообразных социальных и национальных групп в партии, мешали партии ее руководству сомкнуться широким фронтом с массами рабочего класса, по-ленински отражать ее развивающиеся потребности революционной классовой борьбы.

б) Общий социальный состав партии без преобладания коренных промышленных пролетариев в ее рядах и особенно в руководстве мешали преодолению этих исторически сложившихся недостатков развития нашей партии, и, наоборот, иногда еще больше усугубляя эти недостатки.

в) Почти безраздельное господство могущественнейшего американского империализма и самого цинично-реакционного представителя завершенной рабочей аристократии,—американского реформизма—над идеологией рабочего класса Америки при этих условиях создавало наибольшее количество шансов для проникновения в ряды коммунистической партии элементов оппортунизма, коррупции и мелкобуржуазной левизны, быстро перекрашивающейся в крайний оппортунизм—и наоборот.

Совокупность этих условий создавала в партии на всем ее развитии крайнюю *неустойчивость внутрипартийной ситуации*: с одной стороны, правый уклон и ошибки, с другой, ультралевый уклон и ошибки. Понятно, что в переломный период рабочего движения и развития коммунистической партии все эти недостатки должны были выявиться с особой остротой (и понятно, что без их преодоления невозможен этот перелом в партии). Этому способствовало в значительной степени и то обстоятельство, что партийное руководство в ответ на неоднократную критику ИККИ вместо широкого обсуждения в рядах партии ошибок ее и ее руководства действовало узко-бюрократическим путем, «принимая с удовлетворением» критику К. И. и считая этим ошибки исправленными. Это делалось без широкой идейно-политической кампании вокруг ошибок партии и естественно не могло удовлетворить одному из основных условий развития большевистской партии,—учиться на ошибках, чтобы массы из учета опыта совершенных ошибок подымали свою сознательность и активность. К тому же часто враждующие фракции в своих целях использовывали и приспособлялись к «кон'юнктуре» в К. И. Принципиальная политика заменялась беспринципным политиканством. Слишком легкое принятие критики, слишком поспешный отказ от ошибок, их слишком быстрое бюрократическое исправление обнаруживают чаще всего лишь беспринципность или не слишком глубокую принципиальность и поэтому часто не лучше, чем настаивание на ошибках.

Каково же внутрипартийное положение партии с точки зрения этого поворота?

III.

Внутрипартийное положение в американской компартии, борьба против главного, правого уклона и примиренчества к нему и борьба против ультра-левизны и троцкизма.

Фракционная борьба в американской компартии, идущая в ней почти с первых дней ее создания, в настоящее время разгорелась с необычайной остротой. Партийное развитие парализуется внутрипартийной борьбой. Эта борьба начинает принимать принципиальный характер в силу развития внутрипартийного положения во всем Коминтерне, в силу развития классовой борьбы в самой Америке. И дальше, повторение одних и углубление других ошибок большинством, настаивание (или неотказ) меньшинством на своей оговорке к пункту резолюции VI конгресса по американскому вопросу, взрыв троцкизма в партии, который использовывает ошибки и оговорки обеих групп,—все это, отнюдь не исключая беспринципность или недостаточную принципиальность борющихся групп, придает сугубо принципиальное значение самой происходящей внутрипартийной борьбе.

Развитие событий после VI конгресса Коминтерна полностью подтвердило его тезис о том, что главной опасностью во всем Коминтерне стала и становится правая опасность. Без понимания этого основного внутрипартийного тезиса невозможна сейчас правильная линия компартии. Этот тезис конгресса относится ко всем секциям КИ и во всяком случае к крупнейшим его партиям. И, во-вторых, как видно из его формулировки, он не является

чем-то кон'юнктурным, а соответствует всей природе целого предреволюционного периода развития и сообразной тактике КИ.

К нашей Американской компартии этот тезис также относится полностью и сугубо. Условий для правой опасности в Американской компартии не меньше, чем в других основных партиях КИ. Эти условия, указанные выше, усугубляются еще следующими:

а) темп и глубина полевения рабочих масс в Америке слабей, чем в Европе.

б) поэтому Американская К. П. еще лишь начала проходить испытательный период;

в) несмотря на это, она уже успела совершить на первых ступенях этого поворота, - как отметил конгресс,—ряд правых ошибок;

д) главная ответственность за совершение этих ошибок, особенно после конгресса, падает на большинство ЦК;

и) руководство партии даже после конгресса не могло освободиться от этих ошибок, а некоторые из них непростительно углубило;

е) в Американской партии большевистские традиции очень слабы, она не имела революционных испытаний, которые закаляют и чистят партии, в ней еще поэтому велик тяжелый груз прошлого.

Совокупность этих условий делает правую опасность главной в нашей партии и в Америке; борьба против нее должна быть в центре внутрипартийной жизни. На этой борьбе, на основе глубокой самокритики, полного идеологического разоблачения правых настроений и уклона, партия по-революционному об'единит и закалит свои ряды. Все лучшие элементы партии, все рабочие-коммунисты должны сплотиться в этой борьбе.

Самое опасное для наших партий—недооценить правую опасность. Сущность правого уклона, как и всякого оппортунизма, есть большая способность к приспособлению, способность молчать или выступать, лишь нащупывая почву до поры до времени, до благоприятного момента.

Ленин всегда указывал и учитывал эту черту откровенного оппортунизма. «Когда говорят о борьбе с оппортунизмом,—писал он в «Шаг вперед, два назад»,—не следует никогда забывать характерной черты всего современного оппортунизма во всех и всяческих областях: его неопределенности, расплывчатости, неуловимости. Оппортунист, по самой своей природе, уклоняется всегда от определенной и бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьется ужом между исключающими друг друга точками зрения, стараясь «быть согласным» и с той и с другой, сводя свои разногласия к поправочкам, сомнениям, к благим и невинным пожеланиям и проч.».

Уроки событий в германской компартии наглядно показали, как эти элементы умеют вести работу тихой сапой до удобного для их выступления случая, как они в этот момент пытаются об'единить против партии все колеблющиеся элементы. Поэтому полностью понять правую опасность, как имеющую глубокие корни в прошлом и настоящем рабочего движения, понять специфические методы и пути ее развития и работы, выступлений против партии, борьбы внутри нее против правильной линии — есть необходимейшее условие дальнейшей большевизации наших партий, есть условие нашей победы над реформизмом. Разоблачение и борьба против правой опасности не может быть успешной и совершенно недостаточна чисто идеологическим путем. Только правильная и конкретно-революционная политика на всех своих звеньях практической и идеологической работы может разоблачить правую опасность и мобилизовать в борьбе против нее партийные массы. Только так партия может преодолевать ее. Всякое уклонение от этой линии есть примиренчество по отношению к правым. Надо понять решающее, что сила оппортунизма есть сила капитализма-империализма.

Коминтерн отметил наличие в А. К. П. ультра-левых элементов и ошибок, в том числе и товарищей из меньшинства. Эти «левые» уклоны, между прочим, выражаются:

а) в том, что тт. из меньшинства не соглашаются с анализом ситуации в Америке, данным VI конгрессом К. И.;

б) в недооценке резервных сил американского капитализма и переоценке глубины и значения кон'юнктурных депрессий;

в) в переоценке полевения рабочих масс и недооценке силы американского реформизма;

г) в недооценке успехов партии в ее руководстве массовой борьбой;

д) в недооценке троцкистской опасности для партии.

В совокупности все это выражает тенденцию к упрощенной, ультра-левой постановке вопросов тактики и этим фактически сдает позиции перед империализмом и реформизмом. К отдельным ультра-левым ошибкам и к ультра-левым уклонам в целом применима поэтому характеристика Ленина—оппортунизм наизнанку.

Не случайно, между прочим, что теперешний взрыв троцкизма в партии нашел своих вождей и приверженцев в рядах меньшинства. Эта неслучайность об'ясняется в основном следующими обстоятельствами:

а) руководство американской компартии делает ряд правых ошибок и несколько примиренчески относится к правой опасности, поэтому борьба против партии, в чем состоит одна из черт троцкизма, была наиболее целесообразна в виде атак на нее «слева»;

б) меньшинство Американской партии, которое критикует ее руководство слева и «слева» впадает в некоторые оценки положения партии и ее руководства с полутроцкистскими тенденциями и создает этим для троцкистской критики партии «слева» благоприятную обстановку.

в) крайне правое откровенно оппортунистическое течение в партии не имеет еще достаточно подготовленной идеологической базы, эта идеология не создала еще серьезной опоры в сколько-нибудь значительных массах партии, поэтому неверие в партию, в чем состоит вторая характерная черта троцкизма, могло найти сколько-нибудь подготовленную базу в критике меньшинства партии;

г) в американской партии троцкизм уже не раз был платформой крайне-правых (явных ренегатов), поэтому борьба против партии под флагом троцкизма могла об'единить элементы и крайне правые и крайне «левые»;

д) сущность троцкизма: она состоит в двух основных чертах—неверие в партию и борьба против партии, при этом содержание его платформы в зависимости от исторической ситуации варьирует от крайне левых положений до полу-социал-демократических и контрреволюционных. Поэтому история троцкизма богата самыми беспринципными и причудливыми блоками. В последний период своего развития троцкизм все время критикует партию и К. И. «слева». Это об'ясняется тем, что троцкизм, окончательно разоблаченный Лениным, как полуменьшевистское течение, не имел бы никаких шансов на кадры партий, выступая как откровенно полуменьшевистская партия. Во-вторых, троцкизм рассчитывает на некоторое усиление ультра-левых настроений в партиях, созданных отступательными и оборонительными манерами после поражений 1923 г. и в первый период стабилизации капитализма.

Из всего этого в сочетании с социальным составом и историческими условиями развития партии следует что троцкизм имеет некоторые возможности в нашей партии. В данный момент партия должна прежде всего ликвидировать возможность развития троцкизма в своих рядах. Необходимой предпосылкой к этому является исправление всех ошибок большинства и меньшинства и ликвидация недочетов в работе и развитии партии, которые отмечены выше. Немедленно должны быть сняты всякие оговорки со стороны

большинства и меньшинства к тезисам VI конгресса К. И. о мировом положении и задачах К. И. Курс партии должен быть выправлен. Никаких правых ошибок. Партия и ее руководство должны быть орабочены. Огонь партии должен быть направлен против реформизма. Партия энергичней должна работать в массах, среди неорганизованных (важнейшее практическое и политическое звено), среди негров. Это есть важнейшие условия борьбы против опасности войны и американского империализма.

При постепенном, но решительном и систематическом устранении недочетов и ошибок в работе и развитии партии, при решительном и большевистском исправлении ошибок большинства и меньшинства, при мобилизации всех сил партии и особенно ее пролетарского ядра на основе беспощадной самокритики партия с успехом ликвидирует внутрипартийный кризис, поведет борьбу на два фронта внутри и вне партии и обеспечит свое единство, сделав решительный поворот в своем развитии и поднявшись на историческую ступеньку выше. Партия должна взять как свой боевой девиз указание Ленина о связи фракционности в партии с ее социальным составом. В предисловии к сборнику «За 12 лет» Ленин писал: «расширение партии пролетарскими элементами одно только может, в связи с открытой массовой деятельностью, вытравить все унаследованные от прошлого и не соответствующие задачам настоящего следы кружковщины».

IV.

Предс'ездовский декабрьский пленум ЦК партии, тенденции в развитии большинства и меньшинства, наши задачи.

Таково было положение в партии примерно до кануна предс'ездовского декабрьского пленума ЦК партии. Это положение уже было серьезным. Но развитие накануне пленума и работы самого пленума показали на ряду с правильностью данного выше анализа, насколько быстро идут сдвиги в партии, насколько сильно давление оппортунистической идеологии на партийное руководство. Скажем прямо, большинство ЦК ответственное за руководство партией, представило к пленуму такие тезисы о политическом положении и задачах партии, которые в некоторых решающих пунктах находятся просто-напросто вне коммунистической критики, общая линия которых идет прямо в разрез с линией и решениями VI конгресса К. И. В связи с этим необходимо специально остановиться на предпленумских и пленумских документах. Такими политическими документами, которые нельзя обойти при анализе партийного положения, мы считаем следующие: а) статьи Пеппера («Коммунист») по колониальному вопросу, якобы об'ясняющие линию VI конгресса, б) статью Пеппера о результатах президентских выборов, якобы представляющую их классовый анализ («Дейли Уоркер»), в) статью Ловстона—секретаря партии—о тех же результатах выборов в «Коммунисте», XII—1928 г., г) передовую в «Д. В.» о тех же выборах, д) статью т. Вульфа, зав. АПО ЦК и члена Политбюро ЦК—о правой опасности в К. И. в «Коммунисте», XII—28 г., е) доклад тов. Ловстона об итогах VI конгресса, напечатанный в «Коммунисте», XI—28 г., ж) ряд резолюций и корреспонденций партийных организаций и членов партии в связи с предпленумским развитием, з) обращение большинства ЦК от 16—XI о борьбе против троцкизма и правой опасности, и) платформа того же большинства ЦК от 7—XII в связи с открытием предс'ездовской дискуссии, к) проект тезисов большинства, принятый пленумом, о мобилизации партии для борьбы против правой опасности и троцкизма, л) проект тезисов большинства, представленный Пеппером, Ловстоном и Гитлоу и принятый пленумом об экономическом и политическом положении и задачах партии, м) платформа меньшинства ЦК от 7—XII в связи с открытием предс'ездовской дискуссии и н) тезисы о задачах партии, представленные меньшинством пленуму ЦК и отвергнутые им.

Понятно, что даже подробный лишь в рамках крайней необходимости анализ этих документов потребовал бы слишком много времени. Поэтому мы возьмем лишь основные установки этих документов и важнейшие их моменты. При этом надо сообщить, что наши американские товарищи любят писать ужасно длинно (чем отчасти и об'ясняется размер нашей статьи), например, основные тезисы большинства и меньшинства к пленуму занимают каждые в отдельности ровным счетом по 4 убористых страницы американского газетного формата. Трудно представить себе рядового члена партии, который, преодолев такие махины, критически сопоставил бы их содержание. Впрочем, говорят, что эти тезисы пишутся больше для Коминтерна.

Мы возьмем постановку и анализ большинством, главным образом, и меньшинством таких вопросов, как мировое положение, правая опасность, военная опасность, положение Америки и некоторые другие вопросы.

Тезисы большинства ЦК не дают непосредственного анализа мирового положения. Казалось бы, что после VI конгресса, когда вопрос о мировом положении стал одним из важнейших вопросов борьбы с правыми и примиренцами, большинству ЦК, за которым есть «ряд правых ошибок», которое атакуется в партии как правое течение, надо было бы определить свое отношение к этому вопросу. Казалось бы дальше, что с'езду партии после всемирного конгресса надо было бы дать тезисы, раз'ясняющие прежде всего, линию и решения конгресса и развитие этой линии после конгресса. Но и этого нет в тезисах. Есть несколько замечаний о конгрессе, но не они составляют стержень тезисов. Поэтому приходится для определения отношения большинства к мировому положению, как и к линии К. И., итти косвенным путем. Например, определенная постановка вопросов о правой опасности, о военной опасности, определенный анализ положения американского империализма означают и определенное отношение к мировому положению и тактике К. И.

1. Мировое положение.

Это важнейший и центральный вопрос.

а) Мировое положение и правая опасность.

Тезисы ЦК и о политическом положении и о борьбе против уклонов дают неправильную постановку вопроса об источниках правой опасности в Коминтерне, т.-е. неправильное толкование основной линии VI конгресса. Обе резолюции формулируют этот вопрос следующим образом:

> «Правая опасность имеет свои корни в частичной стабилизации капитализма, влиянии социал-демократии и профсоюзной бюрократии. Будучи все время опасностью рабочему революционному движению, правая опасность становится в период угрозы мировой империалистической войны величайшей и наиболее актуальной из всех опасностей».

Здесь дано неправильное понимание правой опасности. Это не случайно, ибо такое же понимание более развернутое дано в выступлениях и статьях ряда руководящих товарищей из большинства до пленума (например, в статье т. Вулера см. «К. И.» № 3). Из тезисов VI конгресса совершенно ясно, что правая опасность становится главной и ее корни находятся в об'ективном повороте в мировой ситуации влево, прежде всего, в обострении классовой борьбы, в связи с этим в повороте тактики КИ влево в необходимости направить главный огонь вправо, чтобы осуществить этот исторический поворот. В анализе тезисов ЦК это главное, специфическое и новое в современной ситуации совершенно отпало. Вместо этого фигурирует положение о частичной стабилизации и влиянии реформизма, что является

вообще источником всяческих уклонов в наших партиях. Кроме этого, указывается на опасность войны, но без всякой связи с обострением классовых противоречий и полевением масс. Даже в тезисах, специально посвященных вопросу об уклонах, поставлена лишь одна фраза об «обострении классовой борьбы». Это показывает, что ЦК неправильно толкует основной вопрос о правой опасности и мировом положении, поскольку последний связан с первым. Эта ошибка идет по линии смазывания внутренних—классовых, между пролетариатом и буржуазией—противоречий империализма.

б) Мировое положение и опасность войны.

Нигде в тезисах нет хотя бы фразы о том, что острие военной опасности направлено против СССР. Эта последняя опасность трактуется, между прочим, довольно платонически и не как центральная опасность. Так точно ставят вопрос и германские примиренцы. Начинаются тезисы, и в центре их стоит опасность англо-американской войны. Это заранее исключает правильный анализ и выявляет неправильное понимание мирового положения. Если недооценка мировой опасности вообще есть правый уклон, то сугубо правым уклоном является недооценка военной опасности против СССР, выпячивая относительно угрозу войны между империалистами. Это неизбежно связано с правой оценкой мировой ситуации (вообще оппортунистическим пониманием послевоенного развития мирового капитализма) и прежде всего оценкой обострения классовых противоречий и борьбы. Это противоречит ленинскому положению по этому вопросу, являющемуся стержнем тезисов VI конгресса о мировом положении.

в) Мировое положение и ситуация американского империализма.

Как будет показано дальше, тезисы большинства впадают в такую переоценку резервной мощи американского империализма, которые—резервы—могут дать основу для долголетнего под'ема не только американского, но и всего мирового империализма.

г) Америка и Европа.

Тезисы большинства здесь становятся на троцкистскую платформу всемогущества американского империализма, теории «пайка» в отношениях Америки с Европой. Стержнем анализа является не обострение борьбы между империалистическими странами и, в частности, Европы с Америкой на основе неравномерного развития, известного под'ема европейского капитализма на основе жесточайшей эксплоатации масс, относительного укрепления позиции Европы по сравнению с Америкой за предыдущие годы стабилизации, а, наоборот, Европа зависит от Америки, Америка господствует над ней, и борьба ее с Европой есть победа за победой американского империализма.

Тезисы несколько раз утверждают, что «экспорт американского капитала был и есть основа стабилизации европейского капитализма». Даже Троцкий так резко не формулировал теорию «пайка».

Говоря об англо-американской борьбе, тезисы прямо заявляют, что эта борьба сводится к тому, что Англия терпит постоянные поражения, а Америка победы в каждой части света «от Латинской Америки до Польши и Балкан» (язык-то какой, прямо поэзия!). Характер этой борьбы тезисы прямо формулируют так: «Удар следует за ударом в этой борьбе».

Если с этим сопоставить анализ, данный тезисами положению американского капитализма и такому противопоставлению его положения с положением европейского капитализма: «в то время как правая опасность в европейских коммунистических партиях имеет свои корни в частичной стабилизации капитализма, в Америке его об'ективная база, есть мировая гегемония американского империализма»,—то совершенно ясна концепция тезисов; существует кризис не мирового капитализма, а европейского лишь. Эта концепция господствует в головах большинства ЦК как предпосылка всей их линии вообще и оценки мирового положения в частности.

д) Общая теоретическая предпосылка тезисов.

Анализ мирового положения тезисов большинства ЦК противоречит анализу, данному VI конгрессом в важнейших пунктах: экономика, политика, военная опасность, классовые противоречия, правая опасность, взаимоотношения Европы и Америки. Понятно поэтому, что в тезисах как о борьбе рабочего класса, так и угнетенных народов против империализма сказано весьма платонически и неконкретно.

Теоретически все это выражается в постановке вопроса о внутренних и внешних противоречиях и теории американской исключительности. Последняя формулируется просто и опирается на грубо понимаемую теорию «пайка» Троцкого, ибо как раз согласно этой теории Америка господствует над мировым кризисом, и лишь в теоретическом будущем этот кризис ударит и по Америке, но опять-таки не в смысле втягивания Америки в рамки мирового кризиса, его противоречий, а в том смысле, что рост могущества Америки натолкнется, как на предел, на гнилое мировое положение и, в частности, положение Европы. Мы исходим из совершенно иной концепции. Сложней с первой теорией.

Тезисы упорно подчеркивают «праймаси» (первенство) внешних противоречий над внутренними и считают, кто этого не видит и не понимает, тот недооценивает военную опасность. Тов. Ловстон в своем докладе об итогах VI конгресса выразил это положение еще резче, формулировав вопрос так: «Внутренние противоречия вырастают из внешних».

Это есть суть вопроса. Постановка вопроса в тезисах типично-оппортунистическая. Как раз оппортунисты, и Каутский в том числе, ставят вопрос по-ловстонски. При такой постановке для коммунистов-марксистов остается нерешенным один маленький вопрос—откуда же растут внешние противоречия? Реформисты на этот вопрос отвечают просто и по-реформистски, что они есть результат плохой политики, а вот, мол, «захват власти» социал-демократическими правительствами и развитие Лиги Наций принесет победу ультра-империализму, ибо внутренние противоречия растут из внешних, а внешние из Болдуинов, Гуверов, Пуанкаре и т. д. Эта концепция означает, что противоречия между Болдуином и Гувером основные, а между ними и горняками второстепенные, между Англией и Америкой основные, а между Англией—Америкой и СССР второстепенные. Чтобы не углубляться дальше, укажем просто, что Маркс весьма толково раз'яснил этот вопрос о внешних и внутренних противоречиях в третьем томе «Капитала».

Так как этот вопрос о внешних и внутренних противоречиях капитализма является одним из важнейших теоретических вопросов нашего движения, который приобрел в последнее время центральнейшей важности политическое значение в связи с борьбой и полемикой с социал-империалистами по вопросу о военной опасности, то мы, отнюдь не пытаясь разрешить его в этой статье, хотим лишь указать на некоторые моменты, как нам кажется, решающего значения. Это тем более необходимо, что вопрос этот занял одно из центральных мест и в борьбе с правой опасностью и примиренцами. Постановка большинством американского ЦК этого вопроса показывает, что тут есть большая путаница и большое давление реформистской идеологии.

Теоретически с точки зрения марксизма и ленинизма совершенно ясно, что принципиальным, т.-е. основным и решающим, противоречием капитализма является противоречие между пролетариатом и буржуазией. С этой точки зрения внутренние противоречия капитализма, внутренние противоречия империализма являются основными, а противоречия внешние, т.-е. противоречия различных флангов буржуазии, его различных национальных секций являются производными, определяемыми первыми противоречиями.. Это совершенно ясно. Именно такую постановку вопроса давал Маркс, анализируя экономику капитализма. Достаточно посмотреть том третий «Капи-

тала», часть I, отдел третий—«О законе тенденции нормы прибыли к понижению», главу XV—«О развитии внутренних противоречий закона», чтобы убедиться в этом.

Уже в общих замечаниях Маркс дает самые общие законы капиталистической экспансии, которая и приводит к росту внешних противоречий капитализма и империализма. Из основного характера капиталистического общества и производства вытекает то, что «условия непосредственной эксплоатации и условия ее реализации не тождественны. Они не совпадают не только по месту и времени, но и в понятии. Первые ограничены только производительной силой общества, вторые—пропорциональностью различных отраслей производства и потребительной силой общества. Но это последнее определяется не абсолютной производительной силой и не абсолютной потребительной способностью, а потребительной способностью на основе антагонистических отношений распределения, которые сводят потребление огромной массы общества к минимуму, изменяющемуся лишь в более или менее узких границах. Она ограничена далее стремлением к накоплению, стремлением к увеличению капитала и к производству прибавочной стоимости в расширяющемся масштабе. Таков закон капиталистического производства, диктуемый постоянными революциями в самих методах производства, обесценением имеющегося капитала, постоянно сопровождающим такие перевороты, всеобщей конкурентной борьбой и необходимостью совершенствовать производство и расширять его масштаб ради одного только сохранения и под угрозою гибели. Поэтому рынок должен постоянно расширяться, так что взаимозависимость рыночных отношений и определяющие ее условия все более принимают характер независимого от производителей естественного закона — все более ускользают от контроля. Внутреннее противоречие стремится найти себе разрешение в расширении внешнего поля производства. Но чем больше развивается производительная сила, тем более впадает она в противоречие с тем узким базисом, на котором покоится потребление...» и т. д. Далее в другом месте Маркс с этим законом связывает создание капитализмом «соответствующего ему мирового рынка». И, говоря о предпосылках кризисов при капитализме, Маркс указывает:

«Огромная по сравнению с населением производительная сила, развивающаяся при капиталистическом способе производства, и возрастание капитальных стоимостей («не только их материального субстрата»), которые увеличиваются хотя и не в такой пропорции, но все же быстрее, чем население, противоречат все более суживающейся, по сравнению с ростом богатства, основе, на которой действует эта огромная производительная сила, и условиям увеличения стоимости этого все нарастающего капитала. Отсюда кризисы».

Отсюда, как и из генезиса капитализма, анализа его исторического развития, общая принципиальная постановка вопроса совершенно ясна. Внутренние, между основными двумя классами, противоречия, их развитие определяют всю историю и судьбы капитализма. Но прежде, чем пойти дальше, поставим такой вопрос. Некоторые думают, что сказанное здесь относится лишь к капитализму, но не к империализму, развитие которого, как и развитие мирового хозяйства, вызывает какие-то новые законы. И методологически и принципиально это совершенно неправильно. Ленин в своем «Империализме» неоднократно подчеркивал, что «империализм вырос, как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще». И именно в полном согласии с этим ставит вопрос и программа Коминтерна.

«Этот новый исторический период (империализм. *И. М.)* возник на основе важнейших законов движения капиталистического общества. Он вырос из развития промышленного капитализма, как его историческое продолжение. Он обострил проявление всех основных тенденций и законов движения капитализма, всех его основных противоречий и антагонизмов».

Совершенно очевидно, что если в постановке этого вопроса есть какая-либо разница между империализмом и капитализмом, а она есть, то лежит эта разница в иной плоскости. Вопрос стоит как раз наоборот. Эта постановка Маркса приобретает при империализме сугубо важное значение. Эта постановка выявляет всю свою силу и наглядным образом, как закон исторического предела развития капитализма, именно при империализме, как последнем этапе капитализма. Маркс именно так и ставит вопрос, когда он говорит об «исторических границах» капитализма. Да это вытекает и из приведенных выше цитат, когда Маркс говорит о необходимости «совершенствовать производство и расширять его масштаб ради одного только сохранения и под угрозою гибели». Особенно это подчеркивается там, где Маркс указывает, что «чем больше развивается производительная сила, тем более впадает она в противоречие с тем узким базисом, на котором покоится потребление». Именно это противоречие при империализме доходит до революционного пункта. Эти противоречия в экономике, их законы развития в области надстройки, в области классовых отношений, общественно-политических отношений вообще, находят свое главное выражение, во-первых, в борьбе двух основных классов капиталистического общества, между пролетариатом и буржуазией, и, во-вторых, в борьбе между различными национальными секциями буржуазии, империализма.

Чтобы закончить, надо в связи с этим остановиться еще на одном вопросе.

Тезисы большинства ЦК сочли почему-то необходимым коснуться общего вопроса о предпосылках кризисов при капитализме. Вернее сказать, не почему-то, а в связи с одним совершенно оппортунистическим положением, что, якобы, для американского империализма не существует противоречия между ростом производства и ограниченными рынками. Не будем говорить, что эта чудовищная оппортунистическая нелепица стоит вообще вне рамок большевистской теоретической и политической внутрипартийной критики. Но мы привлекли этот вопрос для другой цели. В связи с этим «исключительным» законом американского империализма тезисы выставляют такой общий для капитализма закон, что «диспропорция между производством и потреблением есть часть общей диспропорции различных отраслей капиталистического производства». Что сие положение означает в такой связи? Случайно ли, например, что теоретики германской социал-демократии сейчас с особенной силой подчеркивают и повторяют буквально это самое положение. Это совершенно не случайно и находится в тесной связи со всей идеологией и практикой современного оппортунизма, находится в тесной связи с постановкой вопроса о внешних и внутренних противоречиях капитализма и империализма, с постановкой вопроса о военной опасности и т. д. Словом, это—центральный вопрос.

Теоретически, как говорил Ленин, абстрактно это положение совершенно правильно. Так же правильно, как были правильны абстрактно положения Каутского об ультра-империализме, на что указывал Ленин в своем известном предисловии к книге тов. Бухарина о мировом хозяйстве. Если бы это положение было правильно более чем абстрактно, то-есть, если бы оно не было исторически ограничено, то мы бы имели вечный капитализм и ультра-империализм. Тогда реформисты были бы правы. Но с этим положением вопрос обстоит так же, примерно, как с ультра-империализмом. Классовая борьба ставит и тут и там исторический предел, исторические границы. Действительно в эпоху «нормального» капитализма вопрос практически так и разрешается. Противоречие между ростом производства и ограниченным потреблением разрешается как противоречие между ростом раз-

личных отраслей производства. Это достигается путем перемещения капиталов и расширения внешнего поля капиталистического производства. Возможность такого более или менее беспрепятственного, свободного и широкого расширения и распространения капиталистического производства «разрешает» в ходе самого развития эти его противоречия. Только, но уже в моменты кризиса, это основное принципиальное противоречие между возможностью безграничного расширения производства и ограниченным потреблением выявляет этот свой решающий характер. Но последующий под'ем опять возвращает все развитие к «нормальному» положению, и противоречие между ростом производства и ограниченным потреблением становится опять частью общей диспропорции капиталистического производства, и т. д.

Но совершенно иное положение создается в эпоху кризиса капитализма, в эпоху пролетарской революции. Здесь со всей остротой выявляются вообще все основные противоречия капитализма и империализма. Здесь они развиваются и доходят до революционного предела. Классовая борьба сообразно этому точно так же доходит до борьбы революционной, выходит из рамок капитализма, превращается в гражданскую войну. Растущее уже при империализме противоречие между производством и потреблением здесь неимоверно обостряется, это противоречие выявляет здесь перманентно свой решающий революционный характер. Оно уже здесь не может в основном разрешаться, как часть общей диспропорции капиталистического производства, оно выявляет свой основной характер, вытекающий из основной классовой структуры капиталистического общества. Исторически постановка вопроса принципиально меняется. Противоречие, которое в предшествующем развитии разрешалось как одно из противоречий капитализма, здесь выявляется, как противоречие, лежащее в основе всех остальных противоречий. Понятно поэтому, что реформистам особенно необходимо ставить вопрос так, как будто ничего не изменилось. Понятно поэтому, что сейчас говорить об этой теоретической постановке и не выпячивать на первый план принципиальную историческую разницу в постановке вопроса в эпоху «нормального» капитализма и в эпоху кризиса капитализма, это значит не понимать теоретически и научно основное в кризисе капитализма в эпоху пролетарской революции, это значит политически поддакивать реформизму. Ежели это делается сознательно и на этом настаивают или из этого молчаливо исходят, это есть правый уклон или примиренчество. И это вполне вытекает из всей нашей установки и программы. Без этого нельзя понять, из чего же вытекает, на чем основан, почему мы в центре ставим вопрос о том, что все растущее противоречие между движением современного капиталистического производства и ограниченными рынками образует экономическую основу его кризиса и ведет к войнам и пролетарской революции. Теперь можно перейти, вернуться к вопросу о внутренних и внешних противоречиях. Отметим кстати, что указанная увязка, данная в тезисах ЦК, обнаруживает, мы надеемся, хотя бы отчасти, непонимание вопроса, а по существу есть чистейший и 100%-ый оппортунизм.

Теперь должна быть ясна связь между двумя вопросами о внешних и внутренних противоречиях и о диспропорции между движением производства и потребления. В эпоху империализма и, особенно и прежде всего, в период кризиса капитализма со всей силой выявляется первенство, решающая роль внутренних противоречий капитализма. В этот период эти противоречия в общем и целом перманентно движутся вокруг революционного пункта, развиваются к нему. Это вызывает огромное обострение внешних противоречий. На первый поверхностный взгляд дело обстоит, как будто, наоборот, и так это кажется апологету капитализма. Но при ближайшем рассмотрении это совершенно не так. Иначе неизбежно можно скатиться к реформистской постановке основных теоретических и политических наших вопросов. В Аме-

рике, в частности, иная постановка только на руку дельцам из Американской Федерации Труда, которые из того понимания, что внутренние противоречия растут из внешних, делают для рабочей аристократии тот вывод, что надо поддерживать американский империализм, чтобы, разрешая его внешние проблемы, тем самым уничтожить противоречия внутренние, и с точки зрения апологета это правильно и именно так дело и происходит и должно происходить. Не будь враждебного английского империализма, европейского империализма, растущего движения в колониях, тогда противоречия между пролетариатом и империализмом в Америке, с этой буржуазной точки зрения, не обострялись бы, может быть, даже вообще не существовали. Но ведь на то они и апологеты, чтобы думать так, говорить так, а может быть, даже и видеть так. Ведь апологет тем и отличается, что он видит только поверхность явлений. На самом же деле толкаемый на расширение в силу внутренних противоречий, «ради одного лишь своего сохранения», империализм в эпоху его кризиса наталкивается в этой своей внешней экспансии на растущие препятствия, чем дальше все больше делающие эту экспансию почти невозможной. Возникая на основе развития внутренних противоречий, в огромной степени обостряя противоречия внешние, этот процесс приводит лишь к выявлению непримиримых и принципиальных противоречий между пролетариатом и буржуазией. Отсюда перед каждым национальным сектором империализма встает дилемма—или война или революция. Война может дать некую отсрочку, революция означает гибель. Совокупно со всей стихийностью капиталистического развития и его неравномерностью выбор, как общее правило, указывает на первый путь прежде всего. Война, но именно потому, что в основе империалистической войны лежит огромное обострение внешних противоречий развитием внутренних противоречий, война становится выражением кризиса капитализма, делается возможным революционно-пролетарский выход из войны, этот выход делается даже неизбежным с точки зрения классовой борьбы.

Клевета с.-д., что единственная надежда Коммминтерна есть война, именно потому и есть клевета и политически и теоретически, что Коминтерн проблему войны не рассматривает иначе, как стремление господствующих классов политикой воинствующего империализма, оружием и прежде всего военно-империалистическим окружением СССР, попытаться избежать неминуемого взрыва гигантски растущих и неимоверно обостряющихся противоречий между пролетариатом и империализмом. Именно в виду наибольшей вероятности, что господствующие классы не дадут революционному взрыву подойти вплотную прежде, чем они попытаются ликвидировать его приступ указанным империалистическим путем, Коминтерн связывает перспективу революции с войной, как наиболее реальную, но отнюдь все же не единственную. Коммунистический Интернационал ставит перспективу пролетарской революции независимо от войны, но именно в виду наибольшей вероятности, что империализм сам свяжет эту перспективу с войной и в первую очередь с войной против СССР, Коммунистический Интернационал дает свою противоположную империализму и реформизму, марксистско-ленинскую, революционно-пролетарскую увязку этих проблем — ликвидации войны пролетарской революцией. Именно поэтому у нас есть революционные перспективы борьбы с войной как до ее возникновения, так и, несомненно, во время войны. Иначе этого не было бы. Но эта установка Коммунистического Интернационала зиждется на правильной постановке и увязке вопросов о росте внутренних и внешних противоречий империализма.

Некоторые думают, что при такой постановке замазывается проблема войны, но из всего сказанного должно быть ясно, что вопрос обстоит как раз наоборот. При иной постановке проблема войны ставится или пацифистски или филистерски. Она висит в воздухе, повисают в воздухе и внутренние

противоречия и революционная перспектива. Понятно также, что ленинское положение, ставшее основным для нашей ориентировки, что острие военной опасности направляется против СССР, вытекает именно из этой правильной постановки, увязанной с правильным пониманием основных характеристик кризиса капитализма.

Такова постановка проектами тезисов тт. Пеппера, Ловстона и Гитлоу основных вопросов нашего движения, вопросов о мировом положении.

Ко всему этому тезисы впадают в худший сорт теории деколонизации и даже апологетики империализма, когда в первоначальном проекте говорились, например, такие вещи, что в Южной Америке «испанская культура замещается американской культурой радио и фордовских машин» и, как это осталось и в принятых ЦК тезисах, что экспорт американского капитала в Южную Америку идет не на какие-то милитаристские цели, а на производственные.

е) Постановка меньшинства.

Меньшинство в основу и во главу тезисов кладет известную цитату о третьем периоде и, следуя ей, дает, правда, с некоторыми ошибками общего и частного порядка, но в общем правильный анализ мирового положения, расстановки классовых сил и развития. Один большой недочет, общий и для большинства и для меньшинства: ни те ни другие не удосужились остановиться на развитии событий после VI конгресса и, в частности, на таких важнейших мировых событиях, как Лодзинский и Рурский конфликты. Меньшинство дало в общем правильную постановку о правой и «левой» (эта опасность в тезисах большинства исчезла) опасности в Коминтерне и в американской компартии. Исходя из внутренних противоречий капитализма, как основных, меньшинство в общем дало правильную постановку вопроса о военной опасности, заострения ее против СССР, неразрывно увязав ее с проблемой рационализации и обострения классовой борьбы. Поэтому меньшинство было способно органически увязать в своих тезисах проблему борьбы против военной опасности с проблемами борьбы за ежедневные и конечные требования рабочего класса. А в этом основное. Тезисы большинства даже не пытаются более или менее толково поставить этот вопрос да и органически не способны к этому. Меньшинство в общем правильно ставит вопрос о ситуации в Америке и Европе, о мировом кризисе и ситуации в Америке, но в последнем вопросе меньшинство, хотя и в более слабой форме, но разделяет отчасти крупнейшую ошибку большинства, не увязывая кризис в Америке с кризисом мировым. Правда, это упущение как будто случайно, как видно из других мест его тезисов, но все же несомненно, что и у меньшинства, как мы уже отмечали выше, есть остатки идеологии американской исключительности.

Перейдем к другим вопросам. По обстоятельствам места мы на них остановимся весьма вкратце.

2. Положение Америки.

Здесь глубокое различие между анализом большинства и меньшинства. Позицию большинства здесь можно характеризовать так: гимн американскому империализму; кризис европейского капитализма—да, но в Америке совершенно другое дело, т.-е. нет кризиса мирового капитализма. Здесь и «мощная» и «могучая» техническая революция, здесь сразу и первая (на Юге) и вторая (во всей Америке) «индустриальная революция» и т. д. Даже буржуазия не договорилась до этого. Критиковать тезисы большинства в этом вопросе бесполезно—они стоят вне внутрипартийной критики. Меньшинство в общем дает правильный анализ положения в Америке.

Это относится и к радикализации масс. У большинства это музыка будущего. У меньшинства это реальный факт. Оно тоже делает некоторые ошибки «влево», но это мелочи по сравнению с общей правильной установкой и тенденцией.

3. Борьба с уклонами.

Для большинства главная опасность «левая» и троцкистская,—огонь по меньшинству (все это идет под флагом борьбы направо).

Меньшинство дает в общем правильную постановку вопроса о борьбе на два фронта с главным огнем вправо. Отдельные ошибки меньшинства здесь не вытекают из основной установки.

4. Задачи партии.

В этой части большинство не смогло дать четкий анализ конкретных задач партии. Тезисы его в этом пункте не смогли дать партии ясную большевистскую установку и пути развития партии.

И это наиболее хорошая часть тезисов меньшинства. Весьма тщательно они подходят к анализу каждого конкретного вопроса, дают партии ясную установку. У меньшинства здесь есть одна общая с большинством ошибка, о которой дальше.

5. Выводы.

Тезисы большинства характеризуются так.

Общие основные положения тезисов неправильны, не соответствуют линии и решениям VI конгресса Коммунтерна, ломают эту линию и развивают правые ошибки всего партийного руководства до кануна VI конгресса и большинства его после этого времени и до пленума ЦК по основным вопросам коммунистического движения, по вопросам тактики и предпосылок тактики, анализированным последним, VI конгрессом Коминтерна.

Концентрированное выражение ошибочная концепция тезисов находит в постановке вопроса о внутренних и внешних противоречиях капитализма.

Тезисы со своим первенством внешних противоречий, вследствие оппортунистической исходной этого положения, вообще не смогли дать правильного ни конкретного, ни общего анализа роста внутренних и внешних противоречий империализма вообще и американского в частности.

а) Тезисы не смогли дать конкретные предпосылки и основу для анализа внешних противоречий; этот анализ получился необоснованно, острые формулировки относительно «гигантского роста» этих противоречий повисли в воздухе; предпосылкой этого анализа в части взаимоотношений Америки и Европы является троцкистская оппортунистическая концепция и теория «пайка».

б) Тезисы не смогли дать анализа роста внутренних противоречий американского империализма.

в) Тезисы не смогли увязать внутренних и внешних противоречий, т.-е. проблему военной опасности и борьбы с ней с проблемой революционных перспектив до войны и обострения их во время войны, с проблемой рационализации внутри страны, с наступлением капитала на рабочий класс, с проблемой руководства борьбой рабочего класса против обеих двуединых линий агрессии империализма для реализации революционной перспективы.

г) Тезисы впали в огромную переоценку мощи американского империализма внутри и вне страны, недооценку роста противоречий между рабочим классом и буржуазией, недооценку полевения масс; почти все положения тезисов об обострении противоречий и полевении масс носят лишь общий характер, не являются основными чертами настоящего, а лишь перспекти-

вой далекого будущего, если исходить из общей концепции тезисов; эти положения механически приклеены и не вытекают из экономического анализа, данного тезисами.

д) Оценка тезисами ситуации в Америке прямо противоречит и косвенно и логически ревизует линию и решения VI конгресса. Основная линия их совсем не та.

е) Исходя из этого оппортунистического анализа, тезисы не смогли поставить правильно и основной внутрипартийный вопрос о борьбе с уклонами:

1. Троцкизм получился главной опасностью в партии.

2. Троцкизм пришлось так или иначе назвать правой опасностью, чтобы не получилось прямого противоречия с тезисами VI конгресса.

3. Оппозицию пришлось превратить в правое течение, чтобы направить главный удар против нее и сделать ее частью троцкистской опасности.

4. В тезисах исчезла основная идея решений VI конгресса о борьбе на два фронта, так как исчезла действительно «левая» опасность и действительная опасность троцкизма; но на деле вследствие предшествовавших манипуляций получилась борьба с правыми оппортунистическими предпосылками и положениями; только против «левой» опасности и против правильной левой, ленинской линии; вместо борьбы ленинской линии против правых и «левых» получилась борьба линии с огромными правыми ошибками, примиренческой линии (примиренчество—оппортунизм, прикрывающийся ортодоксальной фразой) против ленинской линии и «левой» опасности.

ж) Вся линия тезисов противоречит линии VI конгресса КИ в американском вопросе.

з) Эта линия фактически означает ревизию всей линии VI конгресса, ибо анализ ситуации американского империализма есть не только анализ почти половины мирового положения, но неизбежно вовлекает также анализ и всего мирового положения.

и) В значительной степени поэтому тезисы ревизуют основное положение Ленина, вошедшее в программу, являющееся стержнем тезисов о мировом положении и ставшее вообще программным для всего Интернационала, что осью современного мирового развития является борьба между империализмом, с одной стороны, и международным пролетариатом и СССР с идущими за ними национально-революционными движениями—с другой; отсюда смазывается вопрос о том, что острие военной опасности направлено против СССР.

к) Теоретическим выражением этих ошибок и концепции, кроме неправильной постановки вопроса о внешних и внутренних противоречиях, о диспропорции между движением производства и потребления, является теория американской исключительности, фактическое исключение Америки из рамок и законов мирового кризиса капитализма и неизбежного расшатывания его стабилизации в третий период этого кризиса, что приводит к утере революционной перспективы.

VI конгресс исходил из того, что третий период кризиса капитализма означает огромное обострение противоречий империализма, приводящее к дальнейшему расшатыванию капиталистической стабилизации; означает огромное обострение классовых противоречий, полевение и революционизирование рабочего класса при открытом и полном сращении его реформистского руководства с империализмом и отсюда необходимость поворота в тактической линии Коминтерна, стержнем которого должна явиться боевая подготовка партий к революционным и решающим испытаниям, главная опасность отсюда—правая, откровенно оппортунистическая опасность.

ЦК американской партии, очевидно, не согласен с этим. Как это видно из анализа основных моментов тезисов, их концепция, прямо выраженная по

отношению к Америке, состоит в том, что капитализм идет вверх, рост классовых противоречий, а тем более огромное обострение их и расшатывание стабилизации лишь впереди, и поэтому главная опасность внутри партий идет «слева», что приходится называть правой опасностью, чтобы не вышло прямого противоречия с тезисами VI конгресса.

Особо надо остановиться на одном общем недостатке тезисов и большинства и меньшинства, недооценке ими действия «технического переворота» и теснейшим образом связанной с ним капиталистической рационализации на рабочий класс. Не только в тезисах большинства, в огромной степени переоценивающих значение роста техники, но и в тезисах меньшинства эта сторона рационализации остается в тени, и ей уделено мало внимания.

Между тем, связанное с ростом техники и с капиталистической рационализацией сильнейшее перенапряжение труда, выражающееся в ускорении конвейера и хода машин, крайнем уплотнении рабочего времени, в бешено подгоняющей рабочих премиальной системе, ведущей к изнашиванию рабочего в более короткий срок и к выбрасыванию его из производства раньше, чем это было до сих пор, и, наконец, абсолютно уменьшающей в некоторых отраслях промышленности число рабочих и создающей огромный рост безработицы, становится поистине центральным вопросом для всего рабочего класса С.-А. С. Ш. и тем самым приобретает крупнейшее политическое значение.

Вокруг борьбы против перенапряжения труда и роста эксплоатации могут сплотиться огромные массы американских рабочих. Основными требованиями, которые могут их об'единить в общей борьбе, являются 7-часовый и 6-часовый рабочий день, социальное страхование за счет предпринимателей и государства. В этой борьбе революционные профсоюзы при хороших руководящих кадрах станут крайне важным, важнейшим рычагом.

V.

Выводы.

Попробуем вкратце формулировать выводы.

Несомненно, что партия растет. Тот факт, что партия за последний год увеличила число своих членов, работающих в крупных предприятиях до 14%, что она начала выступать в качестве руководителя в упорных классовых боях, что ее влияние среди коренных американских рабочих несколько возросло,—все это показывает, что партия вступила в процесс превращения в массовую коммунистическую организацию. Ее основные недостатки и прежде всего фракционная борьба есть в значительнейшей степени результат и наследие прошлого, ее социального состава, и, во-вторых, политических ошибок, искривлений политической и идеологической линии.

Представляет ли большинство законченный правый уклон? Нет. То, что мы выше указывали, есть пока оппортунистическое барахтание, развитие вправо, особенно после конгресса Коммитерна. Большинство не есть правый уклон, но отражает правый уклон в партии, показывает, что он есть главная опасность в партии, подчеркивает это. Может быть, и, наверное, есть здесь и определенно правые элементы, законченно-примиренческие элементы. Правильной принципиальной линией на основе здоровой внутрипартийной жизни и борьбы можно неисправимое, если оно есть, незначительное отсеять, исправимое и основное сохранить для ленинской линии и работы партии.

Представляет ли меньшинство настоящих ленинских левых. Нет, и не может их представлять. Развитие партии еще не создало, но уже создает возможность для развития такого руководства. Теперешнее меньшинство в прошлом разделяло ряд правых ошибок большинства и даже сейчас совершает их иногда на ряду с некоторыми ультра-левыми тенденциями.

Понятно, было бы крупнейшей ошибкой рассматривать ситуацию американской компартии не только оторванно от обострения классовой борьбы в самой Америке, но и от ситуации во всем Коммунистическом Интернационале, т.-е. от развития классовой борьбы во всем мире.

Поэтому основные задачи партии и предстоящего с'езда нам кажутся более или менее ясны. Четыре основные условия необходимы в настоящее время для того, чтобы партия решительно стала на путь превращения в массовую компартию рабочего класса С.-А. С. Ш.,—четыре условия, решающее значение которых не было понято руководством партии: а) установить правильную перспективу в анализе общего кризиса капитализма и американского империализма, как части его; б) поставить в центре всей работы партии и увязать с центральной проблемой борьбы против военной опасности и защиты СССР повседневные интересы рабочего класса С.-А. С. Ш. и особенно требования 6-часового и 7-часового (в зависимости от отраслей) рабочего дня и всех видов социального страхования за счет предпринимателей и государства; в) вывести партию из эмигрантской узости и замкнутости и подвести под нее широчайшую базу коренных американских рабочих, радикально улучшить работу среди негров; г) ликвидировать фракционность и привлечь ко всему руководству партии коренных пролетариев.

Под углом зрения этих основных задач и должен будет работать предстоящий вскоре VI с'езд американской коммунистической партии.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

«НА АГРАРНОМ ФРОНТЕ». Орган Аграрного института при Коммунистической Академии. №№ 1—12 за 1928 г.

Содержание рецензируемого журнала за истекший год можно подразделить на следующие основные группы статей и материалов: 1) вопросы классового расслоения крестьянства, методология его изучения, социально-классовая характеристика советской деревни и характеристика под этим углом зрения отдельных мероприятий нашей экономической политики; 2) общие вопросы аграрной теории; 3) ряд очерков и статей, посвященных аграрному вопросу в различных странах Запада и Востока.

Мы не случайно перечислили проблемы именно в такой последовательности, не случайно выделили на первое место вопросы классового расслоения. Своеобразие рецензируемого журнала состоит именно в том огромном внимании, которое он уделяет этому кругу вопросов, отражая этим характер и направление работ Аграрного института (в прошлом аграрной секции) Коммунистической Академии за довольно длительный период времени. Нельзя не согласиться с т. Л. Крицманом, который видит причину значительного внимания, уделяемого этому вопросу, «не в том, что процесс развития капитализма является основным происходящим в деревне процессом,—это совершенно не верно,—а в том, что изучение этого процесса необходимо для понимания всех других процессов, происходящих в советской деревне» [1]) Точное знание классовой структуры деревни является действительно необходимой предпосылкой не только понимания происходящей в советской деревне классовой борьбы и соревнования капитализма с социализмом, но и правильной и четкой линии политики пролетарского государства.

Аграрный институт Комакадемии и рецензируемый журнал имеют, несомненно, большие заслуги в деле изучения классовой структуры деревни. Об этом свидетельствует и тот материал, который содержится в 12 книгах за 1928 г. В №№ 4, 5, 6—7 и 8 помещены материалы дискуссии, происходившей в стенах Комакадемии, по вопросу о «Классовых группировках крестьянских хозяйств». Наибольший интерес представляет основной доклад т. Л. Н. Крицмана, помещенный в № 4. Тов. Крицман дает систематическую критику ряда так наз. «косвенных» группировок, которые обычно применяются при разработке материалов массовых статистических исследований: группировки по величине посева, по рабочему скоту, по мертвому инвентарю, по стоимости средств производства и т. д. На убедительных примерах доказывается крайняя недостаточность и даже полная непригодность этих группировок (в особенности посевной) для целей исследования классовой структуры деревни. Для этого исследования необходимо класть в основу *прямые классовые признаки*. Классовые отношения в деревне проявляются не только в *прямой* форме капиталистической эксплоатации наемной рабочей силы, но и в ряде косвенных форм эксплоатации, из которых важнейшей является сдача-наем средств производства (скота и инвентаря). Однако, как наем рабочей силы, так и сдача скота и инвентаря не всегда носят капиталистический, эксплоататорский характер. Отсюда следует, что эти отношения становятся *прямыми классовыми признаками* (деревенской буржуазии, если они взяты с положительным знаком, пролетариата, если они взяты с отрицательным знаком) только тогда, когда они достигают определенной значительной величины. Кроме того, есть и еще ряд сложных социальных отношений, которые также должны

[1]) № 4, доклад Л. Крицмана «Классовые группировки крестьянских хозяйств», стр. 114.

быть учтены в социально-классовой группировке. Тов. Крицман на этой основе теоретически разработал сложную систему прямой социально-классовой группировки [1]). Нельзя не признать за этим построением большой научной ценности хотя бы уже по одному тому, что построение тов. Крицмана является первой систематической абстрактно-теоретической разработкой этого вопроса. Неудивительно, что на основе установленных таким образом принципов (в различной их интерпретации) молодыми исследователями-марксистами был произведен ряд интересных исследований. На ряд законченных работ ссылается т. Крицман в своем докладе. В № 4 рецензуемого журнала помещена статья К. Наумова и Д. Жардина «Опыт построения классовой группировки крестьянских хозяйств», в которой авторы оперируют с материалом подворного обследования московской деревни. Этот опыт интересен как попытка применения основных принципов методологии, выработанной т. Крицманом к разработке массового подворного материала. Конечно, для этого потребовалось значительное упрощение самой методологии. В № 5 помещена статья на аналогичную тему т. М. Сулковского «Опыт социально-классовой группировки крестьянских бюджетов подсолнечного района», где те же принципы группировки применены к иному, более сложному материалу.

Место не позволяет нам остановиться подробнее как на этих статьях, так и на прениях по докладу т. Крицмана, помещенных в №№ 5, 6—7 и 8 [2]). Укажем только, что как бы ни относиться к отдельным замечаниям критиков методологии Л. Н. Крицмана (в качестве таковых выступали—С. Дубровский, Н. Суханов, Виноградов и, по более частным вопросам, Г. Раевич), но справедливость требует отметить, что никто из них в положительной части не дал абсолютно ничего, что могло бы быть по праву противопоставлено теоретико-методологическому построению т. Крицмана.

Помимо указанных материалов, на страницах журнала систематически появлялся ряд очерков и статей, посвященных анализу социальных отношений в деревне, на основе тех или иных местных исследований. Назовем лишь некоторые из них: П. П. «Способы эксплоатации в сельском хозяйстве горного Киргизстана (СААН) — (№ 12) и интересный очерк, составленный по материалам специальной экспедиции, дающий описание своеобразных остатков феодальной старины на далекой национальной окраине. В. Маджагаладзе. «Об арендных отношениях в Грузии» (№ 10). М. Чесновок. «Средства производства в хозяйстве рыбаков в низовьях реки Дона» (№ 1), специальный очерк о социальных отношениях в молочном районе, в подмосковной деревне, в воронежской, черниговской и т. д.

Отметим статью И. Дроздова в № 6—7 «Заработная плата с.-х. рабочих до и после Октября», исторический очерк. И. Игрицкого «Движение с.-х. рабочих в 1917 г.» и ряд более мелких очерков о положении батрачества. Однако, следует признать, что вопросы наемного труда в сел. хоз. все же освещались в журнале недостаточно.

Перейдем теперь к статьям на теоретические темы. Вопросам теории земельной ренты посвящено целых пять статей. Такой большой «самотек» (а статьи эти носят следы «самотека») на эту тему свидетельствует о наличии значительной потребности в детальной проработке и разрешении ряда спорных вопросов в проблеме земельной ренты. Об этом свидетельствует и самый характер помещенных в журнале статей. В то время, например, как т. И. Воропаев (№ 8) («Ревизионизм Каутского в теории земельной ренты») стремится доказать, что анализ земельной ренты у Каутского в «Аграрном вопросе» построен на ревизии Маркса, т. Вольфсон

[1]) В рецензируемом докладе он не излагает ее подробно. Она изложена в его статьях в журнале «На Аграрном Фронте» в № 2 за 1926 г., в №№ 8—9 и 10 за 1927 г.

[2]) Окончание прений и заключительное слово пока еще не появились на страницах журнала.

(«Против путаницы в теории ренты») (№ 9), наоборот, становится на точку зрения Каутского в вопросе об исчислении абсолютной земельной ренты на единицу продукта и упрекает в ревизионизме Л. Любимова, исчисляющего абсолютную ренту на единицу земельной площади. Аргументацию И. Воропаева нельзя признать вполне убедительной. Л. Вольфсон приводит много интересных соображений, но приходит в конце концов к парадоксальному выводу, основанному лишь на недостаточно глубокой проработке вопроса. По его мнению, существует не одна, а две различных теории абсолютной ренты у Маркса: одна в «Теориях прибавочной стоимости»,—это есть не что иное, как «очищенная» теория Рикардо,—другая—в III томе «Капитала»,—это и есть настоящая теория Маркса. Здесь не место разбирать статью т. Вольфсона по существу. Укажем, поэтому, лишь в общей форме, что вновь открытое тов. Вольфсоном «противоречие» между двумя работами Маркса едва ли окажется менее иллюзорным, чем целая серия других «противоречий», открытых в разное время критиками Маркса.

П. Першин в интересной статье «Рентабельность землеустройства и мелиорации» (№ 9—10) ставит вопрос о влиянии на капиталистическую земельную ренту мелиорации и землеустройства. Полемизируя против теории об особой «мелиоративной» ренте, П. Першин устанавливает, что мелиорация обусловливает возникновение диференциальной ренты I, по плодородию, II, как это обычно полагают. Землеустройство же обусловливает появление диференциальной ренты по положению, а косвенно—и диференциальной ренты II.

Менее убедительная статья С. Солнцева «К вопросу об источниках диференциальной земельной ренты» (№ 10), затрагивающая (но едва ли разрешающая) один из глубоко принципиальных вопросов теоретической экономии.

М. Сулковский выполнил последнее дело, осветив в специальной статье отношение Маркса к «Закону убывающего плодородия» (№ 2), справедливо указывая на недобросовестные попытки «критиков» или ревизионистов представить Маркса чуть ли не сторонником этого «закона».

С. Пикус дала интересную постановку «Проблемы агрономического кризиса» (№ 1), почти не разработанной в марксистской литературе.

Отметим особую группу статей, посвященных вопросу о «Предмете и методе сельскохозяйственной экономии». (Статьи П. Лященко (№ 2), М. Сулковского и С. Ужанского (№ 12) [1]). Сельскохозяйственная экономия, как особая научная дисциплина, до последнего времени находилась исключительно в руках буржуазных экономистов. В советских вузах преподавание этой дисциплины перешло в руки марксистов, которые включали обычно в свой курс прежний привычный круг проблем, но давали им иное, марксистское решение. Возникла потребность в точном определении предмета этой науки, в его марксистской трактовке, в уточнении методологии. Перечисленные статьи делают только первые и, на наш взгляд, крайне недостаточные шаги в этом направлении.

Из других теоретических статей отметим статью Я. Никулихина «Проблема индустриализации сельского хозяйства» (№ 6 — 7), в которой дана систематическая критика ряда ходячих определений понятия «индустриализации с. х.» и выработано точное марксистское определение этого понятия, а также и интересную заметку И. Верменичева «Об исчислении так называемого «аграрного перенаселения» (№ 1), дающую правильную критику обычных методов исследования этого явления.

[1]) В № 1 за 1929 г. помещена полемическая статья Раевича на ту же тему.

* * *

Прежде чем коснуться статей и очерков на собственно аграрно-политические темы, нужно отметить большую работу М. Кубанина «Социально-экономическая сущность дробления крестьянских хозяйств» (№№ 1, 8, 10), стоящую на грани работ теоретических и собственно политических. Эта работа, вероятно, выйдет отдельными изданиями и вполне достойна специального разбора. Здесь укажем лишь на то, что статья т. Кубанина является едва ли не первой марксистской попыткой специального исследования проблемы дробимости. На ряду с теоретическим социально-экономическим анализом явления дробимости, весьма оригинально построенным, статьи содержат значительный фактический материал как по капиталистическим странам, так и по старой России и по СССР.

Тому же автору принадлежит статья («Против буржуазных извращений в вопросах советского землеустройства», в № 6—7), направленная против «теорий» небезызвестного проф. Хацке и его учеников.

Перейдем теперь к статьям, освещающим основные проблемы нашей сельскохозяйственной политики. В общем и целом в журнале четко и твердо проводилась генеральная линия, намеченная XV с'ездом партии. По ряду коренных вопросов на страницах журнала можно найти обильный и интересный материал. Например, землеустроительной политике посвящены, кроме указанной выше статьи Кубанина, статья В. Шулейкина (№ 2) и И. Верменичева (№ 3). Проблемам колхозного движения посвящено целых 14 статей, из которых следует отметить статьи А. Гайстера: «Достижения и трудности колхозного строительства» (№№ 10 и 12), написанные по материалам переписи колхозов в мае 1928 года. Интересный материал дает статья Ю. Ларина «Завершение аграрной революции в Крыму», рисующая кулацкий уклон в политике Крым ЦИК в период, когда во главе его стоял ныне расстрелянный Вели Ибрагимов.

Но целый ряд других, важнейших проблем аграрной политики в журнале затронут слишком слабо. Мало материала о совхозах, за целый год не появилось ни одной сколько-нибудь интересной статьи по основным проблемам кооперации. Проблеме технической реконструкции посвящена лишь одна статья т. Цилько (№ 8). Совершенно отсутствует освещение проблемы с.-х. цен (если не считать статьи т. Львова об итогах хлебозаготовительной кампании 1927—28 г. в № 9). Не встречали мы на страницах журнала и вопросов планирования сельского хозяйства, в частности—методологии этого планирования. Не затронуты вопросы агрономизации деревни, работы опытных станций, проблемы культурной революции. Некоторая односторонность материала, недостаточно широкий охват всех актуальных вопросов текущего «аграрного фронта»—несомненный недостаток журнала.

В дополнение ко всему сказанному отметим довольно большое количество статей и очерков, посвященных аграрному вопросу за границей. В 1928 г. на страницах журнала освещались отдельными очерками аграрные проблемы следующих стран: С.-А. С. Ш., Японии, Китая, сев.-африканских колоний Франции, Палестины, Мексики, Бразилии, Болгарии, Литвы. Многие из этих очерков представляют серьезный интерес.

Нельзя пройти мимо весьма недурно поставленного отдела библиографии, носящего боевой марксистский характер.

Общая оценка журнала не вызывает сомнений. Это один из интереснейших марксистских журналов, вполне оправдывающий свое боевое назначение.

Дав. Лурье.
